

**Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Юрыдычны факультэт**

Кафедра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права

**СТАТУТ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 ГОДА – ПАДМУРАК
РАЗВІЦЦА БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ І
КАНСТЫТУЦЫЯНАЛІЗМУ
(ДА 480-ГОДДЗЯ ПРЫНЯЦЦЯ)**

г. Мінск

2009 г.

УДК 341.1 (474/476) (093.2) (082)
ББК 67.3 (4Бел)я 43

Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця): Сб. прац, _____ 10 чэрвеня 2009 г., Мінск / К-ра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, юрыд. ф-т, Беларус. дзярж. у-нт. – Мінск: _____, 2009. - _____ с.

Рэцэнзенты:

Кафедра канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Цікавенка Анатоль Герасімавіч – суддзя Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь, доктар юрыдычных навук, прафесар

Адказны за выпуск: С. А. Калінін, А. У. Шылінская

©

Прадмова

Доўнар Т.І. Канстытуцыйная накіраванасць першага звода законаў Беларусі.

Драбязка С.Р. Юрыдычная прырода Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г.

Калінін С.А. Аб прыродзе дзяржавы і беларускай дзяржаўнасці ў першай палове XVI ст.

Ляшэнка Г.Г., Журбялюк Г.У. Статут 1529 г. у кантэксце канцэпцыі верхавенства права.

Голубева Л.Л. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. як помнік прававой культуры беларускага народа.

Саракавік І.А. На шляху да Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г.

Паўлаў В.І. Метадалагічныя асаблівасці асэнсавання айчынай дзяржаўна-прававой традыцыі на шляхах пабудовы сучаснай мадэлі беларускай дзяржавы.

Дзідыч Т.А., Чаплюк А.І. Статут 1529 г. як вынік праваўтварэння ў Вялікім княстве Літоўскім (гісторыка-прававы аспект).

Вішнеўская І.У. Прававая канцэпцыя Францыска Скарыны і Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г.

Матарас В.Н. Палітыка-прававыя погляды Ф.Скарыны.

Вайшвіла А. Літоўскі Статут: паміж прагрэсам і рэгрэсам.

Ермаловіч В.І. Уплыў крыніц айчыннага і замежнага права на фарміраванне Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г.

Музычэнка П.П. Рэцэпцыя рымскага права ў Статутах Вялікага княства Літоўскага.

Грынько С.Д. Уплыў рымскага права на фарміраванне інстытута дзеліктных абавязацельстваў у літоўскіх Статутах.

Сажіна В.У. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. і агульнае права: дактрынальныя адрозненні.

Арлоўская А.І. Граматы на Магдэбургскае права як крыніца агульназемскага права Беларусі XVI ст.

Хаткевіч Н.М. Уплыў Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г. на фарміраванне прававой культуры Беларусі.

Вяршок І.Л. Адлюстраванне правасвядомасці сацыяльных колаў Вялікага княства Літоўскага ў Статуце 1529 г.

Шылінская А.У. Уплыў ідэй Статута 1529 г. на развіццё палітыка-прававой думкі Беларусі першай паловы XIX ст.

Землянінава А.А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. як сацыяльна-інтэграцыйны прававы дакумент.

Шчэрбік Д.В. Значэнне Статутаў Вялікага княства Літоўскага ў пераемным развіцці права.

Яцкевіч І.Р. Асаблівасці прававога рэгулявання абарачэння зямлі ў Вялікім княстве Літоўскім у канцы XV – першай палове XVI ст.

Пыско А.А. Спадчынае права Беларусі ў XVI ст.

Марысюк К.Б. Галоўшчына як від крымінальнага пакарання па Літоўскаму Статуту 1529 г.

Гур'еў С.А. Развіццё крымінальнага права Беларусі XVI ст. (па Статутах 1529, 1566, 1588 гадоў).

Барбоцька П.В. Карупцыя і барацьба з ёй у Вялікім княстве Літоўскім у XVI ст.

Сакальская Е.У. Судовая ўлада маршалка Валынскай зямлі ў перыяд дзеяння Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г.

Грынёў І.В. Міжнародныя адносіны Вялікага княства Літоўскага і Вялікага княства Маскоўскага ў XVI ст. і іх уплыў на геапалітычнае становішча ў Усходняй Еўропе.

Юрачкін М.А. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага ў гістарыяграфіі Расіі XIX – пач. XX ст.ст.

Дадатак (ілюстрацыі).

ЗМЕСТ

ЗМЕСТ.....	5
ПРАДМОВА.....	6
КАНСТЫТУЦЫЙНАЯ НАКІРАВАНАСЦЬ ПЕРШАГА ЗВОДА ЗАКОНАЎ БЕЛАРУСІ.....	13
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г.	20
АБ ПРЫРОДЗЕ ДЗЯРЖАВЫ І БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVI СТ.	23
СТАТУТ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г. ЯК ПОМНІК ПРАВАВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА.....	31
НА ШЛЯХУ ДА СТАТУТА ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г.....	34
ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ: МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ И РЕГРЕССОМ.....	35
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ НА ПУТЯХ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА.....	48
СТАТУТ 1529 Г. КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ).....	55
СТАТУТ 1529 Г. В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА.....	65
ПРАВАВАЯ КАНЦЭПЦЫЯ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ І СТАТУТ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г.....	70
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ Ф. СКОРИНЫ.....	74
ВЛИЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г.	77
РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В СТАТУТАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО.....	85
ВЛИЯНИЕ РИМСКОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ЛИТОВСКИХ СТАТУТАХ.....	92
СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г. И ОБЩЕЕ ПРАВО: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОТЛИЧИЯ.....	98
ГРАМОТЫ НА МАГДЕБУРСКОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК ОБЩЕЗЕМСКОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ XVI В.	101
ВЛИЯНИЕ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВАВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ.....	105
АДЛЮСТРАВАННЕ ПРАВАСВЯДОМАСЦІ САЦЫЯЛЬНЫХ КОЛАЎ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў СТАТУЦЕ 1529 Г.	108
УПЛЫЎ ІДЭЙ СТАТУТА 1529 Г. НА РАЗВІЦЦЁ ПАЛПТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX СТ.	113
СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНЫЙ ДОКУМЕНТ	117
ЗНАЧЕНИЕ СТАТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ПРЕЕМСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ПРАВА.....	121
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЗЕМЛИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ В XVI В.	126
СПАДЧЫННАЕ ПРАВА БЕЛАРУСІ Ў XVI ст.....	129
ГОЛОВЩИНА КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ПО ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ 1529 Г.....	132
РАЗВІЦЦЁ КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВА БЕЛАРУСІ XVI СТ. (ПА СТАТУТАХ 1529, 1566, 1588 ГАДОЎ)....	136
КОРРУПЦИЯ И БОРЬБА С НЕЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI В.	139
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ МАРШАЛКА ВОЛНЫНСКОЙ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД ДЕЙСВИЯ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г.	141
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО В XVI В. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.....	146
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.	151
ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ.....	160

ПРАДМОВА

Даследаванне гістарычнай эвалюцыі прававой сферы заўсёды мае галоўнай мэтай - ўдасканаленне сучаснага заканадаўства і дзеючых прававых інстытутаў. Менавіта пастаянныя трансфармацыі дзяржаўна-прававой сферы патрабуюць пераасэнсавання мінулага і папярэдніх навуковых падыходаў адносна такіх палітычных інстытутаў як права і дзяржава. У гэтай сувязі роля гісторыка-прававой навукі мае асаблівае значэнне, паколькі яна дапамагае прааналізаваць і асэнсаваць папярэдні ход гістарычнага развіцця, улічыць ранейшыя недахопы, на падставе чаго можна прагназаваць перспектывы далейшага развіцця дзяржаўнасці і прапаноўваць найбольш прымальныя механізмы яе ўдасканалення.

Перыяд Вялікага княства Літоўскага (далей па тэксту зборніка ВКЛ) - дзяржавы, палітыка-эканамічным цэнтрам якой былі беларускія землі, з'яўляецца адным з цікавых і важных гістарычных этапаў беларускай дзяржаўнасці. Асабліва гэта тычыцца XVI стагоддзя, на працягу якога ў грамадстве атрымліваюць пашырэнне новыя, гуманістычныя і рэфармацыйныя ідэі, зараджаецца канстытуцыяналізм і парламентарызм дзяржавы, ствараюцца навукова-культурныя і сацыяльна-эканамічныя перадумовы значных дзяржаўных рэформаў (зямельнай, адміністрацыйна-тэрытарыяльнай, судовай і інш.), якія паступова і ажыццяўляюцца. Гэта стагоддзе пазначылася і прававой рэформай, вынікам якой стала стварэнне статутаў - знакамітых зводаў законаў Вялікага княства Літоўскага

Мінула 480 гадоў, як 29 верасня 1529 года быў уведзены ў дзеянне першы звод законаў ВКЛ. Статут 1529 г. з'яўляецца унікальным помнікам прававой культуры беларускага, літоўскага і ўкраінскага народаў, які сведчыць аб арганічнай уключанасці і залежнасці права ад палітычных, сацыяльных, эканамічных і іншых працэсаў. Ён быў выкліканы да жыцця шматлікімі прычынамі. Перш за ўсё актыўнае развіццё ў дзяржаве палітыка-сацыяльных і

эканамічных адносін у канцы XV ст. запатрабавала іх больш дакладнай заканадаўчай рэгламентацыі. У гэты перыяд завяршаецца працэс кансалідацыі тэрыторыі дзяржавы, набывае ўсё большую моц цэнтральная ўлада, саслоўе шляхты, станаўленне прававога статуса якога яскрава праследжваецца ў папярэдніх нарматыўных актах, патрабуе павелічэння і заканадаўчага замацавання сваіх правоў. Акрамя таго, шматлікасць, недакладанасць і пэўная супярэчлівасць папярэдне назапашанага заканадаўчага матэрыялу запатрабавала перагляду іх і прывядзення у пэўную сістэму.

Менавіта таму ў пачатку XVI ст. ствараецца спецыяльная камісія для ПРывядзення ў сістэму заканадаўства, узначаліў якую віленскі ваявода і канцлер ВКЛ Альбрэхт (Войцех) Гаштольд. Вучоныя сцвярджаюць, што зараз немагчыма вызначыць, хто менавіта прымаў удзел у падрыхтоўцы першага Статута. Я.А. Юхо адзначае, што з вядомых навукоўцаў-юрыстаў, якія жылі ў той час у Вільні, дзе вялася асноўная праца па падрыхтоўцы праекта Статута, можна назваць толькі аднаго – знакамітага беларускага навукоўца-гуманіста Францыска Скарыну. Супастаўляючы палажэнні Статута з прававымі поглядамі Ф. Скарыны, можна прыйсці да высновы, што шэраг выказаных ім ПАПЯРЭДНЕ ідэй знайшоў увасабленне ў Статуце. На карысць ГЭТАГА можа служыць таксама той факт, што ўрад меў намер выдаць Статут у скарынінскай тыпаграфіі. Працы Ф.Скарыны сведчаць, што ён ДОБРА ведаў рымскае і замежнае, А ТАКСАМА мясцовае (Г.ЗН. беларускае) звычаёвае права. Менавіта філасофска-прававыя ідэі Ф.Скарыны і іншых тагачасных вучоных адносна маральна-гуманістычнага прызначэння права, неабходнасці нарматыўна-прававога ўладкавання грамадскага жыцця спрыялі развіццю правасвядомасці народа, што ў сваю чаргу стварала ідэйна-тэарэтычную падставу прававой рэформы і сістэматызацыі заканадаўства. У сваю чаргу і сам Статут унёс шмат новага ў развіццё прававой думкі.

Патрэбна адзначыць, што Статут быў створаны на беларускай мове, якая была дзяржаўнай у ВКЛ, што адзначаюць шматлікія навукоўцы, у тым ліку і сучасны літоўскі НАВУКОВЕЦ С.А.Лазутка. У свой час В.І.Пічэта акцэнтаваў

увагу на тое, што гэта была мова беларускага пісьменства, дасягнуўшага у XVI ст. высокага развіцця, і хоць яна некалькі адрознівалася ад жывой народнай гаворкі простых людзей, аднак фанетычна і марфалагічна была беларускай. Крыніцамі яго былі папярэднія заканадаўчыя акты, звычайнае права, судова-адміністрацыйная практыка дзяржавы, у пэўнай ступені рымскае і царкоўнае права, аднак перш за ўсё вучоныя адзначаюць, што галоўнай крыніцай Статута было звычайнае права. Нягледзячы на тое, што некаторыя нормы права былі запазычаны з замежнага права (як гэта заўсёды адбываецца), асноўныя нормы і інстытуты Статута выпрацоўваліся стагоддзямі на землях старажытных беларускіх дзяржаў-княстваў. У складзе ВКЛ гэтыя нормы потым развіваліся, дапаўняліся і ўдасканаліваліся на падставе судова-адміністрацыйнай практыкі і новай дзяржаўнай ідэалогіі.

Праца над Статутам працягвалася доўга, таму што заканадаўчыя акты такога зместу і значэння павінны спачатку аформіцца і саспець у думцы мысліцеляў і заканадаўцаў, перш чым набыць пэўную форму. Як адзначае Ю.Бардах, першыя “кадыфікацыйныя тэндэнцыі” узніклі ў 1501 г., калі Вялікі князь Аляксандр заявіў ў Валынскай абласной грамаце, што будзе кіраваць дзяржавай да таго часу, пакуль “права Статута в отчизне нашей установим”. Аднак, рэальная праца над Статутам пачалася ў 1514 г., калі сойм звярнуўся з паўторнай просьбай да Вялікага князя. У 1522 г. праект Статута быў пададзены на сойм, аднак не задаволіў многіх і праца над ім працягвалася. Канчатковы тэкст яго быў зацверджаны на Віленскім сойме 1528-1529 гг. Статут складаўся з 13 раздзелаў, якія ў сваю чаргу падзяляліся на артыкулы. Першапачаткова ў Статуце было 244 (або 245) артыкулаў, затым у 30-я гг. XVI ст. у яго былі ўнесены дапаўненні і рэдакцыйныя папраўкі, у выніку чаго колькасць артыкулаў павялічылася да 285 (па Слуцкім спісу – 278). Такое адрозненне ў колькасці артыкулаў тлумачыцца тым, што афіцыйны тэкст Статута 1529 г. не быў надрукаваны ў XVI ст., а ў шматлікія рукапісныя спісы ўносіліся дапаўненні дзяржаўнымі пісарамі ці самімі ўладальнікамі рукапісаў.

Галоўнае, што адрознівала Статут ад падобных заканадаўчых актаў іншых дзяржаў, гэта яго канстытуцыйная накіраванасць і ўласныя падставы кадыфікацыі. Ён не паўтараў класічную рымскую сістэму права, а грунтаваўся на ўласнай сістэме, шмат у чым падобнай да сучаснай. Так, першыя тры раздзелы Статута ўключалі ў асноўным нормы канстытуцыйнага характару, хаця такія нормы ўтрымліваліся і ў іншых раздзелах, 4 і 5 раздзелы змяшчалі ў асноўным нормы спадчыннага і шлюбна-сямейнага права, 6 – судова-працэсуальнага, 7 - крымінальнага, 8 - зямельнага, 9 – адміністрацыйнага (ляснага і паляўнічага), 10 – грамадзянскага, 11-13 – крымінальнага і крымінальна-працэсуальнага права. Зразумела, што ў гэты перыяд галіновая структура права толькі яшчэ зараджаецца, аднак артыкулы Статута былі размешчаны ў сістэмным парадку ў прыкладнай адпаведнасці з сучаснымі галінамі права, што з’яўляецца сведчаннем высокага ўзроўню юрыдычнай тэхнікі стваральнікаў закона. У цэлым Статут даволі лагічны і дакладны прававы дакумент, артыкулы і раздзелы якога размешчаны адпаведна ступені важнасці і тых прыярытэтаў, якія мелі на ўвазе тагачасныя заканадаўцы. Ён быў пабудаваны па асаблівай схеме, якая раней не сустракалася і ў структурных адносінах уключала інтытуляцыю, прэамбулу і раздзелы, якія ішлі ад больш важных палажэнняў да менш важных. Гэта схема пераклікаецца з сучаснымі канстытуцыйнымі актамі, хоць у пэўнай ступені і падобна да важнага акта антычнасці - Афінскай Палітыі. Фактычна заканадаўца ўпершыню прапанаваў вельмі арыгінальную структуру размяшчэння нарматыўнага прававога матэрыялу.

Статут адрозніваўся ад іншых сярэдневечных помнікаў права не толькі структурай і значным памерам, але і вышынёй прававой думкі, якая сведчыла і аб значным узроўні развіцця прававой навукі у Вялікім княстве Літоўскім. Некаторыя навукоўцы памылкова звалі Статут кодэксам, аб чым пісаў У.І. Пічэта ў артыкуле «Статут 1529 года і яго крыніцы». Я.А.Юхо падкрэсліваў, што Статут з’яўляецца зводам законаў, таму што ў ім атрымалі юрыдычнае замацаванне асновы грамадскага і дзяржаўнага ладу, паўнамоцтвы шэрагу органаў

дзяржаўнай улады і суда, прававое становішча рознах катэгорый насельніцтва, пытанні злачынства і пакарання, грамадзянскіх праваадносін (напрыклад, спадкаемства маёмасці, здзелкі) і інш.

Увогуле Статут уяўляецца сістэматызаваным законам, які ўзвысіўся над сваім асноўным зместам (палажэннямі грамадзянскага і крымінальнага права), уключыўшы нормы канстытуцыйнага характару, рэгулюючыя, а галоўнае - гарманізуючыя дзяржаўна-прававы уклад ВКЛ. Статут замацоўвае прынцып адзінства права, суверэнітэту дзяржавы і клопоціцца аб яе абароне, аб'яўляючы вайсковую службу абавязковай. Хоць у ім не мела яшчэ свайго юрыдычнага замацавання раздзяленне уладаў у выглядзе нормы-прынцыпа, адна гэта ўжо існавала як ідэя, якая пранізвала ўвесь закон, аб чым сведчыць шэраг палажэнняў. Гаворыцца, напрыклад, што Вялікі князь рашэнні прымае “дзеля агульнай карысці” і не адзін, а разам з панамі-радай, а ў некаторых выпадках патрабуецца нават “ухвала земская” – скліканне сойму. Пры гэтым закон забараняе манарху што-небудзь жалаваць, або падцвярджаць прывілеі, знаходзячыся ў Польшчы. У адпаведнасці са статутнымі нормаў Вялікі князь з’яўляўся вышэйшай службовай асобай дзяржавы, у якой былі не толькі правы, але і абавязкі. Так, ён абавязваўся захоўваць тэрытарыяльную цэласнасць дзяржавы, не надзяляць пасадамі чужаземцаў, не адымаць пасадаў і маёмасці без суда, ахоўваць правапарадак у дзяржаве, прытрымлівацца законаў і старажытных звычаяў, а новыя законы прымаць толькі сумесна з панамі-радай. Такім чынам, Вялікі князь павінен быў падпарадкоўвацца дзяржаўным законам і пры рэалізацыі сваіх уладных паўнамоцтваў дзейнічаць у іх межах, што сведчыць аб зараджэнні ідэі прававой дзяржавы.

Аб гэтым сведчыць і важная, нашмат апераджаючая свой час (хоць зразумела і некалькі дэкларатыўная) статутная норма аб тым, што ўсе падданыя ВКЛ, як багатыя так і бедныя, якога б становішча і саслоўя не былі, роўна і аднолькава павінны судзіцца па статутных нормах (р.1, арт.9). Увядзенне ў Статут гэтай нормы-прынцыпа, якой заканадаўча замацоўваўся прынцып адзінага права для ўсіх жыхароў дзяржавы, было вельмі важным, бо

садзейнічала фарміраванню суверэнітэта нацыі. Дзяржава забяспечвала свой суверэнітэт шляхам пашырэння юрысдыкцыі на ўсю сваю тэрыторыю, а аднолькавае дзеянне закона ў адносінах да ўсіх падданных садзейнічала рэлігійнай згодзе і ўтварэнню адзінай нацыі.

Канешне, Статут, як феадальны закон, перш за ўсё уключае нормы, якія забяспечвалі правы федалаў (у тым ліку адносна права ўласнасці на зямлю). Акрамя таго, ён рэгламентуе іншыя маёмасныя праваадносіны, у тым ліку пытанні спадчыны і апекі, клапаціцца аб правах жанчын і аб іх маёмасным забеспячэнні, дэкларуе права жанчын свабодна выходзіць замуж і шмат іншае. Ён нават утрымлівае прыродаахоўчыя нормы.

Значную ўвагу надае Статут 1529 г. судовай уладзе, якая не была яшчэ аддзелена ад выканаўчай, аднак закон канкрэтнымі артыкуламі некалькі абмяжоўвае самаўпраўнасць мясцовай адміністрацыі і судовых органаў, ахоўвае аўтарытэт суда, абавязвае суддзяў судзіць сумленна, справядліва, у адпаведнасці з законам, што сведчыла аб зараджэнні ідэі прэзумпцыі невінаватасці.

Аналіз палажэнняў Статута сведчыць аб наяўнасці ў ім пэўнай тэндэнцыі гуманізацыі права. Так, Статут рэгламентуе нават тэрмін даўнасці крымінальнага пераследавання: у адносінах цяжкіх злачынстваў - 10 гадоў, менш цяжкіх – 3 гады (р.7, арт.27). У выніку ўзнікнення юрыдычнага канфлікту закон абавязвае прымяняць толькі статутаваыя нормы. Адмова ў ажыццяўленні правасуддзя па прычыне адсутнасці ў Статуце адпаведнай прававой нормы забараняецца. У гэтым выпадку дазвалялася прымяняць звычайнае права.

Стварэнне Статута 1529 г. з'явілася важнай падзеяй у развіцці не толькі праватворчасці, але і правапрымяняльнай дзейнасці, таму што пасля яго прыняцця галоўнае значэнне стала належыць не граматам (прывілеям), а статутам і соймавым пастановам, а дзеянне Статута спрыяла умацаванню правапарадку ў дзяржаве і павышэнню прававой культуры грамадства. Патрэбна пры гэтым адзначыць, што не ўсе палажэнні Статута былі дзеючымі, а замацаваныя ў ім прагрэсіўныя для свайго часу палажэнні, ідэі і прынцыпы

гавораць, што Статут быў у пэўнай ступені праграмным дакументам, арыентаваным не на сучаснасць, а на будучыню.

Увогуле ж месца Статута 1529 г. ў еўрапейскай прававой гісторыі вельмі значнае. Палажэнні яго сведчаць аб багатай прававой культуры тагачаснага грамадства, якая развівалася ў рэчышчы агульнаеўрапейскай прававой думкі. Шматлікія вучоныя і палітычныя дзеячы адзначалі, што такога закона ў той час яшчэ не мела феадальная Еўропа. Першы Статут стаў трывалай асновай для наступнага паступальнага развіцця заканадаўства.

Менавіта ўгодкам гэтага знакамітага помніка права і была прысвечана міжнародная навуковая канферэнцыя, якая адбылася на юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Навуковыя матэрыялы ўдзельнікаў канферэнцыі, надрукаваныя у гэтай кнізе, адлюстроўваюць сучасныя разнастайныя ўяўленні навукоўцаў аб гэтым знакамітым помніку права.

Доўнар Т. І. прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

КАНСТЫТУЦЫЙНАЯ НАКІРАВАНАСЦЬ ПЕРШАГА ЗВОДА ЗАКОНАЎ БЕЛАРУСІ

Т.І.Доўнар

29 верасня 1529 года быў уведзены ў дзеянне знакамiты звод законаў ВКЛ – буйной сярэдневечнай дзяржавы, палiтыка-эканамiчным цэнтрам якой былі беларускія землі. Шматлікія навукоўцы падкрэслівалі яго важнасць і дасканаласць, адзначаючы пры гэтым, што напісаны ён быў на старажытнай беларускай мове, “прочна утвердившейся к тому времени в качестве языка великокняжеской канцелярии”[1].

У практычных мэтах арыгінальны тэкст Статута часта перапісваўся. Захаваліся некалькі яго спісаў, чатыры з якіх (Фірлейскі, Замойскіх, Дзялыньскі і Слуцкі) былі напісаны на мове арыгінала (г.зн. старажытнай беларускай мове[2]), тры перакладных (Лаўрэнцьеўскі, Пулаўскі – на лацінскай мове, Альшеўскі – на польскай). Два спісы на польскай мове былі знішчаны пад час апошняй вайны. Тэкст спісаў некалькі адрозніваўся, у сувязі з чым перад шматлікімі даследчыкамі заўсёды стаяла адна з галоўных задач – узнавіць найбольш блізкі да юрыдычнага арыгінала (аутэнтчны) тэкст Статута. Перыядычна па тых ці іншых прычынах цікавасць да гэтага важнага закона павялічвалася. Так, у 20-я гады мінулага стагоддзя ў сувязі з 400-годдзем прыняцця Статута навукоўцы розных краін узнавілі пошукі яго спісаў і даследаванні. Аднак апублікавана было няшмат работ, у асноўным у Польшчы.

Амаль 50 гадоў таму значнай навуковай падзеяй у Беларусі стала выданне тэкста Статута, падрыхтаванае да друку Аддзелам прававых навук АН БССР пад рэд. К.Яблонска [3]. Вучоныя адзначылі большую дакладнасць яго тэкста ў сувязі з тым, што ў аснову выдання быў пакладзены Дзялыньскі спіс з прыцягненнем новага адчыненага спіса Замойскіх. Аднак даследчыкі Літоўскай ССР звярнулі ўвагу на шэраг недахопаў гэтага выдання і ў 80-я гады ажыццявілі ўласнае, вельмі шыкоўнае выданне Статута. Патрэбна адзначыць,

што імі была праведзена вельмі вялікая праца па удакладненню тэкста Статута, былі надрукаваны ўдакладненні і пэўныя каментарыі да яго, што садзейнічала далейшым навуковым даследаванням.

У Беларусі таксама надавалася ўвага Статуту. Асабліва актывізаваліся даследаванні ў сувязі са значнымі грамадска-палітычнымі зменамі ў 90-я гады XX ст. Прафесар Я.А.Юхо ў сваіх працах неаднойчы падкрэсліваў асаблівую значнасць гэтага першага звода законаў ВКЛ, у аснову якога было пакладзена галоўным чынам звычайнае права старажытных беларускіх дзяржаў-княстваў (Полацкага, Віцебскага, Турава-Пінскага, Навагрудскага і інш.). Ён аргументавана даказваў удзел у падрыхтоўцы Статута знакамітага беларускага вучонага Францыска Скарыны, што ў першую чаргу выцякала з супастаўляльнага аналізу яго твораў і зместа Статута [4]. У сваю чаргу літоўскія вучоныя падкрэслівалі, што галоўным кадыфікатарам і кіраўніком падрыхтоўкі тэкста Статута быў адукаваны для свайго часу буйны магнат, канцлер дзяржавы Альбертас Гоштаутас (Альбергт Гаштольд). Аднак, дакладна члены статутнай камісіі невядомы. Несумненна, галоўнымі ініцыятарамі і распрацоўшчыкамі яго былі феодалы, на карысць якіх і прымаўся гэты закон. Улічваючы, што вышэйшым, у тым ліку і заканадаўчым, органам дзяржавы была рада, то паны-рада з Вялікім князем і былі галоўнымі распрацоўшчыкамі Статута. Патрэбна адзначыць, што прагрэсіўныя прававыя ідэі тагачасных беларускіх мысліцеляў у той ці іншай ступені знайшлі ў ім адлюстраванне, хаця бы ў дэкларатыўным выглядзе, у замацаванні ідэяў-прынцыпаў. Першы сістэматызаваны закон дзяржавы быў выкліканы да жыцця шматлікімі сацыяльна-эканамічнымі і палітычнымі прычынамі. У гэты перяд завяршаўся працэс кансалідацыі тэрыторыі дзяржавы, цэнтральная ўлада набывала ўсё большую моц, прычым улада князя пачынае абмяжоўвацца не толькі радай, але і соймам дзяржавы. Саслоўе шляхты, станаўленне якога яскрава праследжваецца ў папярэдніх заканадаўчых актах, патрабуе павелічэння і заканадаўчага замацавання сваіх правоў і прывілеяў. Аднак, у прэамбуле да Статута Вялікі князь ВКЛ і адначасова Кароль Польшчы Жыгімонт I аб'яўляе,

што жадае даць правы на вечныя часы ўсім жыхарам дзяржавы: «подданым а тубыльцом», свецкім і духоўным, праваслаўным і католікам, спасылаючыся пры гэтым, што яны мелі гэтыя правы ад папярэдніх Вялікіх князёў Казіміра, Аляксандра і іншых.

Галоўнае, што адрознівала Статут ад падобных заканадаўчых актаў іншых тагачасных дзяржаў, гэта ўласныя падставы кваліфікацыі і яго канстытуцыйная накіраванасць. Ён не ўзяў за аснову класічную рымскую сістэму права, а грунтаваўся на самастойна распрацаванай прававой сістэме, шмат у чым падобнай на сучасную галіновую. Першыя тры раздзелы Статута ўключалі ў асноўным канстытуцыйныя нормы, хаця такія сустракаюцца і ў іншых раздзелах. Закон рэгламентаваў асновы грамадска-палітычнага ладу дзяржавы, парадак утварэння, склад і паўнамоцтвы некаторых дзяржаўных і судовых органаў, прававое становішча розных катэгорый насельніцтва і шмат іншае.

Статут усталёўваў прынцып адзінства права для ўсіх жыхароў дзяржавы. Адзін з яго артыкулаў прама гаворыць: “иж вси подданые наши, так вбогие, яко и богатые, которого раду колве або стану были бы, ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны быти” (р. 1, арт. 9). Увядзенне ў Статут гэтай нормы-прынцыпа было вельмі важным, бо садзейнічала фарміраванню суверэнітэта нацыі, які забяспечвала кіраўніцтва ВКЛ шляхам пашырэння юрысдыкцыі на ўсю тэрыторыю дзяржавы. Аднолькавае ж дзеянне закона ў адносінах да ўсіх падданных садзейнічала рэлігійнай згодзе, фарміраванню і кансалідацыі нацыі.

У Статуце выразна праследжваецца ідэя падзела ўладаў, аб чым сведчыць шэраг нормаў. Так, Вялікі князь абавязваецца прымаць законы сумесна з панамі-радай, а ў некаторых выпадках патрабуецца “ухвала земская”, г.зн. скліканне сойма (напрыклад, пры вызначэнні колькасці прадстаўлення ратнікаў). Аднымі з важнейшых канстытуцыйных нормаў былі тыя, што абмяжоўвалі ўладу вялікага князя (гаспадара дзяржавы). Усе справы ў дзяржаве ён павінен быў вырашаць “дзеля агульнай карысці” са згоды паноў радных.

Адпаведна Статуту Вялікі князь з'яўляўся вышэйшай службовай асобай дзяржавы, якая павінна была падпарадкоўвацца дзяржаўным законам і пры рэалізацыі ўладных паўнамоцтваў дзейнічаць у межах статутных нормаў. Пры гэтым акцэнтавалася ўвага на тым, што ў выпадку набыцця вялікім князем права валодання яшчэ якой-небудзь дзяржавай, ён абавязваецца не прыносіць шкоды ВКЛ і панам радным (р.3, арт.1). Гаспадар павінен быў клапаціцца аб павелічэнні тэрыторыі ВКЛ, абавязваўся не памяншаць яе (р.3, арт.2), не даваць чужаземцам пасады і земляў у дзяржаве (р.3, арт.3). Такім чынам, закон дэкларуе прынцып дзяржаўнага суверэнітэту і вызначае абавязак манарха ўсялякімі сродкамі абараняць яго. У сувязі з тым, што ВКЛ знаходзілася ў стане уніі з Польшчай закон забараняе Вялікаму князю і адначасова Каралю Польшчы што-небудзь каму-небудзь дараваць на тэрыторыі Княства, знаходзячыся ў Польшчы (р.1, арт.25).

Статут абавязвае манарха захоўваць ранейшыя службовыя пасады ў дзяржаве, дазваляе службовым асобам дзейнічаць адпаведна старым звычаям, аднак выкарыстоўваючы пры гэтым статутныя нормы (р.3, арт.4). Закон дае права ўсім феадалам свабодна выязджаць за межы дзяржавы для пошука лепшага шчасця ці рыцарскіх учынкаў, выключаючы землі непрыяцельскія (р.3, арт. 8). Вялікі князь пацвярджае дзеянне выдадзеных раней заканадаўчых актаў, а новыя абяцае прымаць з мэтай карысці для дзяржавы і толькі з дазволу паноў рады (р.3, арт.6), абяцае ўсіх феадалаў, а таксама мяшчан і іх людзей (!), захоўваць пры свабодах і вольнасцях, дадзеных ім асабіста і яго папярэднікамі (р.3, арт.7). Важным у сацыяльна-эканамічным аспекце быў таксама артыкул 9 трэцяга раздзела, у якім гаварылася аб праве не толькі феадалаў, але і мяшчан свабодна (г. зн. без дазволу манарха) наследаваць маёмасць сваіх бацькоў. Граматы ж на нерухомасць у дзяржаве павінны былі прымацца князем толькі разам з панамі раднымі, знаходзячыся на вальным сойме, што сведчыла аб зараджэнні інстытута парламентарызму.

У сувязі з працэсам фарміравання прывілеяванага саслоўя шляхты і забеспячэннем оховы яе правоў Статут забараняе ўзвышаць простых людзей

над шляхтай, а шляхту абавязвае заўсёды захоўваць «в их почтивости» (р.3, арт.10). У законе ўдакладняецца норма аб недатыкальнасці асобы. Вядома, перш за ўсё мелася на ўвазе шляхта, правы якой дастаткова поўна рэгламентаваліся ў трэцім раздзеле Статута. Даючы даволі шырокія правы асобам шляхецкага саслоўя, Статут адначасова рэгламентуе і іх абавязкі, аб чым гаворыцца у яго другім раздзеле, прычым закон удакладняе і развівае палажэнні, якія раней былі выкладзены ў агульназемскіх граматах аб вайсковай службе і інш. Так, напрыклад, у Статуце не проста рэгламентуецца, як у грамаце Ягайлы 1387 года, старажытная “пагоня”, а гаворыцца ўжо аб добра арганізаванай вайсковай службе з канкрэтызацыяй правоў і абавязкаў вайскова абавязанага насельніцтва, у тым ліку іх абавязковым пералікам, сістэматычнымі аглядамі войска і г.д. (р.2). Паводле Статута і спецыяльных вайсковых пастановаў, усе паўналетнія вайсковаабавязаныя асобы павінны пад час вайны выконваць вайсковую службу, прычым вялікі князь грозна прыказвае збірацца ўсім абавязаным пад павятовымі харугвамі (р.2, арт.1-2). Закон рэгламентуе пэўныя выключэнні з гэтага правіла (асаблівыя гетманскія прадпісанні і інш.), парадак з’яўлення ў дзеючую армію і іншыя аспекты выканання вайсковага абавязку.

Многія канстытуцыйныя палажэнні папярэдніх агульназемскіх граматаў XV-XVI ст. у Статуце паўтараюцца, удакладняюцца і дапаўняюцца, прычым выразна бачна жаданне заканадаўцы ўстанавіць належны правапарадак ў дзяржаве. Гэта тычыцца палажэнняў аб адказнасці кожнага за сябе і свае правапарушэнні, аб абавязковым і неадкладным разглядзе тых судовых спраў, якія былі ўзбуджаны пры папярэдніх князях і інш. Пры гэтым Вялікі князь звяртае ўвагу на пераемнасць у жаданні ўсталявання законнасці і правапарадка. Ён пацвярджае законнасць падараванняў феадалам зямель папярэднімі князямі, абяцае ў тэрмін разглядаць справы, якія тычацца гонару чалавека або яго добрай славе, вызваляе жыхароў дзяржавы ад шэрагу павіннасцей адпаведна звычайнаму праву і г.д. (р.1, арт.15, 19, 20-22 і інш.)

Нормы, якія прадугледжваюць забеспячэнне законнасці і правапарадку утрымліваюцца ў шматлікіх артыкулах Статута. Так, гаворыцца, што пастановы вялікага князя, прынятыя сумесна з радай, павінны выконвацца абавязкова, пад пагрозай крымінальнага пакарання (р.1, арт.23). У тым выпадку, калі князь выдаў пісьмовы дакумент адносна маёмасных правоў адной асобе, а потым на гэту ж маёмасць выдаў іншай асобе грамату, то лічыўся законным першы дакумент, акрамя выпадкаў не ўступлення ў валоданне маёмасцю на працягу дзесяці гадоў (р.1, арт.24). Службовыя асобы абавязваліся ў сваёй дзейнасці карыстацца законам. Суддзі павінны былі судзіць у межах закона, сумленна і справядліва. (р.6, арт.1). У выніку ўзнікнення юрыдычнага канфлікту закон абавязвае прымяняць толькі статутныя нормы. Адмова ў ажыццяўленні правасуддзя па прычыне адсутнасці адпаведнай статутнай нормы забаранялася і г.д.

Нормы Статута сведчаць аб дастатковай моцы і аўтарытэце судовай улады ў дзяржаве. Законам ахоўваўся аўтарытэт суда. Так, за праяўленне непавагі да суддзяў прадугледжвалася крымінальная адказнасць. Таксама і суддзі пры ажыццяўленні правасуддзя нікога не павінны былі абражаць і ганьбаваць. У зваротным выпадку яны неслі адказнасць за свае неправамерныя дзеянні. Закон забараняў судзіць і караць, у тым ліку адымаць пасады і землі, на падставе завочнага абвінавачвання. Гарантыямі справядлівасці судовых рашэнняў было права на абскарджанне судовых пастаноў, наяўнасць інстытута адвакатуры, а таксама замацаванне такіх важных прынцыпаў (якія мелі месца ў агульназемскіх граматах), як адказнасць кожнага за сваю віну, у адпаведнасці з законам і ў судовым парадку. Менавіта гэтыя палажэнні ўтрымлівалі ўжо элементы прэзумпцыі невінаватасці.

Адзначаючы важнасць і канстытуцыйную накіраванасць Статута, узнікае пытанне аб прычынах уключэння ў закон былі такіх важных прававых норм. На наш погляд, у першую чаргу таму, што ВКЛ, знаходзячыся ў дагаворных (унійных) адносінах з Польшчай, імкнулася захаваць сваю самастойнасць. Акрамя таго, заканадаўца жадаў усталяваць адзіную законнасць і правапарадак

ў дзяржаве, якая стваралася доўгі час з шэрагу былых самастоўных дзяржаў–княстваў. Падаецца, што ўключыўшы канстытуцыйныя нормы, Статут меў галоўнай мэтай – умацаванне адзінства новай дзяржавы і яе незалежнасці.

Літаратура:

1. Pirmasis Lietuvos Statusas - Первый Литовский Статут. - Vilnifus. V.: Mintis, 1983. – S.12.
Тамсама. – S.13.
2. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск: Изд-во Академия наук БССР, 1960. - 254 с.
3. Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: Вучэб.дапам. – Мінск: Універсітэтскае, 1992. - С.163.
4. Pirmasis Lietuvos Statusas - Первый Литовский Статут. - Vilnifus. V.: Mintis, 1983. – S.12.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г.

С.Г. Дробязко

Юридическую сущность первого Статута ВКЛ интерпретируют по-разному. Академик В.И.Пичета в своей незаконченной статье «Литовский статут 1529 г. и его источники» именовал его феодальным кодексом, кодексом феодального права, единым судебным кодексом, «основными законами» ВКЛ первой четверти XVI века [1]. Профессор И.А. Юхо в статье «Статут Вялікага княства Літоўскага» характеризовал его как “збор законаў феадальнага права”[2]. В книге “Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі” утверждается, что Статут 1529 г. это “Першы звод законаў дзяржавы”, явившимся “вынікам першай агульнай кадыфікацыі заканадаўства ў дзяржаве”[3]. Рассматриваемый Статут называют еще наиболее полным рукописным кодексом, развернутым кодексом феодального права [4]. Есть и иные точки зрения о юридической природе Статута 1529 г.

Некоторые основания для признания Статута 1529 г. кодексом имеются поскольку большинство его норм относится к уголовному законодательству, предусматривающему наказания главным образом за преступления против государственной власти, личности и собственности. Однако Статут 1529 г. как систематизированный акт не относится к кодексу ни по своему предмету, ни по сфере правового регулирования, ни по структуре, ни по содержанию включенных в него норм, упорядочивающих отношения формирующимися отраслями государственного (конституционного), административного, уголовного, гражданского, земельного, процессуального права, а также лесного и других отраслей законодательства. Кодекс (кодифицированный нормативный правовой акт) как утверждается в ст. 2 Закона “О нормативных правовых актах Республики Беларусь” – это закон, обеспечивающий полное системное регулирование определенной области общественных отношений (мной подчеркнуто – С.Д.). Статут же 1529 г. регулировал все наиболее важные области общественных отношений, нуждавшихся в государственной их защите. Статут 1529 г. – это Свод законов – высшая форма систематизации законодательства. Она обычно основыв-

вается на инкорпорации, консолидации и кодификации. При этом «Свод» содержит элементы конституционализма, но не является Конституцией. Конституция принципиально отличается от «Свода» тем, что она является сводом принципов, а не законов. Об этом не случайно утверждал Т. Пейн – один из основателей науки конституционного права и разработчик Конституции США. Всякая Конституция закрепляет принципы государства, политической системы, общества в целом, права как метасистемы, суперсистемы, надсистемы, интегрирующей в себе все закрепляемые правом системы (экономическую, нравственную, религиозную, экологическую и другие), нуждающиеся в государственной их защите и потому именуемую основным законом.

Итак, Статут ВКЛ 1529 г. по своей юридической природе является Сводом законов с некоторыми элементами конституционализма как процесса становления отрасли конституционного права, включающего в себя нормы-идеи, выражающие правовую идеологию, исходящую из философско-этического обоснования правовой сущности как высшей ценности, значимой для всего законодательства, а также нормы-принципы и нормы-правила об устройстве государства, политической системы, общества в целом и права как интегративного и верховенствующего регулятора с формирующейся системой его отраслей права и законодательства.

Элементы конституционализма в Статуте 1529 г. заключаются в формулировании его преамбулы о добром намерении одарить христианскими законами подданных, всех коренных жителей ВКЛ какого бы сословия и происхождения они не были как католического так православного вероисповедания, как латинского, так и греческого закона, а также светского и гарантирование их Великим князем. По сути дела упоминание «греческого» и «латинского» подчеркивает преемственность провозглашаемых в Статуте прав, их природы, устоев древнегреческой философии, создателем которой был Сократ с его основным постулатом: «Всякое знание, отделенное от справедливости и другой добродетели (подчеркнуто мной – С.Д.), представляется плутовством, а не мудростью», а также догмой римских юристов о праве как силе разума, добра и справедливости.

Элементами конституционализма в Статуте 1529 г. являются нормы-принципы, закрепляющие в частности презумпцию невиновности (ст. 7 Раздела I), равенство всех перед законом и единым судом (ст.9), а также нормы-правила в сферах политической, экономической, социальной, экологической как зарождение формирующихся институтов и отраслей права и законодательства.

Литература:

1. Пичета В.И. Литовский статут 1529 г. и его источники. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Под ред. К.И. Яблонскиса. Изд. АН БССР. М-к. 1960. с.15, 19, 21, 25.
2. Юхо І.А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Даведнік “Беларуская савецкая энцыклапедыя” імя Петруся Броўкі. М-к. 1989. с.529.
3. Р.А.Васілевіч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі. М-к. ВТАА “Права і эканоміка”. 2001. с.37.
4. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Под ред. К.И. Яблонскиса. Изд. АН БССР. М-к. 1960. с. 2,3.

АБ ПРЫРОДЗЕ ДЗЯРЖАВЫ І БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVI СТ.

С.А.Калінін

Сучасныя працэсы дзяржавабудавання і развіцця міжнародных стасункаў патрабуюць аналізу прычын і ўмоў фарміравання пэўнай гістарычнай дзяржавы з пазіцыі тэарэтычнага разгляду развіцця дзяржавы як палітычнага інстытута арганізацыі публічнай улады. Гэта, на наш погляд, трэба праводзіць, улічваючы наступнае:

1. Рэтраспектыўны аналіз развіцця любой *гістарычнай* дзяржавы звычайна робіцца праз палітычную і ідэалагічную прызму яе сучаснага існавання або іншага суб'екта, які прэтэндуе на пэўную “гістарычную спадчыну” (напрыклад, “Сказанне аб Вялікіх князях Уладзімірскіх” было спробай Уладзімірска-Суздальскай (потым Маскоўскай) Русі ідэалагічна абгрунтаваць свае прэтэнзіі на тэрыторыю ўсёй Русі і прадставіць гістарычную Літву захопнікам «исконно русских земель»).

2. Дзяржава як феномен арганізацыі публічнай улады з’яўляецца даволі позна. Пры гэтым сутнасць гістарычнай дзяржавы, формы існавання публічнай улады, мэты, якія ставіць перад сабой грамадства, аб’яднанае ў межах дзяржавы залежыць ад многіх фактараў. Так *сучасная* заходняя дзяржава была створана як інструмент, праз які Заходняя Еўропа вырашыла канфлікт паміж рознымі плынямі Заходняга Хрысціянства (Рэфармацыя і Контррэфармацыя). Другія дзяржаўныя формы існавання публічнай улады маюць якасна іншую прыроду, якая выцякае з пэўных гістарычных і іншых умоў (напрыклад, горад-дзяржава мог існаваць толькі пры абмежаваных тэрыторыі і колькасці насельніцтва, пры іх павелічэнні форма праўлення аб’ектыўна змянялася; усходняя дэспатыя, якая была аб’ектам крытыкі антычных элінаў, была арганічным ладам аб’яднання вялікіх тэрыторый і розных народаў, што патрабавала жорсткай цэнтралізаванай улады, якая абапіралася на войска і бюракратыю).

3. Сучасны перыяд міжнародных адносінаў характарызуецца крызісам Вестфальскай мірнай сістэмы, заснаванай на прызнанні дзяржавы выключным

суб'ектам міжнародных адносінаў, які мае суверэнную ўладу над насельніцтвам пэўнай тэрыторыі. Такі статус дзяржавы дазволіў ёй праз выцісканне іншых суб'ектаў публічнай улады з палітычнага і грамадскага жыцця мець інструментальна абсалютны і таталітарны характар. Пры гэтым таталітарызм як аб'ектыўную рысу заходняга тыпу дзяржаўнасці трэба адрозніваць ад падобных з'яў у іншых дзяржавах, дзе моцная дзяржаўная улада і, як следства буйны дзяржаўны апарат, выконвалі функцыю асноўнага інтэгратора тэрытарыяльна вялікага грамадства. Напрыклад, для усходніх дэспатыі была характэрна наяўнасць моцнай сялянскай абшчыны, і як следства, даволі развітага самакіравання, якое ў Заходняй Еўропе мае гарадскія карані. Зараз паралельна з дзяржавамі ўзнікаюць і існуюць іншыя інстытуты, якія прэтэндуюць на публічную ўладу, абмяжоўваючую суверэнітэт дзяржавы (міжнародныя палітычныя, эканамічныя і іншыя арганізацыі, непрызнаныя дзяржавы, транснацыянальныя карпарацыі, рэлігійныя арганізацыі і г.д.).

4. Дзяржаўнасць Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў XVI стагоддзі цяжка называць выключна беларускай, літоўскай, украінскай або іншай. Вялікае княства мае дачыненне да гісторыі не толькі Беларусі, але і да гісторыі сучасных Летувы, Украіны, Польшчы, Латвіі, Расіі. Пры чым гістарыяграфія кожнай сучаснай *нацыянальнай* краіны разглядае вызначаны перыяд з сваіх *сучасных* інтарэсаў, спрабуючы канстатаваць сучасны status quo, што не вельмі аб'ектыўна. На наш погляд, трэба ўлічваць розніцу паміж сучаснымі нацыянальнымі дзяржавамі – спадкаемцамі Вялікага княства, якія зараз шукаюць сваё месца ў сусветнай гісторыі (Беларусь, Летува, Украіна, Латвія і г.д.) і Вялікім княствам, як дзяржавай, дзе этнічная ідэнтыфікацыя не мела сучаснага значэння. Напрыклад, на трон Рэчы Паспалітай запрашаліся француз Генрых Валуа, трансільванец Стэфан Баторый, швед Жыгімонт Ваза. Але трэба ўлічваць, што цэнтрам Вялікага княства былі беларускія землі і Віленшчына, якая юрыдычна была перададзена Летуве паводле рашэнняў дзяржаў-пераможцаў у Першай сусветнай вайне, а фактычна толькі ў 1939

годзе рашэннем Савецкага Урада пасля далучэння тэрыторый Заходняй Беларусі да СССР.

5. Выкарыстанне даволі распаўсюджанай зараз адзнакі пэўных гістарычных падзей праз іх дэмакратычнасць (недэмакратычнасць), бо ў сучаснасці такая рыса прызнаецца галоўнай і найважнейшай, на наш погляд, з'яўляецца не вельмі навукова карэктным. Дзяржаўнасць трэба аналізаваць з пазіцыі дасягнення (недасягнення) пэўных мэтаў, якія стаялі перад дзяржавай (грамадствам) у той перыяд. У іншым выпадку “дэмакратычныя” інстытуты такой дзяржавы будуць прадметам даследвання сусветнай, а не нацыянальнай гісторыі, бо заўчасна “дэмакратызаваная” дзяржава знікне з палітычнай карты свету (што і атрымалася з Рэччу Паспалітай у канцы XVIII ст.).

6. Пры выкарыстанні пэўных гістарычных тэрмінаў (абсалютызм, дэмакратызм і г.д.) трэба ўлічваць кантэкст іх узнікнення і магчымае несупадзенне істотных прыкмет пры характарыстыцы з'яў, якія адносяцца да розных цывілізацыйных і культурных тыпаў. Пры гэтым у развіцці любой дзяржаўнасці можна вылучаць пэўныя аб'ектыўныя заканамернасці, на якія вельмі істотна ўплываюць асаблівасці яе гістарычнага шляху.

XVI стагоддзе з'яўляецца вельмі важным этапам у развіцці сучаснай дзяржавы, якая выступіла новай формай тэрытарыяльнага аб'яднання і ідэнтыфікацыі насельніцтва, замяніўшы традыцыйную для Сярэднявечча рэлігійную ідэнтыфікацыю. Такая ідэнтыфікацыя насельніцтва дазваляла групіраваць насельніцтва па канфесіях (каталікі, праваслаўныя, пратэстанты, іудзеі, мусульмане), асабліва не прывязваючыся да пэўнай тэрыторыі, на якой магло дзейнічаць адначасова некалькі юрысдыкцый (напрыклад, саслоўных, нацыянальных і г.д.). Але пад час Контррэфармацыі такая ідэнтыфікацыя выступіла адной з формаў будучага нацыяналізма як віда грамадзянскай рэлігіі, формы стаўлення да тэрытарыяльнай дзяржавы як да сваёй (каталік – паляк, праваслаўны – рускі, кожны, хто жыве у Францыі, француз).

Для ВКЛ праблема забеспячэння рэлігійнага міру была адной з найбольш важных для захавання ўласнай незалежнасці. З аднога боку, для праваслаўных

Масква з’яўлялася роднай па веры, гэта горад, дзе, не глядзячы на спробы Вялікіх князёў заснаваць сваю незалежную мітраполію, знаходзіўся Мітрапаліт (потым Патрыярх), які лічыў тэрыторыю Вялікага княства *сваёй* епархіяй. Такім чынам, знаходжанне духоўнага цэнтра ў Маскве дала падставу Маскоўскай дзяржаве ўмешвацца ў справы ВКЛ. З другога боку, палякі не прызнавалі літвінаў за роўных па веры, спрабуючы праз Касцёл дамагацца поўнай інкарпарацыі і ліквідацыі ВКЛ, а таксама паланізацыі насельніцтва.

У XVI стагоддзі перажываюць крызіс такія формы асабіста-тэрытарыяльнай ідэнтыфікацыі як Рымская Царква і Свяшчэнная Рымская імперыя Германскай нацыі. Узнікненне гарадоў і развіццё капіталістычных адносінаў пачынае мяняць стэрэатып паводзінаў насельніцтва, служэнне (Богу, суверэну і г.д.) як форма светапогляду замяняецца імкненнем да дасягнення уласных інтарэсаў і пошукам тых інструментаў, якія будуць здольнымі вырашыць сацыяльныя і асабістыя канфлікты. Адначасова пачынаецца працэс фарміравання асобных нацыянальных дзяржаў, якія спрабуюць выйсці з-пад уплыву Царквы і Імперыі (тэндэнцыі “англіканізма” і “галіканізма” Рымскай Царкве). Такая нацыянальная дзяржава прэтэндуе на паўнату улады на сваёй тэрыторыі (суверэнітэт) і пачынае паступова абмяжоўваць і ліквідаваць усё іншыя канкуруючыя сацыяльныя структуры. Гэта адлюстроўваецца ў тэндэнцыях да цэнтралізацыі ўлады, права і судаводства. Пры гэтым трэба адрозніваць вызначаныя працэсы ў Заходняй Еўропе ад іншых дзяржаў.

Крызіс Рымскай Царквы і Імперыі, адначасова, не азначае падзення рэлігійнасці ў грамадстве, бо Рэфармацыя і Контррэфармацыя з’яўляюцца тымі перыядамі, калі рэлігійнае напружанне дасягае вельмі высокага ўзроўню. Пры гэтым згодна Л. М. Гумілёва гэты перыяд з’яўляецца фазай надлома адзінай заходнееўрапейскай цывілізацыі, бо Рэфармацыя раскалола Еўропу па канфесійным прыкметам, інакш структурызаваўшы насельніцтва. Гэта выступіла пагрозай для асобных дзяржаў, якія маглі быць проста падзелены па канфесійных прыкметах, і абумовіла неабходнасць стварэння іншых механізмаў тэрытарыяльнага аб’яднання насельніцтва. Для ВКЛ такая еўрапейская

праблема абцяжарана наяўнасцю значнай колькасці праваслаўных, для якіх і каталікі, і пратэстанты (што не перашкаджала ім супрацоўнічаць у палітычнай сферы) з'яўляюцца дагматычна чужымі.

Ініцыятарамі цэнтралізацыі ў Заходняй Еўропе былі гараджане, якія згаджаліся на неабмежаваную ўладу адной асобы (абсалютызм) замест некалькіх канкурыруючых юрысдыкцый. Пры гэтым такая абсалютная ўлада абмяжоўвалася вопытам гарадскога самакіравання, а таксама традыцыйным поглядам на другаснасць дзяржавы як сацыяльнага інстытута, якая ствараецца праз блаславенне Рымскай Царквы як формы грамадзянскай супольнасці.

У Маскоўскай дзяржаве цэнтралізацыя мела іншыя карані. Па-першае, для Праваслаўя яшчэ з Візантыі характэрны давер і прага моцнай дзяржаўнай ўлады, з якой Царква не канкурыравала ў палітычнай сферы, але надаючы яе дзеяннем маральную адзнаку. У хрысціянскай Заходняй Еўропе пасля падзення Заходняй Рымскай імперыі свецкая ўлада звычайна не мела таго аўтарытэта, які быў у Рымскай курыі, здолеўшай фактычна стварыць новую еўрапейскую дзяржаўнасць, якая разумелася як другасная ў дачыненні да Царквы. Па-другое, ступень цэнтралізацыі Старажытнай Русі застаецца актуальнай праблемай у агульнай гісторыі, якую можна разглядаць і як дастаткова цэнтралізаваную ў межах шляху “з вараг у грэкі”, і як садружнасць паўдзяржаў, аб'яднаную дынастыяй Руракавічаў (потым Манамахавічаў, за выключэннем Полацка, дзе правілі Ізяслававічы) і царкоўнай іерархіяй. Феадальнае раздрабленне ў пэўныя перыяды магло ўспрымацца і як звычайная (неабходная) з'ява і як зло. Па-трэцяе, знаходжанне Паўночна-Усходняй Русі ў складзе Залатой Арды прынесла на гэтыя землі вопыт мангольска-кітайскай цэнтралізацыі і арганізацыі ўлады.

Пры гэтым гістарычна ранняя цэнтралізацыя на Русі мела аб'ектыўны характар, бо значныя межы і частыя сутычкі з суседзямі патрабавалі моцнай цэнтралізаванай улады, здольнай арганізаваць належную абарону. Таксама кантроль над шляхам “з вараг у грэкі” патрабаваў для забяспячэння яго функцыянавання інструментаў узгаднення палітычнай ўлады розных цэнтраў

(Так працягам гэтай тэндэнцыі будзе Дамова Смаленска, Полацка і Віцебска з Рыгай і Гоцкім берагам 1229 года). Пры гэтым моцная ўлада князя ўзаемадзейнічала з гарадскім самакіраваннем, або князь запрашаўся як ваенны кіраўнік. Адзначым, што інструментальная цэнтралізацыя Маскоўскай дзяржавы мае больш усходні характар, бо ўплыў Візантыі і Старажытнай Русі быў абмежаваны галіной культуры.

ВКЛ можна разглядаць як дзяржаву, якая знаходзілася на Памежжы розных цывілізацый, таму аднолькава вырашыць яе прыналежнасць да Усходу або Захаду складана. Але асаблівасцю з'яўлялася накладанне каталіцкага спосаба уладарання на праваслаўны менталітэт, што прывяло да расколу пасіянарнасці літвінаў. Праваслаўныя атаясамлялі сябе потым з аднаверным Вялікім князем Маскоўскім і, карыстаючыся феадальным правам ад'езду, пераходзілі да яго на службу. Пры гэтым Маскоўскі уладар, прымаючы на служэнне, потым не іх адпускаў, а лічыў здраднікамі. Каталікі спрабавалі браць за ўзор Польшу. Пры гэтым можна сцвярджаць немагчымасць мірнага суіснавання гэтых канфесій пры дамінаванні каталіцтва, што падцвярджаецца тэндэнцыяй развіцця прававога статуса шляхты гэтых веравызнанняў. Каталікі, пачынаючы з Крэўскай і Гарадзельскай уніі, набываюць сабе прывілеі, выціскаючы праваслаўных з ўсіх сфер жыцця, а праваслаўныя патрабуюць роўнасці ў правах. Вялікім князям (выключна каталікам па веравызнанню) прыходзіцца балансаваць паміж патрабаваннямі Курыі аб знішчэнні схізмы і неабходнасцю абараняць усходнюю мяжу сіламі памежнай праваслаўнай шляхты. Так Жыгімонт Стары не вельмі звяртаў увагу на неналежнае выкананне прывілеяў аб абмежаванні праў праваслаўных.

Любая сярэднявечная дзяржава складалася з земляў, якія мелі розныя правы і этнічны статус, што было абумоўлена рознымі спосабамі іх увахода ў склад дзяржавы (захоп, дынастычны шлюб, купля, абмен, прысяга на служэнне і г.д.). Па меры ўскладнення грамадскіх адносін і фарміравання прафесійных кіраўнікоў (бюракраты) узнікала неабходнасць уніфікацыі прававых статусаў як земляў, так і асоб. Такая ўніфікацыя магла быць дасягнута толькі праз

выданне агульнадзяржаўных кадыфікаваных нарматыўных прававых актаў (напрыклад, прывілеі Ягайлы 1387 г., Казіміра 1447 г., Аляксандра 1492 г., Бельскі прывілей і інш.) і праз стварэнне адзінай сістэмы адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу, і у тым ліку праз фарміраванне судовай сістэмы.

Такім чынам, Статут 1529 г. як першая спроба сістэматызацыі заканадаўства выступае часткай складаных працэсаў цэнтралізацыі Вялікага княства, адлюстроўвае пэўныя тэндэнцыі Гуманізму, калі чалавек пачынае разглядацца не як вернік, член карпарацыі (саслоўя), а як грамадзянін, роўны перад законам і ўладай. Патрэба ў Статуце была таксама абумоўлена прывілейным характарам заканадаўства таго перыяду, нормы якога трэба было пераводзіць з партыкулярнага ў агульнадзяржаўныя.

Пры гэтым пэўныя “дэмакратычныя” (з сучасных поглядаў) моманты ў Статуце фактычна заканадаўча абмяжоўвалі ўладу Вялікага князя на карысць буйных феадалаў, што далей не вельмі добра адбілася на лёсе дзяржавы. Так Статут абвяшчаў норму, згодна якой людзі, як убогія, так і багатыя, павінны былі судзіцца згодна гэтым актам. Вялікі князь, адначасова з абавязкамі захавання тэрытарыяльнай цэласнасці дзяржавы і існуючых законаў, недапушчэння іншаземцаў на дзяржаўныя пасады, ненадавання ім маёнткаў, земляў, чыноў, абавязваўся выдаваць новыя законы толькі па згодзе з панамі-радай. Пазбаўленая ўлады дробная шляхта, якая бачыла ўзор польскай “залатой вольнасці”, прагнула аналагічнага статусу, ігнаруючы агульныя інтарэсы. Напрыклад, Віцебскі сейм 1562 года аб неабходнасці заключэння уніі з Польшчай быў скліканы праваслаўнай шляхтай на гэтых падставах. Пры гэтым адносна незалежнасць Вялікага княства пры падпісанні Люблінскай уніі была захавана дзякуючы буйным феадалам.

Лічым, што любыя гістарычныя працэсы павінны адбывацца ў свой час і вырашаць праблемы, якія стаяць перад дзяржавай. Любая ўлада па сваёй сутнасці з’яўляецца пэўным прымусам да насельніцтва для дасягнення агульнасацыяльных мэтаў. У выпадку несвоечасовасці пазітыўная з’ява можа

несці гібель дзяржаве. Падсумоўваючы вынікі, трэба адзначыць наступныя рысы беларускай дзяржаўнасці ў разглядаемы перыяд:

1. У XVI ст. паступова адбываюцца змены ў характары ідэнтыфікацыі насельніцтва да дзяржавы, канфесіянальная прыналежнасць пачынае дапаўняцца этнічнай. Напрыклад, павялічваюцца супярэчнасці паміж этнічнымі часткамі ВКЛ (будучыя Летува, Беларусь, Украіна).

2. ВКЛ па аб'ектыўных і суб'ектыўных прычынах не змагло завяршыць сваю цэнтралізацыю, не здолеўшы стварыць моцную дзяржаўную бюракратычную ўладу праз наданне магчымасці асобам з іншых саслоўяў дамагацца дзяржаўных пасадаў. Шляхецкая дэмакратыя па ўзору Польшчы і канкурэнцыя буйных магнатаў прывялі да заняпада дзяржавы.

3. Па пэўных прычынах Рэч Паспалітая (асабліва пры Жыгімонце Вазе) звязала свой лёс з інтарэсамі Рымскай Курыі, ахвяраваўшы ўласнымі інтарэсамі, што прывяло да выціскання некатоў з палітычнага, грамадскага і іншага жыцця. Рэч Паспалітая, абараняючы інтарэсы каталіцтва, не здолела стаць цалкам суверэннай дзяржавай, прыняць і гарантаваць уласны Нантскі эдыкт. Пры гэтым Маскоўская дзяржава таксама звязвала свой лёс з Праваслаўем (магчыма, гэта рыса любой монаканфесійнай славянскай дзяржаўнасці) праз канцэпцыю “Масква – трэці Рым” (потым “Масква – новы Іерусалім”), але іншыя дагматычныя стасункі паміж дзяржавай і Царквой і супадзенне дзяржаўнага і рэлігійнага цэнтраў прывялі да іншых вынікаў. Пры гэтым і Літва, і Масква маглі забяспечыць мірнае існаванне мусульман на сваёй тэрыторыі.

4. ВКЛ, ствараючы прававыя і судовыя інстытуты забеспячэння інтарэсаў розных саслоўяў, не здолела стварыць належную сістэму выканання дзяржаўных і судовых рашэнняў па прычыне імкнення шляхты (асабліва дробнай) да прывілеяванага становішча ў дзяржаве. Маскоўская дзяржава, абапіраючыся на жорскую цэнтралізацыю, прыярытэт надавала магчымасці выканання дзяржаўных рашэнняў.

СТАТУТ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г. ЯК ПОМНІК ПРАВАВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

Л.Л. Голубева

Статут 1529 г. быў падрыхтаваны ў эпоху Адраджэння, якая характарызуецца ўздымам навукі і мастацтва, станаўленнем нацыянальнай мовы і самасвядомасці, гуманістычнага светапогляду. Пачынальнікам беларускага рэнесансавага асветніцтва быў Ф. Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар, выдавец першай беларускай Бібліі. Сярод навукоўцаў існуюць думкі, што менавіта Ф. Скарына ўдзельнічаў у складанні і рэдагаванні Статута, ён меў ступень доктара медыцыны і доктара свабодных навук, у тым ліку і доктара права. У сваіх творах Ф. Скарына прытрымліваўся ідэі вяршэнства народа ў праватворчасці, з’яўляўся прыхільнікам актуальнай зараз ідэі міру паміж народамі, якая з’яўляецца актуальнай і зараз. Ф. Скарына выказваў думкі аб справядлівасці закона, адпаведнасці яго мясцовым звычаям, часу і месцу. Выказваўся ён і па адным з найбольш важных пытанняў крымінальнага права – аб мэце пакарання, якая яго думку, з аднаго боку, заключаецца ў застрашванні злачынцы, з другога боку – у папярэджванні іншых асоб, здольных здзейсніць злачынства.

Права Ф. Скарына падзяляў на натуральнае і пісанае. Натуральнае права ўласціва кожнаму чалавеку, аднолькавае для ўсіх людзей і не залежыць ад месца і часу. Пісанае права падзяляецца на Боскае, царкоўнае (кананічнае) і земскае. Нормы Боскага права змешчаны ў кнігах Старога і Новага Запавету і з’яўляюцца сінонімамі волі Бога. Таму, на думку Ф. Скарыны, заслугоўвае асуджэння не толькі той, хто не падпарадкоўваецца волі Бога, але і той, хто не ведае яе прадпісанняў. Кананічнае права – гэта пастановы (каноны), прынятыя царкоўнай уладай. Вялікую ўвагу мысліцель надае земскаму праву, у якім у залежнасці ад грамадскіх адносін, што рэгуляваліся пэўнымі нормама ён вылучаў: паспалітае права (яно ўключала ў сябе нормы грамадзянскага і

сямейнага права), міжнароднае, дзяржаўнае, крымінальнае, ваеннае, гарадское, марское, гандлевае права. Гэтая класіфікацыя права мела не толькі тэарэтычнае, але і практычнае значэнне і была выкарыстана пры падрыхтоўцы Статута 1529 г. як першага сістэматызаванага зводу законаў у Еўропе.

Праца па падрыхтоўцы Статута вялася на працягу некалькіх гадоў у першай чвэрці XVI ст. камісіяй пад кіраўніцтвам канцлера ВКЛ А. Гаштольда, якая да 1522 г. падрыхтавала праект Статута, які не быў зацверджаны. Канчаткова праект быў уведзены ў дзеянне 29 верасня 1529 г. Статут як звод законаў феадальнага права быў падрыхтаваны на аснове кадэфікацыі і сістэматызацыі норм мясцовага звычайнага права, прывілеяў, Судзебніка Казіміра 1468 г., адміністрацыйнай і судовай практыкі дзяржавы, а таксама ў некаторай ступені норм заходнееўрапейскага, польскага, рымскага, царкоўнага права.

Складальнікі Статута прытрымліваліся такіх прынцыпаў як суверэннасць дзяржавы, адзінства права, прыярытэт пісанага права. У Статуце 1529 г. юрыдычна замацаваны асновы грамадскага і дзяржаўнага ладу, прававое становішча класаў, саслоўяў і сацыяльных груп насельніцтва, парадак утварэння, склад і паўнамоцтвы некаторых органаў дзяржаўнага кіравання і суда. Згодна з нормамі Статута ўсе асобы, “як убогія, так і багатыя” павінны былі судзіцца па нормах, выкладзеных у ім. Закон замацаваў важную для дзяржавы норму: Вялікі князь абавязваўся захоўваць тэрытарыяльную цэласнасць дзяржавы, не дапускаць чужаземцаў на дзяржаўныя пасады ВКЛ, не даваць ім маёнткаў. Вялікая ўвага ў Статуце надавалася судова-працэсуальнаму праву. Абвяшчаўся прынцып публічнасці правасуддзя, фармальнай роўнасці бакоў у працэсе, правы абвінавачанага, у тым ліку на удзел адваката.

Ідэі эпохі Адраджэння паўплывалі на нормы крымінальнага і грамадзянскага права ў Статуце 1529 г. і наступных. У арт. 7, раздз. 1 абвяшчалася, што ніхто не павінен адказваць за чужую віну: “также никто не должен быть наказан и приговорен за чей бы то ни было проступок, а только

тот, кто виновен”; крими́нальнае пакаранне трэба назначаць толькі асобам, віна якіх устаноўлена судом. Закон прадугледжваў тэрмін крими́нальнага праследавання: за найбольш цяжкае злачынства – 10 гадоў, менш цяжкае – 3 гады. У Статуце зроблена спроба абмежаваць халопства. Дастаткова поўна выкладзены нормы, якія забяспечвалі права ўласнасці феадалаў. Змешчаны нормы шлюбна-сямейнага, апякунскага, спадчыннага права (маёмасныя правы жанчын і дзяцей, парадак выдачы дзяўчат замуж; абвяшчалася абяцанне Вялікага князя не выдаваць замуж прымусова, а толькі з іх згоды; рэламентаваліся парадак назначэння апекуноў непаўналетнім дзецям, якія засталіся без бацькоў). Статут 1529 г. утрымлівае нормы зямельнага, ляснога і паляўнічага права.

Такім чынам, Статут 1529 г. з’явіўся трывалай асновай для далейшага развіцця заканадаўста ВКЛ, далейшай кадэфікацыі і сістэматызацыі права, паслужыў базай і крыніцай для распрацоўкі, як і Статута 1566 г., так і Статута 1588 г.

**НА ШЛЯХУ ДА СТАТУТА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
1529 Г.**

НА ШЛЯХУ ДА СТАТУТА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г.

І.А. Саракавік

Вядома, што вяршыняй сістэматызацыі і кадыфікацыі права Беларуска-Літоўскай дзяржавы XVI ст. сталі зводы законаў – Статуты 1529, 1566 і 1588 гг. Па сваёй унутранай дасканаласці і шырыні рэгуліруемых адносін яны пераўзыходзілі нарматыўныя прававыя акты многіх тагачасных дзяржаў Заходняй Еўропы. Асабліва значымасць сярод іх належыць Статуту 1529 г., які адкрыў статутны перыяд у развіцці нашага права. Гэта актуалізуе пытанне вывучэння фактараў, якія прывялі да прыняцця Статута ВКЛ 1529 г. Не буду арыгінальным, калі адзначу два галоўныя – гэта папярэднія крыніцы права, а таксама і сацыяльна-эканамічныя і палітычныя прычыны.

Крыніцамі Статута 1529 г., як вядома, былі звычайнае права, папярэднія прывілеі Княства, асабліва прывілеі Казіміра 1447 г., Аляксандра 1492 г., Жыгімонта I 1506 г., Судзебнік Казіміра 1468 г., адміністрацыйная і судовая практыка і ў пэўнай ступені асобныя нормы рымскага, заходнееўрапейскага, польскага і кананічнага права. У аснову шэрагу палажэнняў Статута закладзены нормы звычайнага права, якія ў свой час яны набылі форму закона ў выглядзе грамат, прывілеяў, лістоў князя (вялікага князя), пастановаў сойма, іншых прававых актаў.

Спалучэнне ранейшай і новай правасвядомасці ажыццяўлялася ўжо ў першых вядомых пісаных нормах права, напрыклад такіх як дагавор 1229 г. Смаленскага, Віцебскага і Полацкага княстваў з Рыгай, Готландскай зямлёй і нямецкімі гарадамі [1, с. 15 – 24] (да слова, пісанае права з’явілася ў Еўропе таксама ў XIII ст.). Да гэтага часу адносяцца і дагаворныя граматы паміж жыхарамі Полацкага і Віцебскага княстваў з іх князямі. На сённяшні дзень такіх дагавораў даследчыкі не выявілі, аднак пра іх існаванне вядома, дзякуючы таму, што многія нормы гэтых дагавораў былі ўпісаны ў больш познія нарматыўныя акты, якія да нас дайшлі. У прыватнасці, у абласной грамаце

жыхарам Полацкай зямлі 1511 г. ёсць спасылкі на акты, якія былі выдадзены Вялікімі князямі Скіргайлам, Вітаўтам, Жыгімонтам, Казімірам, Аляксандрам і ў якіх захаваліся нормы X – XII стст. [1, с. 76 – 80]. Вялікі пласт прававога матэрыялу быў выдадзены з другой паловы XIV ст. да пачатку XVI ст. у выглядзе агульназемскіх, абласных, валасных, гарадскіх і іншых грамат і прывілеяў, соймавых ухвал і судовых выракаў.

Асаблівую ўвагу хацелася б звярнуць на прывілеі Казіміра 1447 г., Аляксандра Казіміравіча 1492 г., Жыгімонта Казіміравіча 1506 г. У прывілеі Казіміра 1447 г. найбольш поўна выкладзены правы феодалаў. Арт. 3 пашырае кола асобаў, якім гарантавалася права недатыкальнасці, уключаючы ў яго такія катэгорыі, як прэлаты, княжаты, рыцары, шляхціцы, баяры. Прывілей называе і гарадскіх жыхароў – месцічаў. Арт. 5 змяшчае важную канстытуцыйную норму аб тым, што «княжата, рытеры, шляхтичи, бояре, добровольно имели бы мощь выехати з наших земель князьства великого, для лучшего шчастья набытия, а любо учинков рытерских, до каждых земель, сторон, только выменяючи стороны неприятельское» [2, с. 53]. Магчымасць набываць адукацыю, у тым ліку і юрыдычную, у лепшых навучальных установах Еўропы, а затым вяртацца дамоў і выкарыстоўваць іх на практыцы садзейнічала як гаспадарчаму, так і духоўнаму развіццю Беларуска-Літоўскай дзяржавы. Гэты артыкул падкрэсліваў і свабоду выезда з дзяржавы і вяртання назад як неад’емнае права чалавека.

Адпаведна арт. 11 ні Вялікі князь, ні яго намеснікі і іншыя службовыя асобы дзяржавы «земль наших литовских и русских и жемоитских и иных» не мелі права прымаць на дзяржаўныя ці вялікакняжацкія землі прыватнаўласніцкіх «людей данных, извечных, селянитых, невольных». У той жа час і феодалам забаранялася прымаць на свае землі дзяржаўных (вялікакняжацкіх) сялян. Значыць, гэты прывілей Казіміра стаў галоўным канстытуцыйным актам, які юрыдычна заклаў пачатак прыгоннага права на нашых землях.

Істотнае значэнне маюць арт. 13 і 14, у якіх заканадаўча замацоўвалася тэрытарыяльная цэласнасць дзяржавы, яе суверэнныя правы і адасобленнасць (арт. 13) і адначасова забаранялася раздаваць чужаземцам дзяржаўную маёмасць і пасады. У арт. 14 падкрэслівалася: «Також обещуем и слобуем, иж в землях тых наших великого князства земель, городов, мест а любо некоторые вранды а любо чти, не маем дать в честь никоего чужоземца, але только родичам тых земель наших предреченых Великого Княства Литовского дамо, и наши после будущии дадут в держание и володенье» [1, с. 46].

У прывілеі Аляксадра Казіміравіча 1492 г. нормы канстытуцыйнага права атрымалі далейшае развіццё. Першыя яго артыкулы ўвабралі ў сябе палажэнні прывілея Казіміра 1447 г., а арт. 13 – 33 былі новымі. Так, арт. 13 замацоўваў асновы міжнароднай палітыкі: падтрыманне добрасуседскіх адносін (з такімі краінамі, як Масковія, Заволжская Арда, Перакопская Арда, Валахія, каралеўства Польскае, княства Мазавецкае, Прусія, Лівонія, Пскоў, Вялікі Ноўгарад, Цвер і Разань), абавязак захоўваць раней заключаныя саюзы і пагадненні, «даводзіць іх да лепшага становішча і павелічэння».

Новай была норма, згодна з якой Вялікі князь не меў права адмяняць ці змяняць законы, пастановы і судовыя рашэнні без згоды на тое паноў-Рады. Тым самым павышалася роля і значнасць гэтага інстытута дзяржавы.

Прывілей пацвердзіў норму прывілея Казіміра аб тым, што пасады і маёмасць «мы абавязваемся не раздаваць нікому з чужакоў ці іна(ш)земцаў, але толькі прырод(жа)ным жыхарам» (арт. 14).

Важныя і іншыя палажэнні прывілея Аляксандра: забарона службовым асобам вымагаць у падначаленых і насельніцтва звыш устаноўленых плацяжоў рознага роду падачкі, неабходнасць вынясення справядлівых судовых выракаў (рашэнняў), роўнасць усіх перад законам («Мы, а аднолькава і паны-рады нашы, абавяз(е)аемся нічога не браць ад суда і не стаяць пры адным баку з прычыны фавора, але кожнага аднолькава судзіць, даслед(а)ваць або прыводзіць у выкананне выракі» – арт. 28) і інш.

Важна, што абмяжоўваючы ўладу Вялікага князя, нормы гэтага прывілея «фактычна вызначалі яго прававое становішча не як гасудара-вотчынніка, а як вышэйшай службовай асобы ў дзяржаве» [3, с. 21].

На прыняцце Статута паўплывалі і сацыяльна-эканамічныя і палітычныя фактары. Асноўныя з іх наступныя:

1. Актыўнае развіццё сацыяльна-эканамічных і палітычных адносін у ВКЛ на пачатак XVI ст., што запатрабавала іх прававой рэгламентацыі для далейшага развіцця грамадства і дзяржавы.

2. Істотныя змены адбыліся ў класе феадалаў. Прыкметна стала вылучацца сярэдняя і дробная шляхта з ліку вайскова-служылага люду. Яна стала патрабаваць для сябе не толькі эканамічных, але і палітычных прывілеяў, і ў гэтым накірунку дабілася пэўных вынікаў, якія заставалася толькі замацаваць юрыдычна.

3. На пачатак XVI ст. завяршаецца працэс кансалідацыі тэрыторыі ВКЛ. Цэнтралізатарскія памкненні Вітаўта, Казіміра, Жыгімонта I Старога ўмацавалі цэнтральную ўладу, якая імкнулася заканадаўча замацаваць гэта.

4. Пэўны вопыт набыла практыка падрыхтоўкі і прыняцця нарматыўных прававых актаў у выглядзе прывілеяў (грамат), кадыфікацыі права на прыкладзе Судзебніка Казіміра 1468 г. Логіка развіцця права ў ВКЛ прыводзіла да далейшага яго ўдасканалення ў першую чаргу ў накірунку сістэм..

Усё гэта і спрыяла прыняццю першага звода законаў – Статута 1529 г., які пачаў рыхтавацца задоўга да яго прыняцця. Упершыню неабходнасць кадыфікацыі атрымала прававое афармленне ў Валынскім прывілеі Вялікага князя Аляксандра 1501 г., у якім гаварылася, што мясцовы закон (прывілей Валынскай зямлі) дзейнічае толькі да часу прыняцця агульнадзяржаўнага закону – Статута.

У 1514 г., улічваючы патрэбы феадалаў, Сойм ВКЛ звярнуўся да Вялікага князя з просьбай паскорыць заканадаўчую працу над агульнадзяржаўным законам. Аднак першы праект Статута (які падрыхтавала камісія пад кантролем

канцлера ВКЛ Альбрэхта Гаштольда) быў разгледжаны толькі ў 1522 г., а ўведзены ў дзянне ў 1529 г.[4, с. 215].

Літаратура

1. Гл.: Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: са старажытных часоў да нашых дзён: вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо. – Мінск: Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь, 1998. – 311 с.
2. Гл.: История Беларуси в документах и материалах / Авт. – сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Мінск: Амалфея, 2000. – 672 с.
3. Гл.: Васілевіч, В.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / В.А.Васілевіч, Т.І.Доўнар, І.А.Юхо. – Мінск: Права і эканоміка, 2001. – 363 с.
4. Гл.: Беларусь: энцыкл. даведнік / Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і інш.. – Мінск: БелЭн, 1995. – 800 с.

ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ: МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ И РЕГРЕССОМ

А.Вайшвила

При определении юридической значимости Литовского Статута* обычно делается приятный для литовского читателя вывод о Статуте 1529 г. как о «довольно прогрессивном и совершенном» [1], как «неимеющим себе равных в Восточной Европе».[2] Польский специалист по уголовному праву Ю. Макаревич (1919) представил Третий Литовский Статут как «источник польского права, или как минимум источник кодификации, заполнивший пробелы в польском праве».[3] Литовский юрист А. Янулайтис связывал значимость Литовского Статута с его прогрессивной процессуальной концепцией осуществления правосудия: «В Литве судебные дела рассматривались публично, преобладал состязательный процесс разбирательства (это те начала, которые в Европе укрепились только в XIX веке) в отличии от Западной Европы, где преобладал инквизиторский процесс со своими тайнами, пытками, обманчивыми вопросами (...) В литовском суде каждый шаг суда был известен сторонам, чего не было у соседей ни на Востоке, ни на Западе».[4] «Ни один судебник в Европе того времени не смог сравниться с Литовским Статутом как по своему объёму, завершённости разработки правовых норм, универсальности сферы правового регулирования и демократичности».[5] Такие или схожие оценки в разное время давали Литовскому Статуту не только литовские, но и белорусские, русские, польские, украинские, немецкие исследователи. Само ВКЛ, действовавшее на основе правил Литовского Статута, расценивалось как «феодалное правовое государство» (J. Jurginis, S. Lazutka, J. Bardach [6] и др....) Поводом для такой характеристики служил и тот факт, что ВКЛ по форме государственного управления (после смерти Сигизмунда Августа) функционировало как аристократи-

---

* Аўтар у артыкуле выкарыстоўвае тэрміналогію, якая прынята ў сучаснай літоўскай навуцы (заўвага рэдактара).

ческая республика (выборная власть), а республика, как противоположность деспотии, считалась в то время эквивалентом правового государства (И. Кант).[†]

Не подвергая сомнению этих высоких оценок, обратим внимание на их отношение лишь к чисто юридической стороне вопроса. Однако юридические достоинства не познаваемы сами из себя, ибо они – не самоцель, а лишь средство, создаваемое народом для повышения своих жизненных возможностей. Это значит, что Литовский Статут по своему содержанию являлся и социально-политическим явлением. Поэтому к нему можно предъявлять требования и другого содержания, а именно о месте Статута в историко-поступательном развитии народов ВКЛ, качестве возможностей народов, живших по принципам Литовского Статута на сохранение и укрепление своей государственности, национально-культурного тождества, на дальнейшее свободное развитие и благополучие в бескомпромиссной борьбе для выживания.

Поиски ответа на этот вопрос уже требуют определённого изменения приоритетов и акцентов. В таком случае основным и исходным правовым новшеством, а может быть и достоинством Литовского Статута тогда следовало бы считать не столько характер самих правовые нормы, их юридическую технику, сколько их социальное содержание, прежде всего общественный договор, заключённый между Великим князем и «гражданами», который определял всё дальнейшее социальное содержание Статута, ибо компетенция государя и его отношения с «гражданами» были помещены в строгие рамки конституционных норм. Воля государя ограничивалась в пользу активизации, расширения и защиты прав «граждан», а такая идейно-нормативная ориентация в конце XVIII века, как известно, привела к возникновению современного конституционного права Америки и Западной Европы.

Поскольку власть государя ограничивалась правами «граждан», то понятно, почему основное место в Статуте отводилось правам и свободам личности, прежде всего - знати. Великий князь был обязан судить и наказывать всех

[†] Из-за ограниченного объёма статьи нет возможности указать на все с моей точки зрения юридические достоинства Литовского Статута, тем более критически их рассматривать.

жителей ВКЛ только на основе писаного закона и публичного судебного разбирательства (Статут 1529. Р. 1, арт. 10), суд считался единственным местом, где допускалось только насилие законов и только санкционированное судом; за судом признавалось право на судебный прецедент, что является свидетельством рассмотрения законодателем суда как правотворческого органа; коллективная уголовная ответственность заменялась индивидуальной (Статут 1529. Р. 1, арт. 7), свободный человек лишен права отказаться от своего свободного статуса: договора, в которых заключались такие отказы, считались недействительными (Статут 1529. Р. 11, арт. 11); совершение преступления тоже не считалось достаточным основанием, чтобы свободное лицо подвергалось «вечному рабству» (Статут 1529. Р. 11, арт. 6); с целью создания экономической основы для действительности и надёжности прав и свобод знати признавалось за ней право собственности на владение имений, полученных когда-то в качестве гарантии выполнения военной службы, верности и подчинения государю.

Во всех этих упомянутых и неупомянутых достоинствах Литовского Статута скрывалась обратная невидимая, но существенная сторона, в которой заключался его расширенный социальный смысл, который делал юридические достоинства Статута неоднозначными. Именно с этим и связан основной вопрос причин утраты государственности наиболее активной в политическом и культурном отношении частью народа, вооружившейся, как казалось, перспективными правовыми идеями и институтами, близкими к институтам современного правового государства, обогатившей ими опыт правовой мысли Европы; причин упадка, но не роста государственной жизни, организованной по принципам «прогрессивного и себе равных не имеющего» Статута. Это обуславливает проблему того, было ли это скольжение вниз исторической случайностью, результатом неблагоприятного стечения международных обстоятельств или к этому способствовала, в т. ч. «юридическая прогрессивность» Литовского Статута, утвердившего с исторической точки зрения далеко идущие ограничения государственной власти. Возможно к такому результату привела черезчур далеко идущая эмансипация одного сословия за счёт углубления неволи других со-

словий. Указанное обуславливает проблему надлежащей степени ограничения государственной власти в пользу свободы индивида, особенно в условиях феодализма, чтобы эта тенденция не превратилась в абсолютизацию частного интереса и в развал государства.

Считаем, что без определённого ответа на эти вопросы значение Литовского Статута в поступательном развитии народов ВКЛ вряд ли может быть познано во всей своей исторической перспективе, а сам Статут осознан и как нормативный опыт, необходимый современному поколению людей, сталкивающихся с теми же самыми проблемами при поиске адекватного современного устройства общественно-государственной жизни. Имея в виду основные положения Литовского Статута и дальнейший ход истории ВКЛ, можно сказать, что Статут на самом деле дал не те социальные последствия, которых от него ожидали некоторые его создатели, находившиеся под влиянием привлекательных, но в то время идеалистических идей Ренессанса и Гуманизма.

Общества в рассматриваемый период из-за относительно низкого научно-технического уровня и связанной с ним низкой производительности труда были вынуждены работать больше, чем потреблять, больше действовать совместно, чем индивидуально. Соответственно такая ситуация требовала, чтобы социальные отношения в большей степени основывались не на приоритете прав личности, сколько на приоритете обязанностей, не столько на неприкосновенности личности, сколько на необходимости и на приоритете воли государя, организующей своих подчинённых к совместным действиям, использующей принуждение к послушанию закону и к культурной активизации тех же самых подчинённых. Случайно ли, что Речь Посполитая со своим приоритетом шляхетских прав и свобод в то время было окружено со всех сторон абсолютными монархиями, основавшими внутреннюю жизнь и международные отношения на приоритете обязанностей подчинённых, наделивших высшей неограниченной властью не «граждан», воюющих между собой, не государя, направлявшего их волю на осуществление целей государства. В итоге самоволие одного сдерживало самоволие всех и каждого.

Абсолютные монархии, конечно, не претендовали на статус «правовых государств», которой также по следующим причинам нельзя считать ВКЛ; так субъектами права Литовский Статут признавал по существу лишь боярское сословие, которое составляло 5-6 процентов всего населения страны. Поэтому «договор» между Великим князем и вельможами на самом деле означал своеобразный «заговор» меньшинства против прав основной части населения, т.к. права крестьян и мещан сужались в таком же объёме, в каком расширялись привилегии и свободы знати, что привело к отождествлению свобод и несвобод. Неслучайно А. Волян, П. Скарга и др. авторы того времени неволю крестьян в Речи Посполитой считали более тяжкой, чем в краях *absolutum dominium*. И это понятно, ибо невозможно было расширять права одних не ущемляя прав других, не углубляя вражду в самом обществе.

Далеко идущие ограничения законодательской и исполнительной власти государя, концентрация государственной власти в Сейме привело к тому, что государь и вся государственная власть не смогла гарантировать правовой порядок, который устанавливался Статутом. Вельможа на основе Литовского Статута обеспечивал себя безопасностью от возможного произвола королевской власти, чтобы иметь возможность безнаказанно творить произвол в отношении более слабого. При отсутствии действенной исполнительной власти, несмотря на строгость норм действующего Статута, они убивали, калечили, жгли замки, усадьбы, грабили урожай, скот более слабого соседа, выступали судьями в своих делах, содержали собственные тюрьмы, не выполняли решений судов. Статут устанавливал верховенство закона и с каждой новой редакцией последовательно разрушал государственную, особенно исполнительную власть, которая являлась гарантом действенности этого верховенства на практике. Правовые цели, установленные Статутом, на практике вступали в определённое противоречие со средствами их осуществления. Поэтому уровень реализации тех же самых личных прав и свобод, к которым стремился Статут, на деле оказалось в Речи Посполитой меньше, чем в соседних странах, где, как уже сказано, офици-

ально процветал узаконенный и не узаконенный произвол абсолютного монарха.

Все эти противоречия, заключенные в Статуте, в конечном счёте раньше или позже должны были вызвать (и вызвали в XVIII веке) кризис государства как общенародной ценности. Государство стало как бы ненужным основным сословиям общества. Шляхте оно стало не нужным, по причине, получения от государства почти всего, что нужно было для их узко воспринимаемых гарантий свобод (право собственности на полученные от государства (владыки) имения и на крестьян, обрабатывающих эти имения, а также получили утверждённые Статутом обязательства самой владыки не посягать на их права). От криминальных посягательств их защищала личная охрана, а некоторых - и личная армия. С точки зрения непосредственной экономической выгоды государство такому шляхтичу уже не могло ничего дать, а могло лишь брать (налоги, подати, требование рисковать жизнью на поле боя и т.д.). Такой не нуждающийся в государстве шляхтич «жил только сегодняшним днём, жил только для себя, интересовался тоже только своими делами. Если в XVII в. – во времена «золотых свобод» (...) только вельможи избегали каких-либо налагаемых государством обязанностей, то в XVIII в. этого избегали буквально все бояре».[7] Ещё меньше в поддержании государства были заинтересованы бесправные крепостные, за которыми государство не признавало основных прав человека, не защищало их от произвола знати, а только увеличивало их нищету и горе дополнительными повинностями. А слишком ограниченное в своей компетенции и никому «ненужное» государство уже было не в силе привести «в чувство» знать, ослепшую из-за абсолютизации своей частной выгоды. Поэтому в конце XVIII в. агрессивно настроенным государствам-соседям не понадобилось много усилий, чтобы разделить между собою это ненужное его гражданам государство. Не нуждающиеся в своём государстве граждане превратили свою неограниченную свободу в такую же неограниченную неволю.

Поэтому в заключении можно повторить тот же самый вопрос, поставленный первоначально: что выиграли народы ВКЛ из того, что они с XVI в.

имели «прогрессивный и по своему юридическому совершенству ни с чем в Европе несравнимый» Статут? От ответа на этот вопрос зависит понимание подлинных социальных ценностей Статута, т.к. современный человек может удивляться идейной смелостью и юридической дальновидностью Статута, а житель ВКЛ наверно тогда удивлялся несвоевременностью и социально-политической неуместностью того же Статута.

Литература

1. Vansevičius S. Įžymus Lietuvos feodalinės teisės paminklas. // Socialistinė teisė. 1979. Nr. 2.
2. Šapoka A. 1588 m. Lietuvos Statutas. // Židinys. 1938. Nr.1. P.:26,32.
3. Makarewicz J. Polskie prawo karne. Część ogólna. Lwów. 1919. S.15.
4. Janulaitis A. Vyriausiasis Lietuvos tribunolas XVI-XVIII a. // Lietuvos Universiteto Teisių fakulteto darbai. 1928. T.2. P.98.
5. Lazutka S. Lietuvos Statutai, jų kūrėjai ir epocha. Kaunas. 1994. P.23.
6. Bardach J. Wielkim pomnikiem prawodawstwa jest Litewski Statut (w 400-lecie III Statutu). // Państwo i prawo. Warszawa. 1988. S.12-13.
7. Šapoka A. Bajoriškoji “demokratija”. Lietuvos praeitis. I. Redaktorius dr. Juozas Stakauskas. Kaunas. 1940. P.503.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ НА ПУТЯХ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В.И. Павлов

С обретением независимости перед Республикой Беларусь серьезно встала проблема построения национально-государственной модели развития. В сложных условиях 90-х гг. XX в. происходил интуитивный поиск, перебирание адекватных форм государственно-правового развития, одновременно начался процесс самостоятельного научного осмысления культурно-цивилизационных условий, в которых осуществлялся генезис и развитие белорусской государственности. По существу впервые была фундаментально осознана главная задача любого народа – задача адекватного понимания собственной аутентичной культурно-цивилизационной, в том числе, государственно-правовой традиции.

Уяснение собственной культурно-цивилизационной традиции является, на наш взгляд, базовым принципом определения государственно-правовых перспектив, выбора направления развития страны сегодня. Конечно, можно разрабатывать и осуществлять радикальные программы с «чистого листа», не связывая их историческим прошлым и культурно-цивилизационным наследием, однако, думается, их эффективность в конечном счете окажется неудовлетворительной. Культурно-цивилизационный организм это не просто историческое описание событий, растворившаяся во времени последовательность фактов, но глубокая система разноплановых структур, уходящих корнями в недра национального, этнического самосознания, передающихся в особенностях национального быта, скрывающихся в неартикулируемых архаических фигурах коллективного бессознательного народа и т.д. Адекватное декодирование культурно-цивилизационных содержаний, которые были положены в основу национальной онтологии, отслеживание их трансляции во времени и пространстве, анализ причин их кардинальных изменений и трансформаций сегодня продолжает оставаться актуальнейшей научной задачей. Ее игнорирование сегодня в периоды

возможных национально-государственных трансформаций может привести к непониманию собственного лица, национальной идентичности и послужить конъюнктурно-идеологическим инсинуациям, что практически всегда является трагическим моментом национальной истории.

Когда ставится вопрос о постижении смысла национально-государственной истории, уяснении основных этапов ее развития с целью извлечения опыта, дающего возможность определять направления развития страны в будущем, самым важным является выбор методологической платформы такого познания. Методологическая позиция исследователя, научного коллектива является определяющим моментом дескрипции исторической реальности, поскольку фактологическая работа является лишь «вратами» истории, за которыми, собственно, начинается подлинная история – построение метаисторических концептов, объясняющих исторический процесс на базе избранной методологической программы.

В современной исторической науке обобщенно можно выделить два ведущих методологических направления – классический, позитивистско-фактологический (социальная, политическая, экономическая истории и др.) и постнеклассический, модернистский и постмодернистский (история ментальностей, микроистория, историческая антропология, история ценностных ориентаций и др.) [1–6]. Характерным является то, что сегодня наблюдается переход от первого направления ко второму, от социальной, классической методологии к культурологической, ментальной платформе осмысления исторических явлений. Основным отличием постнеклассической школы является отказ от детерминистски обусловленных линейных связей и крупных исторических обобщений на основании авторской интерпретации изучаемых фактов одного порядка (экономических, политических и т.д.) и перенесение акцента исторического познания на человека или микрогруппу, их психологические, ментальные структуры. Кризис классической истории обусловлен кризисом позитивистской философии в XX в., который в гуманитарном знании окончательно произошел в середине 70-х гг.

Основная претензия постнеклассических школ к позитивистско-фактологической истории заключалась в абсолютизации последней исторической задачи по Л. фон Ранке: описать прошлое, как оно было на самом деле. Исходя из этого исследовательский результат позитивистов публично всегда претендовал на достоверность, а, следовательно, конструировался исходя из господствующих идеологических представлений, из недр которых и осуществлялось историческое исследование. Современный американский историк Л. Капра, например, утверждает, что «любой значительный текст не просто отражает эмпирическую реальность, но гораздо в большей степени руководит ею. Воздействие текста происходит в результате его прочтений и употреблений. Поэтому такой текст нагружен интерпретациями, воздействующими на нас. В этом смысле он дополняет существующую реальность и является основанием норм, оценок и ценностей» [6, Р. 248].

Указанная особенность имеет непосредственное отношение к национальной историко-правовой науке. С начала 90-х гг. XX в. и до настоящего времени практически все историко-правовые исследования строятся фактически в одном методологическом дискурсе, а именно: 1) постулируется правовая самобытность древних княжеств (Полоцкое, Туровское), и в особенности ВКЛ с его развитой институциональной структурой и правовыми кодексами 1529, 1566 и 1588 гг.; 2) утверждается своего рода правопреемство Республики Беларусь, то есть преемство правовой традиции этого уникального полиэтнического государства; 3) на основании этого утверждения о правопреемстве происходит прямое, произвольное провозглашение концептов и программ, якобы имеющих в своем основании конкретную историческую почву.

Совершенно необходимая сегодня задача воспроизведения исторической памяти относительно богатого правового наследия нашего народа хотя и является важной, однако не может и не должна стать единственной на пути действительного осмысления отечественной государственно-правовой истории и возможности ее включения в предстоящее движение государства. На наш взгляд, выстраивание указанной выше методологической линии, в особенности ее

третьего положения, является типичным примером воздействия нормативов современности на исторические события, их подстраивания под актуальные задачи нашего времени. Во многом это имеет место еще и потому, что практически все современные отечественные историко-правовые исследования выполнены на позитивистской платформе, а зарубежные работы (работы польских, литовских, чешских, украинских ученых) в описании общей всем исторической структуры (государственно-правовой структуры ВКЛ) исходят, по Ф. Броделю, из своей конъюнктуры.

На наш взгляд, помимо важной фактологической работы сегодня одновременно следует особое внимание уделить ментальной отечественной истории, что, безусловно, требует использования специальной методологии. Относительно изучения государства и права для этих целей необходимо не просто ограничиться позитивистским изучением конкретных государственно-правовых институтов, но разработать *специальный историко-правовой дискурс* на постнеклассической методологической платформе, который бы позволял, во-первых, учитывать контекст (культурно-цивилизационные условия) бытия самих отечественных государства и права прошлого, во-вторых, измерять не столько фактические содержания (описывать нормативные тексты), сколько степень их восприятия индивидуальным и коллективным правосознанием как государственно-правовой реальности того времени в этом самом контексте (идеальные, психологические содержания или смыслы), и, в-третьих, отслеживать трансляцию во времени и пространстве этого идеального смыслового содержания. Такой путь историко-правовых исследований объясняется методологическими открытиями «новой истории» и, на наш взгляд, является совершенно оправданным, поскольку оценка нормативного массива всегда осуществляется нами на почве интерпретационных образцов современного правосознания. В то же время реальное бытие государства и права прошлого есть бытие идеальное, которое фиксируется не только и не столько в древних актах и институтах, но главным образом в их психическом восприятии нашими предками в условиях аутентичного исторического бытия. Как верно отмечает И.Л. Честнов, «политико-правовая реальность прошлого –

это не просто соответствующие тексты определенной эпохи, но и ...их включенность (всегда неполная, частичная) в практическую жизнь населения» [5, С. 11].

В качестве центральных понятий такого специфического историко-правового дискурса можно предложить вынесенный нами в название публикации концепт «*государственно-правовая традиция*», который бы как своего рода процессуальный герменевтический текст показывал нам трансляцию во времени и пространстве государственно-правовых содержаний (понимания и образа восприятия населением сущности политической власти, общих смыслов правовой системы). В качестве же контекста (культурно-цивилизационных условий), в котором разворачивается государственно-правовое содержание, можно выделить концепт «*религиозная*» и, как ее сердцевина – «*духовная традиция*», определяющая, по крайней мере, большую часть нашей государственно-правовой судьбы. Последнее положение тем более актуально, что отечественная государственно-правовая история неразрывно связана с конкуренцией на белорусских землях трех религиозных традиций – православной, католической и униатской, которая без всяких сомнений оказала серьезное влияние на развитие национальной истории. Тем более интересно проследить, каким образом осуществлялось развитие смысловых государственно-правовых содержаний (особенностей восприятия государственно-правовых институтов различными слоями населения в разное время – магнатами, духовенством, шляхтой, горожанами, крестьянством) в зависимости от синхронного понимания и воспроизведения этими же слоями населения соответственно религиозных смыслов в своей жизни, а, главное, – сохранения личного опыта богообщения как сердцевины и назначения религиозной традиции в целом.

Предложенный способ познания позволит осуществить дескрипцию юридико-антропологической реальности определенного исторического этапа и, следовательно, характеристику государственно-правовой сферы жизни социума не путем современной интерпретации и оценки нормативных текстов и институтов того времени, но через синхронную фиксацию состояния индивидуального и коллективного сознания в духовной традиции, которая является единственной

формой аутентичной, живой личностной (от человека к человеку) исторической трансляции идеальных содержаний сознания, в их наложении на восприятие государственно-правовой традиции. Это даст возможность исследователю также освободиться от жестких рамок формально-юридического метода в исследовании государственно-правовых явлений, который предполагает оценку развития государства и права только лишь исходя из их юридико-технического совершенства вне контекста культурно-цивилизационной реальности, в которых они действовали. Индикатором оценки состояния государственно-правовой традиции в данном случае выступит соотношение и конкретно историческая иерархизация религиозной традиции (с анализом конкуренции в рамках религиозной традиции трех указанных выше) и государственно-правовой как культурной традиции, которые в разные исторические эпохи находились в различном соотношении. Например, подчинение религиозной традиции государственно-правовой или политической свидетельствует о секуляризации, которая во многом в отечественной истории выступала в форме дипломатического манипулирования элит (магнатов, шляхты) институционально-догматическими структурами религиозной традиции в политических целях, что, соответственно, понятным образом отражалось на отношении незэлитарной части населения к религиозным институтам и догмам в целом.

Изложенные методологические особенности понимания государственно-правовой традиции формулировались исходя из максимальной степени учета культурно-цивилизационного контекста конкретного исторического бытия государственно-правовых явлений. Построение эффективно работающей модели современного белорусского государства не может ограничиваться лишь формально-юридической констатацией отечественных достижений в правовой сфере. Безусловно, нам необходима реальная оценка не только текста, но и контекста историко-правового бытия, выражающегося в культурно-цивилизационных условиях функционирования государственно-правовой традиции, о которых немало может сказать взаимоналожение смысловых содержаний религиозного и пра-

вового сознания исследуемой эпохи. Ясно, что для такого рода работы необходим комплексный междисциплинарный подход.

Литература

1. Грабски, А. Фернан Бродель: вопросы методологии истории цивилизаций / А. Грабски // Цивилизации. Вып. 1. – М.: Наука. –1992. – С. 178–185.
2. Ле Гофф, Ж. С небес на землю / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – С. 25–44.
3. Насевіч, В.Л. Мікрагісторыя: мінулае ў чалавечым вымярэнні / В.Л. Насевіч // Беларускі гістарычны агляд. – Т. 6. – Сш. 1–2 (10–11). – Снежань 1999. – С. 133–151.
4. Панарин, А.С. Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
5. Честнов, И.Л. Современное состояние науки истории политических и правовых учений / И.Л. Честнов // История государства и права. – 2009. – №7. – С. 8–12.
6. La Capra, D. Rethinking Intellectual History and Reading Texts / D. La Capra // History and Theory. – 1980. – Vol. 19. – P. 245–276.

СТАТУТ 1529 Г. КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Т. О. Дидыч, О. И. Чаплюк

В современных условиях переходного типа развития государственности в странах «постсоветского пространства» существенно интенсифицируется процесс реформирования и обновления национального законодательства.

Отметим, что особенностями современного процесса правообразования является необходимость сочетания национального и международного факторов в развитии законодательства, обеспечивающее наиболее оптимальный вариант правового регулирования общественных отношений, в том числе в контексте международного сотрудничества. Текущая модернизация законодательства непосредственно связана с трансформационным периодом развития общества, что требует не только усовершенствования действующих нормативных правовых актов, но и активизации научных исследований проблем формирования права, правообразования, правотворчества, а также института реализации права.

Центральное место в системе научных исследований проблем правообразования занимает исторический подход к изучению вопросов формирования права и отдельных источников права в определенный исторический период развития государственности. Особенно актуальным для юридической науки представляется изучение памятников права в контексте истории и специфики их создания, особенно, что касается вопросов их реформаторского значения для развития государственно-правовых институций.

В этой связи Статут 1529 г. представляет собой интереснейший объект научного исследования в контексте изучения истории становления правообразования, анализа особенностей его разработки, принятия и введение в действие, что объясняется:

- статусом документа как одного из первых систематизированных актов феодального права ВКЛ;

- особенностями его внутреннего строения и юридико-технического оформления документа;
- объективными предпосылками его появления и его способности к консолидации интересов отдельных слоев населения и недопущения появления и обострения конфликтов между-магнатами и шляхтой;
- фундаментальным значением Статута 1529 г. для дальнейшего развития правотворчества ВКЛ, в т. ч. в принятии последующих Статутов и развитии правовой системы ВКЛ в целом.

Отметим, что развитие и усовершенствование законодательства любого государства непосредственно связано с явлением правообразования, которое представляет собой сложный социальный институт (процесс) формирования права в виде системы общеобязательных правовых норм. При этом процессе правообразования находят свое проявление в правовом сознании и правовой культуре, как всего населения, так и отдельных граждан. Считаем, что изучение аспектов создания Статута 1529 г., а также его значения для развития правовой системы соответствующего исторического периода имеет важное значение для концептуализации положений о развитии правообразования, правотворчества и систем законодательства стран, что образовались и существуют на сегодня на территории, что занимало ВКЛ, а именно Литовской Республики, Республики Беларусь, Польской Республики и Украины. Именно изучение исторических предпосылок формирования современных систем правотворчества и систем законодательства должно быть заложено в основу реформирования государственно-правовых институтов в указанных странах, что приобретает особое значение в условиях обострения кризисных явлений (процессов) в странах Центральной и Восточной Европы.

Указанное обуславливает следующие задачи изучения историко-правовых аспектов Статута 1529 г. как результата правообразования ВКЛ:

- 1) установление исторических и социальных причин принятия Статута 1529 г., а также их анализ в контексте влияния социальных факторов на процесс правотворчества;

2) анализ специфики разработки и принятия Статута 1529 г.;

3) установление выводов о закономерностях правообразования и правотворчества того времени на примере принятия и дальнейшего действия Статута 1529 г.

На протяжении второй половины XIV второй половины XVI веков на востоке Европы существовало весьма своеобразное, интересное, самостоятельное государственное объединение – ВКЛ, которое, как считает О. Й. Вовк, (Литовско-Русское государство) было особого рода конфедерацией, где удельные княжества Литвы, Беларуси и Украины находились в союзных отношениях с центральной властью Великого князя и создали союз государств, а их удельные князья на своих землях были полноправными **вершителями** права [1].

Своеобразие этого государства проявлялась в том, что его основной частью были территории старобелорусских и староукраинских земель, княжеств с общими традициями, культурой, православной верой. В этом государственном объединении отношения регулировались древнерусским правом: Русской Правдой, правовыми обычаями, великокняжеским законодательством (привилегиями), международными договорами, постановлениями сеймов. Именно это право позже станет юридической основой Литовских Статутов. Таким образом, ВКЛ фактически сохранило на этих землях все ранее действовавшие правовые институты, что дало возможность их обобщить и систематизировать в соответствии с потребностями общества того времени.

Этот период обусловлен еще и тем, что одним из основных регуляторов общественных отношений оставался правовой обычай, который распространял свое действие, как на частно-правовые, так и на публичные отношения.

Привилеи (грамоты), которые выдавались литовско-русскими князьями, также являлись одними из основных источников права и, как утверждает Л. Коваленко, имели разное содержание. И именно привилеи (грамоты), учитывая нехватку писаных законов, нередко заменяли их и были одним из источников законодательства [2]. Они в основном касались отдельных личностей или

групп, а также устанавливали, конкретизировали или прекращали действие нормы правового обычая.

В основном в начале текста такого документа указывалось имя и титул лица или название государственного органа, которые утвердили этот документ, что придавало им юридическую силу с указанного в акте времени. В конце текста обязательно ставилась подпись на «принятие» акта, указывалось лицо, которое разрабатывало соответствующий документ, а также печать Великого князя [1]. Указанное позволяет сделать вывод об отсутствии четкой процедуры принятия, разработки документов, а также их обязательных реквизитов в рассматриваемый период. Отсутствовало также и кодифицированное законодательство в целом, однако имели место первые попытки придания обычаям письменного характера посредством правотворчества государства, что в дальнейшем предоставило возможность их обобщения в виде единых документов.

Позже в силу субъективных и объективных причин происходят некоторые изменения в политической, экономической и общественной жизни в структуре ВКЛ. Паны и магнаты, которым принадлежало больше половины земель государства, имели достаточное влияние на политическую и экономическую жизнь государства, что подтверждается принятием земского привилегия 1447 г., в соответствии с которым Великий князь был полностью зависим от феодальной знати [3]. Она удерживала в своих руках и суд, и управление, а также, фактически, осуществляла руководство всей внутренней и внешней политикой ВКЛ. Это вызвало острый протест со стороны шляхты, которая хотела иметь такие же права, как паны и магнаты. Таким образом, именно шляхта была одними из инициаторов создания единого шляхетского права, которое бы уравнило их в правах с крупными феодалами.

Удельно-княжеская система, которая существовала до этого момента, начинает распадаться, заканчивается период феодальной раздробленности и начинается процесс централизации власти и управления. Таким образом, правовая база того времени (Русская Правда, привилеи (грамоты), постановления сеймов) уже не соответствовали новым сложившимся экономическим и политиче-

ским отношениям, что обуславливает необходимость в разработке новых норм права, а также в кодификации действующих источников права, которые смогли бы соответствовать новым сложившимся отношениям, обеспечили бы консолидацию интересов знати и шляхты, а также осуществляли бы единое правовое влияние на белорусские, литовские и украинские земли.

Первой такой кодифицированной работой на территории ВКЛ был Судебник Великого князя Казимира 1468 года, который основывался на Русской Правде, привилегиях, обычаях. В нем имели место первые попытки регламентации правового обычая в письменной форме. В итоге эта работа оказалось недостаточно эффективной, поскольку в Судебнике в основном регулировались отношения в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. В тоже время все иные правоотношения оставались в целом неурегулированными, а если и регулировались, то зависели от местного правового обычая. Таким образом, Судебник 1468 года в целом не смог полноценно обеспечить правовое регулирование в государстве, что требовалось уровнем развития общественных отношений, поэтому следующей попыткой обобщения правовых норм был Статут 1529 г.

Учитывая специфику XVI в., который можно охарактеризовать как в целом благоприятный период развития культуры, науки, права, можно предположить, что в создании Статута 1529 г. принимали участие известные государственные деятели, священники и ученые.

Преимущественно все историко-научные работы, в которых исследуется процесс создания Статута 1529 г. ограничиваются лишь тем, что причиной его создания было требование шляхты сформировать единое право на территории ВКЛ. Впервые вопрос о кодификации права был поставлен на Виленском Сейме 1514 года. Но магнаты, которые не были заинтересованы в его рассмотрении, оттянули принятия решения по этому вопросу. Следующей попыткой издания письменных норм был Гроденский сейм 1522 г. Шляхта снова обратилась с просьбой о кодификации законодательства и рассмотрении проекта текста Статута. В итоге специальным указом князя Сигизмунда была введена в дейст-

вие часть письменного кодекса. Статут снова был отправлен на доработку, которая длилась около двух лет, и уже в 1524 г. Статут снова рассматривался уже на сейме в Бресте. Однако исправленный, доработанный Статут не приобрел юридической силы, и только в 1528 – 1529 гг. был окончательно принят и введен в действие, как «Права писанные Великого княжества Литовского», который распространял свое действие на все государство.

Относительно исследований, касающихся изучения структуры и содержания Статута можно утверждать, что он состоит из 13 разделов из 264 артикулов (в некоторых источниках количество отличается – 242 или 243). Такие разногласия ученых относительно структуры Статута объясняются тем, что во время введения Статута в действие он не был напечатан, а для удобства его распространения он переписывался и передавался в рукописях, списках. Таким образом, Статут 1529 г. стал первым систематизированным сводом законов и включал правовые обычаи, которые приобрели форму писаного права, а также ряд кодифицированных и новых норм права.

Отметим, что создание Статута 1529 г. в некоторой степени носило политический характер, поскольку он принимался с целью уравновесить соотношения сил в обществе между шляхтой и феодалами. Однако, учитывая то, что только часть привилегий, которых добивалась шляхта, оказались нормативно закреплены в Статуте 1529 г., ученые в своем большинстве называют его «кодексом феодального права» [4]. Статут 1529 г. действительно был первым уникальным систематизированным кодексом, который отображал политическую, экономическую ситуацию государства и был способен регулировать все отношения, возникающие в тот период, что дает возможность ученым отнести его к категории актов многонационального государства [5]. Кроме этого в нем существовал специальный артикул, который разрешал дополнять Статут новыми нормами, а также была предусмотрена соответствующая процедура внесения такого дополнения. Она была закреплена в седьмом разделе: «Также устанавливаем: если мы дали всей земле писанные права, по которым судьи должны судить, но все права полностью не могут быть сразу ж написаны и все артикулы

не могут включать все права. Поэтому если судьям пришлось рассматривать то, что в этих правах не было записано, то отдаем это на рассмотрение судьям за их совестью и они должны полагаться на Бога при вынесении приговора у соответствии до издавна установленного правового обычая. Но на ближайшем сейме про существование таких случаев должны быть донесены до нашего ве-дома или ведома панов рады. И если мы или наши паны рады утвердят эти случаи, то они должны быть вписаны до этих прав» [3]. Указанное позволяет утверждать о высоком профессионализме разработчиков, которые делали акцент на его перспективность и дальнейшее использование.

Позитивным в Статуте было также одновременное регулирование частноправовых и публичноправовых отношений, наличие норм конституционного права, провозглашение принципов суверенной государственной власти, единства права для всего государства и его граждан, равенство всех перед законом, ответственность правительства перед народом. Кроме этого был достаточно четко определен правовой статус государя, который наделялся широким кругом прав и обязанностей по отношению управлению государством.

В Статуте 1529 г. были закреплены и нормы гражданского права, которые регулировали отношения владения, наследования, опекуна и т.д. Особо четко и детально регулировались наследственные отношения, а именно выделялось наследство по завещанию, по закону и по обычаю. Нормы обязательного права, как правило, регулировали отношения купли-продажи, дарения, залога имущества, устанавливали форму договора, порядок заключения и условия прекращения обязательств. Так договора заключались только в присутствии свидетелей и при исполнении некоторых обрядов, которые были сформированы под влиянием обычного права.

Статут 1529 г. включал в себя нормы уголовного и уголовно-процессуального права, регламентировал отношения, связанные с судебной процессуальной деятельностью, определил понятие преступления, его виды в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны (в частности, преступления против государства, правосудия, против личности, имущественные преступле-

ния и т.д.), установил в качестве целей наказания и возмещение потерпевшему причиненного вреда, пополнение государственной казны. Самым строгим наказанием по нормам Статута было лишение жизни и чести. Одним из главных принципов, который был закрепленным в Статуте, был принцип индивидуальной ответственности, согласно которому только лицо, совершившее преступление, должно привлекаться к уголовной ответственности («Никто не должен быть наказан и засужден за содеянное виновным, а только тот, кто виновен. И тому с соответствием с христианскими правами, никто не должен быть наказан, если его вину не будет доказано судом, и не жена за преступление мужа своего, не отец за преступление сына, не сын за отца, а также никто из родственников, не слуга за пана») [3].

Суд по Статуту 1529 г. наделялся весьма широкими полномочиями, он был одним из правоохранительных органов, который обеспечивал правопорядок в государстве и придавал авторитет праву. Статут делил суды на центральные и местные (копный, воеводский, замковый). Кроме этих действовал специальный судебный сейм «Паны-Рады», игравший в основном второстепенную роль в совершении правосудия.

В нормах Статута 1529 г. были закреплены и такие важные положения, как принцип единства прав и равенства всех граждан перед законом, предусмотрена письменная форма ведения всех процессуальных действий, правосудие осуществлялось в присутствии обеих сторон процесса. Одним из главных видов доказательств служили показания свидетелей и письменные доказательства.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы в контексте правообразовательного значения Статута 1529 г., а именно:

- 1) в XV-XVI вв. правотворческий процесс ВКЛ имел довольно примитивный характер и в основном представлял собой процесс санкционирования обычаев, которые сложились исторически и отражали специфику соотношения интересов различных слоёв населения. Монопольное право санкционирования обычаев имел Князь или знать, которые были наделены государственной вла-

стью. Однако разработка проектов документов уже осуществлялась соответствующими канцеляриями; наличествовали субъекты инициирования рассмотрения проектов и доработки; существовала процедура принятия документа единолично либо коллегиально, а также его распространение на всю территорию и на всех жителей путем его переписи и разъяснения содержания;

2) в XV-XVI вв. правообразование уже было обусловлено рядом (субъективного и объективного характера) факторов, а именно:

- присутствием механизма лоббирования интересов (отражение интересов шляхты в Статуте 1529 г.);

- центральной ролью политического характера в правообразовании, отразившийся на процессе разработки Статута, инициировании его принятия, обсуждения и доработки;

- усложнением механизма разработки, доработки и принятия документа, требующим организации деятельности канцелярии, писарей, переводчиков, печатников и т.д.;

- необходимостью обеспечения баланса интересов разных слоев населения (магнатов и шляхты) и местных обычаев;

- в силу многонациональности государства;

- наличием механизма реализации принятых норм права, обеспечивающего писарями и иными чиновниками;

3) с позиции юридико-технического построения Статут 1529 г. имел определенную сбалансированную письменную форму, внутреннюю структуру (разделы, артикулы и реестр). При этом документ не имел единого предмета, а нацелен был на регулирование отношений в различных сферах (гражданской, уголовной, судебной и т.д.);

4) Статут 1529 г. как итог трудоёмкой работы отображал и регламентировал все отношения, существовавшие на тот момент на всей территории государства;

5) Статут 1529 г. можно охарактеризовать как национальный источник права ВКЛ, который заменил обычай на закон, придав ему письменную форму

и выступил прогрессивным источником права, который еще долгое время, вплоть до XIX в. распространял свое влияние на белорусские, литовские и украинские земли, а также отобразил в своём содержании всю правовую действительность общества того времени, а также политическое и социальное мировоззрение.

Указанное позволяет сделать вывод о том, что Статут 1529 г., который распространялся на всю территорию ВКЛ, имел новаторский характер и нацелен был на дальнейшее перспективное развитие права, что выразилось в последующих Статутах 1566 года и 1588 года.

Литература

1. О.Й. Вовк. Формування системи Литовсько-руського права другої половини XV-початку XVI ст. // Бюлетень Міністерства юстиції України 9 (83).-2008 р. - С. 115.
2. Л. Коваленко Право Великого князівства Литовського та його вплив на становлення українського права // Юридична Україна: щомісячний часопис №2.-2004. - С. 92.
3. Статути Великого князівства Литовського у 3-х томах // За ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова.-О.: «Юридична література».-Т. 1.-2002. - С. 18.
4. Українське державотворення: невитребуваний потенціал: Соловник-довідник / О.М. Мироненка. – К.: Либідь, 1997. – С. 269.
5. Юридична енциклопедія: В 6-ти т. / Ред. кол.: Ю.С. Шемшученко (голова ред. кол.) та ін. – К.: Українська енциклопедія, 2003. – Т.5. – С. 640.

СТАТУТ 1529 Г. В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

А. Г. Ляшенко, Г.В. Журбелюк

Исследование проблем правообеспечения и обоснование основных принципов верховенства права в переломный для создания правового государства период объективно исходит из современных общественных потребностей. Но оно будет неэффективным без основательного анализа этих процессов в переломные моменты истории, среди которых следует признать становление права в период консолидации ВКЛ. Празднование 480-й годовщины I Статута дает основания для размышлений, проведения неожиданных параллелей с современностью.

Усиление власти в этнической Литве (Жмуди и Аукштайтии), сплочение в борьбе против агрессии рыцарских орденов на собственной этнической основе и присоединение белорусских и украинских земель произошло с сохранением их привилегий, что, в общем, способствовало усилению значения права. Источники русского права, основы права до сер. XV в., сменялись кодифицированными сводами, способствуя централизации госуправления в условиях опасности этнической гетерогенности.

Нормы Статута 1529 г. стали удачным синтезом правовых традиций разных регионов ВКЛ, которые основывались на обычном праве и правовых институтах Западной Руси и коренной Литвы, на «Русской правде» и церковных уставах Владимира и Ярослава. Однако с распространением прав польской шляхты, начиная с Городельской унии, расширяются привилегии литовских феодалов, поэтому сам Статут с утверждением последующих редакций значительно видоизменяется, приобретая сущность инструмента обеспечения господства польского. Поэтому наиболее приближенным к современному пониманию верховенства права можно считать именно Статут 1529 г., в нормах которого уже имеются очертания „rule of law”, которые целесообразно рассмотреть в плоскости тогдашнего развития принципов гуманизма и справедливости.

Прогрессивные мыслители от античности к средневековью пронесли, как краеугольную, идею, актуальную и доныне: все общественные явления должны рассматриваться с позиций морали, соответствия идеи справедливости и приоритетности права. Этот принцип подан в разделах Статута через утверждение единства и приоритетности писаного права и закона перед другими актами, усиление факторов нравственности и образованности монарха и управленческой элиты в развитии государства, анализ собственного управленческого опыта относительно действия принципа справедливости [р. 1, арт.1-12]. Показательно, что именно в 10-ю годовщину принятия Статута, в процессе его внедрения, украинский гуманист времен Возрождения Ст. Ориховский задолго до обоснования концепции верховенства права "фактически впервые сформулировал демократические принципы правового государства, а его тезисы из „Напутствия королю польскому Сигизмунду-Августу” стали гимном выборной словной монархии как наиболее ответственной и справедливой форме государственного правления: *"Король выбирается и существует ради государства, а не государство ради короля. Самым справедливым является пребывание в пределах своей обязанности. Цель государства: удовлетворение безопасности и интересов гражданина. Управление государством - дело не для одного человека, она принадлежит королю, сенату (объединению наилучших благородного происхождения), суду. Король лишь уста, глаза и уши закона, его слуга. Закон же, когда он душа и ум государства, далеко лучше неуверенного государства и больше короля. Он основа деятельности и независимости суда"* [3, с. 29]. Это продолжение идей гуманизма и справедливости, заложенных Русью, "концептуальное виденье сущности государства и права, их происхождения, источников, содержания, форм власти, отношений церковь-государство"[4, с. 324].

В преамбуле содержится принцип верховенства закона с указанием на соответствие его праву, справедливости. Статут стал единственным источником права на всех землях ВКЛ, сохранил привилегии шляхты, удостоверяя факт: кодифицируемые нормы не противоречили ни одному из источников права ВКЛ и приобретали наивысшую силу. И уже в разд. 1 идет речь о соответствии

преступления наказанию, следовательно, о принципе пропорциональности: *„ВКЛ обязуется никого не наказывать по заочному оговору, даже если бы дело касалось оскорбления достоинства его величества. А если бы кто-либо необоснованно обвинял другого, то сам должен понести такое же наказание в соответствии с тяжестью их преступлений”* [р. 1, арт.1]. По мнению украинского ученого М. И. Козюбры, этот принцип особо значим, так как *„исключает сугубо позитивистский подход относительно толкования и применения законов”* [2, с. 7]. Яркое выражение этого момента находим в Статуте дальше: *„Если бы кто-либо испросил много за малое и это надлежащим образом было бы доказано на суде и установлено, что он взял больше, чем выпросил, тот теряет эту выслугу и пожалование”* [1, арт.8]. Этим подчеркнута всеобщность действия названного принципа. Даже привилегированная шляхта не могла открыто посягать на право и закон, нарушать принцип пропорциональности и связанный с ним определенный порядок корреспондирования прав и обязанностей, определенных в ВКЛ.

Особого внимания также заслуживает принцип определенности, сначала с очерчиванием его признаков в разд. I (*„Все наши подданные, как бедные, так и богатые, какого бы сословия и положения они ни были, равно и одинаково должны быть судимы по этим писанным законам”* [1, арт.9]), а потом с формулированием конкретных норм (в частности: *„из канцелярии никому не должны выдаваться листы к приостановлению судопроизводства”* [1, арт.10]), с четким определением диспозиции, гипотезы, санкции и употреблением, как в глоссариях, соответствующих словесных оборотов (*„это нужно понимать так”, „нужны следующие доказательства”, „из этого можно сделать вывод”*). Этот принцип есть и в проведенном впервые конституционном определении основ общества, государства и порядка образования государственных институций.

Важным правоопределяющим элементом стал принцип аналогии права (*„Если бы судьям пришлось рассматривать то, чего в этих законах не было записано, то предоставляем это на усмотрение судей по их совести, чтоб вынести приговор в соответствии с издавна установленным обычаем”* [1, арт.25]),

персональной ответственности за правонарушения (*„Никто ни за кого не должен нести наказание, но каждый сам за себя”* [1, арт.7]), и презумпция невиновности (*„в соответствии с христианскими законами никто не должен быть наказан, если его вина не будет установлена судом”* [1, арт.7]), которые нашли свое отображение в правовых системах современности. Особенное звучание приобрел представленный в разд. VI принцип независимости судей (*„За вынесение решения мы и наша рада не должны ничего брать, оказывать предпочтение одной из сторон, но будем обязаны отправлять правосудие и оказывать его каждому.”*[1, арт.14]). Судопроизводству и судьям даже отведен раздел, что свидетельствует о высоком статусе, общественной значимости и уровне ответственности за качество осуществления правосудия и соблюдение сроков: *„Если бы медлили с рассмотрением дел и к сроку приговора не вынесли, а истца задерживали проволочками и в последний срок не вынесли приговора, то вся вина и обязанность платить возлагается на городских судей”*[1, арт.19].

Наивысший принцип концепции верховенства права, принцип защиты естественных и неотчуждаемых прав человека как наивысшей социальной ценности, подчинения позитивного права, санкционированного государством, сформулирован в разд.1 так: *„Если бы кто опорочил честь другого и дело об этом поступило бы в суд, мы должны всем чинить правосудие. А если из-за больших трудностей не успели рассмотреть такие дела, то в течение года 4 срока устанавливаем; если по таким делам не было вынесено окончательное решение в 1-й, 2-й, 3-й срок, то с наступлением последнего срока окончательное решение без промедления с радными нашими вынесем; а до этого 4-го срока для чести того, кто судится, урона нет”* [1, арт.20]. Так осуществлялось гарантирование государством защиты естественных прав.

Безусловно все эти позиции Статута, должны восприниматься адекватно, учитывая особенности феодализма. Принципы верховенства права не были еще реализованы, но были юридически закреплены. При всей относительности правосознание представителей литовско-русских земель не только достигло вершины, но повлияло на развитие демократических основ государственности и

права (казацкие "Права" 1743 г., "Собрание малорусских прав" 1807 г.) Зрели условия к постоянному применению принципа справедливости к общественным отношениям и решению проблемы "долженствования в социальном мире" [5, 174], признанию приоритета права перед другими социальными нормами.

Литература

1. Статут Великого княжества Литовского 1529. - Минск, 1960.
2. Козюбра М. І. Принципи верховенства права і правової держави: єдність основних вимог //Наукові записки НаУКМА. – Т. 54 – К: Видавничий дім Києво-Могилянська академія, 2007.
3. Юрій М.Ф. Українська політична думка в Х – XVIII ст.// Політологія – К.: Дакор, 2006.
4. Мироненко О.М. Оріховський Станіслав. // Юридична енциклопедія. У 6-ти т.т. – Т.6.
5. Кистяковский Б.О. Социальные науки и право. Очерки по методологии. – М.: Изд. Сабашниковых, 1916. – 704 с.

ПРАВОВАЯ КАНЦЭПЦЫЯ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ І СТАТУТ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г.

І.У. Вішнеўская

У гістарыяграфіі палітыка-прававой думкі Беларусі XVI ст. імя рэнесансавага мысліцеля Францыска Скарыны часам звязваюць з падрыхтоўкай Статута 1529 г. Гэтай версіі прытрымліваюцца такія беларускія даследчыкі яго творчасці як І. Юхо, Ю. Лабынцаў, У. Конан і іншыя. Вучоныя адзначаюць, што ў поглядах асветніка і палажэннях Статута можна знайсці шмат агульных рыс.

Асветніцкая дзейнасць Скарыны безумоўна садзейнічала развіццю правасвядомасці ў грамадстве ВКЛ і разам з іншымі фактарамі (сацыяльна-эканамічнымі, палітычнымі, культурнымі, прававымі) падрыхтавала ўмовы для кваліфікацыі мясцовага заканадаўства. Як і Ф.Скарына, тагачасны заканадаўца імкнецца ва ўсім кіравацца прынцыпам хрысціянскай справядлівасці (натуральна, у адпаведнасці са сваёй правасвядомасцю), устанаўленнямі хрысціянскага права, пад якім разумеліся крытэрыі справядлівасці, вылучаныя ў Бібліі. Нормы першага Статута замацоўваюць такія прававыя ідэі як роўнасць суб'ектаў перад законам, недатыкальнасць асобы і яе ўласнасці, асабістая адказнасць перад законам і г.д. Супастаўленне некаторых норм Статута з прававымі поглядамі Ф.Скарыны дае падставу даследчыкам мяркаваць аб яго ўдзеле ў падрыхтоўцы праекта першага Статута [1, с.163]. На датычнасць доктара Скарыны да Статута 1529 г. указвае і тое, што паводле сваёй структуры гэты звод законаў адпавядае падходам да класіфікацыі земскага (дзяржаўнага) права, прапанаванай мысліцелю у 1519 г. у прадмове да “Другога закона” апошняй кнігі “Пяцікніжжа” Маісея.

Скарынінская класіфікацыя права на “прырожэное” і “напісанае”, якое ў сваю чаргу падзялялася на Боскае, царкоўнае і земскае, адлюстроўвала безумоўны ўплыў натуральна-прававога вучэння антычных мысліцеляў. Яны падзялялі права на дадзенае людзям прыродай, якое зыходзіць з разумення справядлівасці – натуральнае права і права пазітыўнае – “закон поліса” у

Сакрата, волеўстаноўленае права ў Арыстоцеля, грамадзянскае права (Гай II Ст.), публічнае (Ульпіан), цывільнае (Павел). Пазітыўнае права зыходзіць з “карыснасці ўсіх, або многіх у пэўнай дзяржаве” [2, с.135].

У той жа час, прававыя ідэі Скарыны, у тым ліку і погляды на класіфікацыю права, звязаны з Бібліяй, у якой на думку мысліцеля “... вси законы и права, ими же люде на земли справаватися имають, написаны суть” [3, с.265]. “Прирожены” закон, згодна з меркаваннем Скарыны “от зачала убо веков, егда сотворил Бог первого человека, написал... в сердца его” [3, с.279] і асноватворным прынцыпам гэтага закона з’яўляецца біблейскі пастулат, які ў выкладанні асветніка гучыць так: “то чинити иным всем, что самому любо ест от иных имети” [3, с.278]. На думку Скарыны, ён павінен быць падставаю для дзеючага пазітыўнага заканадаўства – “закона напісанага”.

Як і антычныя аўтары, Ф. Скарына быў упэўнены ў тым, што закон “прирожены” (натуральнае права) павінен быць асновай закона пісанага. Хутчэй за ўсё, беларускі мысліцель быў знаёмы і з пазіцыяй Фамы Аквінскага аб тым, што “чалавечыя законы” можна лічыць справядлівымі толькі ў тым выпадку, калі яны выцякаюць з “закона вечнага” [2, с.149].

Разам з тым, пад пісаным правам беларускі правазнаўца разумеў не толькі дзяржаўныя законы (“права земскае”), але і “от Бога ест данный” Боскі закон, крыніца якога была Біблія і “правила светых отець па сборех пописаные” (кананічнае права).

Царкоўнае і земскае права аб’ядноўвала тое, што іх крыніцаю з’яўляецца воля чалавека “от людей уставленая”. Згодна з меркаваннем У. Конана, беларускі асветнік, у адпаведнасці з духам эпохі, якая не ведала аддзялення царквы ад дзяржавы, надаваў рэлігійным прадпісанням “некаторы нарматыўны, агульнаадукацыйны характар” [4, с.100]. Асабліва падрабязна спыняецца доктар Скарына на класіфікацыі земскага права, якое “... единый, каждый народ своими старейшими ухвалили суть подле яко жесея им наимней видело быти” [3, с.279]. Пры гэтым Ф. Скарына падкрэслівае, што хаця ў кожнага народа ў пэўны гістарычны перыяд яго развіцця існуюць асобыя прававыя нормы, якія

рэгулююць грамадскія адносіны, агульным для земскага права ўсіх часоў і народаў павінны быць такія рысы як сумленасць, справядлівасць, карыснасць чалавеку і грамадству, адпаведнасць часу і звычаям краіны, зразумеласць, дакладнасць, не дапушчальнасць двухсэнсоўнага тлумачэння. Класіфікацыя земскага права, прапанаваная Ф.Скарынай, грунтуецца на біблейскіх тэкстах. Першым ён называе “посполитае” (агульнае) права, якое рэгулюе шлюбна-сямейныя (“мужа и жены пачтливое случение”), дагаварныя (“речи позыченое навращение”) адносіны, а таксама грамадскія адносіны ў сферы злачынства і пакарання (“насилию силою отпрение”). Іншымі словамі нормы “посполитого” права выцякаюць з “прироженного (натуральнага) права” ва ўсіх яго праявах: грамадзянскае, шлюбна-сямейнае, крымінальнае і г.д.

Нормы, рэгулюючыя “... яко земля чужих мечем достование, градав и мест утвержение, послов без переказы отпущение, миру до часу приреченого выполнение, войны неприятелем своим оповедание” [3, с.280], ён адносіць да права язычаскага (права “языкоў”- народаў), г.зн. міжнароднага права.

Наступнае па скарынінскай класіфікацыі – права царскае, змест якога Скарына па “Першай кнізе царстваў”. Аналіз прыведзенай цытаты дае магчымасць вызначыць такое права як дзяржаўна-адміністрацыйнае (“... встановить себе воеводы, о сотники... повинитеся убо всякому созданию человечию господа ради... аще дарю, яко преобладающему, или князем, яко от него посланым... воздатите же всем долги, ему же дань-дань, ему же честь-честь...” [3, с.280].

У сваёй класіфікацыі Ф.Скарына вылучае права ваеннае або “рицёрскае”, нормы якога рэгулююць важнейшыя пытанні, звязаныя з камплектаваннем і матэрыяльным забеспячэннем арміі, парадкам размяшчэння вайсковых падраздзеленняў, адказнасць за ваенныя злачынствы і злачынства супраць мірнага насельніцтва і г.д.

Нарэшце, у самастойныя галіны права мысліцель выдзяляе “местьскае” (гарадское), марское і купецкае (гандлёвае) права. Такім чынам, падабенства класіфікацыі прапанаванай Ф. Скарынай з размежаваннем норм права паміж

асобнымі галінамі і размяшчэнне іх у пэўнай сістэме ў Статуце 1529 г. – відавочна.

Першы раздзел звода законаў аб'ядноўвае нормы дзяржаўнага права, якія вызначаюць прэрагатывы вялікакняскай улады; другі – утрымлівае нормы ваеннага права; трэці – рэгламентуе асабістыя і саслоўныя правы шляхты; чатвёрты і пяты – нормы шлюбна-сямейнага і апякунскага права; шосты – прысвечаны арганізацыі суда і судоваму працэсу; дзесяты – рэгулюе залогавыя праваадносінны. Астатнія раздзелы рэгламентуюць адказнасць за злачынства супраць асобы і маёмасці шляхты і іншыя злачынныя дзеянні [5].

Такім чынам, першы сістэматызаваны звод пісьмовага права ВКЛ (Статут 1529 г.) адлюстравяў гуманістычныя ідэі эпохі Адраджэння і часткова ўвасобіў прававыя ідэі Ф. Скарыны, у тым ліку і сістэму класіфікацыі законаў, вылучаную ім першадрукаром і асветнікам у 1519 г.

Літаратура

1. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гістрыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапаможнік / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
2. История государственно-правовых учений: Хрестоматия / Авт.-сост. С.В. Липень; под общ. ред. В.В. Лазарева. – М.: Спарк, 2006. – 1071 с.
3. Старажытная беларуская літаратура: зб. / Уклад.: Л.С. Курбека, У.А. Марук; прадм.: У.Г. Кароткага. – Мінск: Юнацтва, 2002. – 509 с.
4. Конон, В.М. Гуманистические истоки Статута Великого княжества Литовского 1529г. / В.М. Конон // Первый литовский Статут 1529 г.: Материалы респ. науч. конф., посвящённой 450-летию Первого Статута, Вильнюс, 1982 г. / Мин-во высшего и среднего спец. образования Литовской ССР; под ред.: С. Лазутка (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс, 1982. – С. 99–102.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529г. / Под ред. К.И. Яблонскиса. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1960. – 252 с.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ Ф. СКОРИНЫ

В. Н. Матарас

Франциск (Георгий) Скорина родился около 1490 г. в Полоцке. В 1504 г. он поступил в Краковский университет и окончил его со званием «бакалавра свободных наук». В 1512 г. в Падуе Ф. Скорина сдает экзамен по медицине и становится «доктором лекарских наук». В 1517 г. в Вильно он издал на старобелорусском (древнерусском) языке 22 книги Библии и Псалтырь, затем «Малую подорожную книжицу» и «Апостол». Для каждой книги Ф. Скорина писал предисловие, а иногда послесловие, в которых излагал свои взгляды на природу права, государства и власти.

Социально-правовые взгляды Ф. Скорины сложились под влиянием тогдашних идей западного христианского мира, в частности Фомы Аквинского.

Источником всех правовых и нравственных понятий у Ф. Скорины является «двойкий закон» [1, с.62]. Первый закон у человека дается от Господа Бога, который появляется у каждого человека с рождения, являясь в качестве природного закона, источником всех иных законов. В силу того, что Богу написал этот закон «От начала веков» в сердце человека, то отношение человека к праву проявляется в его духовно-сердечном настрое.

Именно этот закон создает систему запретов и дозволений, и человек, по Ф. Скорине, выражает своей совестью и разумом, что нельзя убивать, прелюбодействовать, клеветать и т.д. В своей сути этот закон любви к Богу, вложенный в сердце человека так, как нравственно правовые ориентиры создаются на основе этой любви. В итоге справедливость, по своей сущности, является врожденным божественно-природным понятием в котором элемент любви к Богу является краеугольным.

В качестве второго закона рассматривается закон, заключенный в Божественном Евангелии, в правилах отцов церкви и выраженной в каноническом праве, то есть правилах, принятых церковной властью. Этот вид закона включает, «права земские», которые приняты народом и аристократией, земством. Вышеназванное обуславливает и своеобразная классификация права данная Ф.

Скориной. Так в земском праве, он выделял посполитое право, которое регулирует отношения семейной жизни и собственности. Языческое право Ф. Скорина употребляет в смысле право народов, говорящих на разных языках, что по сути является определением международного права. Право царское (государственное) регламентирует вопросы наследования и избрания государя, регулирует систему управления и назначения ее должностных лиц. Ф.Скорина выделяет также право рыцарское (военное), городское (местное), морское, торговое (купецкое). Весь этот свод прав «замыкает» Божий закон (Библия).

Право по Ф.Скорине является человеческим установлением которое возникает везде и всюду, у каждого народа. При этом в разные времена возникновение права сочетается с созданием государства и деятельностью первых царей и правителей, имея, однако, в своем возникновении природно-божественную сущность. Отправной точкой потребности, и даже необходимости функционирования права является появление власти.

Ф. Скорина выдвигает к закону определенные требования, утверждая, что закон должен соответствовать «обычаям земли, времени и места», то есть относится к пространству и времени, быть возможным для исполнения и полезными для населения так, как каждый народ испытывает воздействие географического расположения. Такая географическая детерминанта является определяющей при принятии закона, так как, находясь в рамках того или иного месторазвития, народ создает определенные стереотипы поведения. Указанное обуславливает и создание определенного законодательства, которое соответствует требованиям не только и не сколько политическим, сколько требованиям культуры того или иного народа. Следовательно, культура как фактор становления права является определяющим и у Ф. Скорины имеет приоритет перед политикой.

Поскольку право возникает везде и всюду, то естественно, что его пригодность для того или иного социума, является одновременно важнейшим его качеством. При этом Ф. Скорина подчеркивает, что нравственно-совершенному человеку закон не нужен, так как, он создается для несовершенных в нравст-

венном плане людей, неспособных жить по Богу, но склонных к преступлению. Основным требованием к власти, народу и аристократии, является обеспечение служения закона, как общего блага, что обусловлено надсословностью права.

Вышеназванное обуславливает просвещенную монархию в качестве политического идеала у Франциска Скорины и позволяет выдвинуть определенные требования к деятельности главы государства, как искоренение зла, сохранение мира и спокойствия, управление страной в соответствии с законами, контроль за правильным исполнением правосудия. Достижение указанных целей возможно лишь тогда, когда монарх будет образованным и справедливым.

Для мировоззрения Ф. Скорины монархия является самой естественной формой правления, отображением божественного мироздания и основанной на этом социальной иерархии, выступая одновременно природно-социальном и божественным явлением, имеющим в основании религиозное правосознание

Таким образом, политико-правовые идеи Франциска Скорины отображали мировоззренческие установки своего времени и одновременно подчеркивали самобытность и своеобразие самого мыслителя.

Литература

1. Скорина, Ф. Творы / Ф. Скорина. – Минск: _____, 1990. – 236 с.

ВЛИЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г.

В.И. Ермолович

В современной отечественной историографии прочно утвердилась точка зрения, что основные институты государства и права ВКЛ формировались в XIII-XIV вв. на землях заселенных представителями белорусской народности. Именно поэтому первой столицей ВКЛ почти столетие был город Новогрудок (Новгородок, Новоградок), а официальным государственным языком стал старославянский язык, на основе которого в XIV- XVI вв. и сформировался язык белорусской народности. На нем писались грамоты Великих князей и другие государственные документы, составлялись летописи, отправлялось правосудие.

Широкое применение в ВКЛ получили нормы древнерусского права, которые явились основой формирования отечественной средневековой правовой системы. Подобный ход развития событий был закономерным, потому что на территории современной Литвы (XIII-XIV вв.) как впрочем и других стран, вступивших на путь государственного развития, население не обладало источниками писанного права. Общественные отношения на землях, где исторически сформировалась литовская народность (жемайты) регулировались нормами обычного права, а на территории большинства удельных княжеств, которые составили основу ВКЛ и были населены представителями современных белорусской и украинской народностей продолжали действовать нормы «Русской Правды» (т.н. древнерусское право), а позже вплоть до вступления в силу Статута 1529 г. и отдельные гражданско-правовые нормы из Новгородской и Псковской Судных грамот.

В конце XIV в. в ВКЛ стали появляться жалованные грамоты Великих князей (привилеи), в которых фиксировались отдельные нормы права. Привилеи давались конкретным землям (удельным княжествам), городам, сословиям, монастырям, а также частным лицам, так что с течением времени их оказалось

очень много. После заключения Унии ВКЛ и Польши (1385 г.), по мнению некоторых историков права, в правовую систему княжества был рецепирован ряд норм польского права из «Полного свода статутів Казимира III Великого». В данном случае речь идет о трех общеземских привилеях изданных в 1387 г. Великим князем Яковом Андреевичем, известным в отечественной литературе под языческим именем Ягайло, а в польской – Владислава II.

Особый интерес для нас представляет содержание первого привилея от 20 февраля 1387 г., который был направлен на насаждение католицизма среди населения ВКЛ. Благодаря этому привилею, Великий князь надеялся завлечь в католическую веру большое число свободных крестьян и феодалов. Вступительная часть привилея является обращением к князю Скиргайло (Ивану Андреевичу) как носителю высшей власти на территории ВКЛ, что свидетельствует о государственной целостности Княжества и его обособленности от Польши, несмотря на наличие единого главы для обоих государств.

Привилея гарантировал каждому рыцарю или боярину, принявшему католическую веру, и его потомкам полную возможность владеть, пользоваться, продавать, отчуждать, обменивать, дарить, согласно своей доброй воле и желанию, замки, волости, дома и иное имущество, чем он владел по отцовскому наследству. Привилея обеспечивал наследственные права и указывал на то, что рыцари не будут привлекаться к каким-либо работам (за исключением строительства нового замка), в случае если созывалось население всей земли, а также для выполнения работ по перестройке или ремонту старого замка. Согласно древнему обычаю, военный поход оставался обязанностью, которая осуществлялась собственными затратами и расходами военнообязанных людей. В том случае, если приходилось преследовать врагов, убегающих за пределы государства, обязаны были отправляться не только рыцари, но и каждый мужчина, какого бы он ни был происхождения или состояния, только бы он был способен носить оружие [1, с. 68-69]. В привилее было высказано пожелание правительства ввести в стране единообразные суды и единое законодательство.

В дореволюционный период многие историки считали, что широкий спектр гражданских прав, которыми были наделены феодалы ВКЛ являлся рецепцией норм средневекового польского права. Данную точку зрения поддерживал и М.К. Любавский в своем научном трактате «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» [2]. Вместе с тем, мы не склонны преувеличивать влияние норм польского права на формирование правовой системы ВКЛ в XIV — перв. пол. XVI вв. Наша позиция по данному вопросу близка с точкой зрения родоначальника отечественной школы истории права, профессора И.А. Юхо. Полимизируя с профессором М.К. Любавским [2, с. 46], по вопросу развития правовой системы ВКЛ в конце XIV — перв. пол. XVI вв., И.А. Юхо в своей докторской диссертации весьма аргументировано констатировал, что «такое утверждение является ошибочным, т.к. право феодалов распоряжаться принадлежащим имуществом существовало уже в XI – XIII вв. во всей Древней Руси (в том числе и Беларуси) и гарантировалось древним правом о чем свидетельствуют многочисленные источники («Русская Правда», летописи, грамоты, договоры и др.). Косвенное подтверждение древности этих прав содержится в Полоцком и Витебском привилеях, в которых содержались нормы относящиеся повидимому, в XI – XIII вв., хотя полный текст этих привилеев был отредактирован в конце XIV в.» [3, с. 66].

В юридических источниках ВКЛ уже в XIV-XV вв. встречается правоприменение ряда норм римского права. В связи с этим возникает вопрос о рецепции норм римского права в правовую систему ВКЛ. На первый взгляд, ответ прост и логичен. Нормы римского права могли быть заимствованы из стран Западной Европы, т.е. из Германии в Польшу, а из последней в право ВКЛ.

Мы не склонны категорически ставить под сомнение данный путь рецепции римского права в структуру правовой системы средневековой Беларуси. Однако при этом следует обратить внимание на тот исторический факт, что господствующие позиции римское право завоевало в Германии только в XVI в., о чём убедительно свидетельствует «Каролина» 1532 г. В более ранних источниках средневекового германского права влияние римского права не прослежи-

вается. В данном вопросе трудно что-либо возразить авторитетному германскому правоведу Л. Эннекцерусу, который констатирует: «Римское право приобрело силу действующего права в форме (глоссированных) законодательных сборников Юстиниана (527 – 565 гг.), которые с конца XVI в. обычно называют *Corpus juris civilis*. Реципированы были не отдельные правовые нормы или институты. Наоборот, вся история рецепции показывает, что теоретически кодификацию Юстиниана в целом рассматривали как свод, имеющий обязательную силу для империи: рецепция последовала, как принято выражаться, *in complexu*. Это не значит, однако, что применялось каждое отдельное содержащееся в *Corpus juris* положение, наоборот, целый ряд норм и правовых институтов никогда не был признан в Германии, но не реципированные нормы составляли исключение» [4, с. 31]. Соответственно рецепция норм римского права в право Польши произошла в более поздний исторический период. При этом не будет лишним отметить тот факт, что в XVI в. на право Польши ощущалось не менее сильное влияние белорусского права, выраженное в Статутах 1529, 1566 и 1588 гг. В настоящее время известно около десятка переводов данных источников на польский язык.

Как не парадоксально, но ключом к разрешению вопроса о пути рецепции норм римского права в правовую систему ВКЛ является источник отечественного церковного и светского права – Белорусский список «Кормчей книги», основу которого составляет содержание Киевского и Рязанского списков «Кормчей книги». Они датированы 1274 и 1284 гг. [5, с. 139]. Русские исследователи И.И. Срезневский и Я.Н. Шапов независимо друг от друга установили, что данный источник является идентичной копией сербской редакции «Номоканона», точнее его Иловичского списка датированного 1262 г., авторство которого принадлежит первому главе Сербской Православной церкви, родному брату короля Савве Неманичу [5, с. 139; 6, с. 135]. Выявленные и исследованные нами списки «Кормчей книги» были выполнены на территории Беларуси (Жировичский и Пинский списки). Их текстовой анализ позволил нам согласиться с точкой зрения И.И. Срезневского и Я.Н. Шапова, что основным источником Киевско-

го, Рязанского и ряда других списков «Кормчей книги», которые имели хождение на территории современной России, Украины и Беларуси, был сербский – Иловичский список «Номоканона» 1262 г. В содержании проанализированных нами источников, в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [7, с. 240а – 249а, 267б – 327б; 8, с. 240а – 250а, 268а – 328б]. Данный исторический факт свидетельствует в пользу того, что нормы римского права были реципированы в право ВКЛ гораздо раньше, чем в средневековое право Германии и Польши.

Вместе с тем мы не склонны отрицать и западноевропейский вектор рецепции римского права в структуру правовой системы средневековой Беларуси. Однако, это был скорее итальянский путь, чем германский. Начиная с VI в. на территории средневековой Италии непрерывно правоприменялись многие нормы Свода законов императора Юстиниана, которые нашли свое отражение в Институциях, Новеллах и Кодексе. В XII в. в Болонском университете сформировалась школа глоссаторов, которая занималась толкованием Свода законов Юстиниана и ознакомила с ним весь образованный мир эпохи средневековья. В XIII в. в Болонью съезжались студенты не только из Италии, но и со стран Западной и Центральной Европы. Их число составляло до 10 тысяч человек [4, с. 29]. Глоссаторы и их последователи – постглоссаторы преподавали римское право не как право Италии, а как международное право, которое имело силу закона для всего Западного мира, поскольку ему не противостояло местное право. В своем учении глоссаторы опирались, во-первых, на утверждение о продолжении существования Римской империи и, во-вторых, на внутреннюю ценность римского права.

То, что началось в Болоньи, продолжили другие итальянские и французские юридические школы в Падуе, Париже, Бурже, которые посещались представителями многих стран Европы. В XV в. в числе студентов Болонского университета были и уроженцы из Беларуси – Альберт Гаштольд и Ян Радзивил. Они вероятнее всего были первыми отечественными юристами с универ-

ситетским образованием. Знания полученные ими в Болонском университете, были практически использованы при подготовке первого Статута 1529 г. В частности, А. Гаштольд с 1522 г. был канцлером Великого княжества Литовского и возглавлял комиссию по созданию Статута 1529 г. Именно по его инициативе в указанный Статут были включены правовые нормы о том, что лица, не являющиеся уроженцами ВКЛ, не имели прав занимать государственные должности и приобретать на территории государства недвижимую собственность. Мы имеем определенные основания считать, что предложенные нормы А. Гаштольдом были сформулированы под влиянием римского права, а именно в их основу был положен *beneficium principale* Юстиниана.

Такое пестрое смешение различных правовых систем, отсутствие единой системы законодательства создавало для представителей государственной власти и управления ВКЛ огромные трудности и неудобства в деле правового регулирования жизни государства. В связи с этим возникла необходимость издания единого свода законов, общего для всех земель и сословий ВКЛ.

Попытки кодификации права предпринимались в ВКЛ еще в XV в., в результате чего появился Судебник 1468 г., известный под названием Судебника короля Казимира IV. Написан он был на белорусском языке, в нем имелось только 25 статей, содержащих главным образом нормы уголовного и процессуального права. Естественно, что он не мог урегулировать все многообразные вопросы суда и управления государством. После его издания продолжало появляться много новых законов.

Фундаментальная кодификация отечественного феодального права была осуществлена при великом князе Сигизмунде I (1506-1548 гг.), который в 1522 г. на Виленском сейме Сигизмунд издал эдикт о даровании общего для всего государства единого писаного права. Был составлен Первый Статут, который был утвержден и обнародован в 1529 г. Известен этот Статут под рядом названий: Статут Сигизмунда I, Права писаные или Книга прав писанных, Первый Литовский Статут.

Статут представлял собою обширный закон, состоящий из тринадцати разделов, делившихся на артикулы (статьи) и содержащий нормы публичного и частного права, уголовного и процессуального права, судоустройства.

Таким образом, Статут 1529 г. формировался на основе норм отечественного белорусского права, а также древнерусского, польского, и римского права. Логично изложенная структура кодекса в форме статей и глав, лаконичный язык формулировок норм Статута 1529 г. является прямым свидетельством того, что авторы кодификации знали и творчески применили передовую для своего времени теорию права, которая базировалась на достижениях римского права.

Литература

1. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права /Я. Юхо, А. Абрамовіч, Т. Доўнар, У. Сатолін. – Мінск: БДУ, 2000. – 127 с.
2. Любавскій, М.К. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно /М.К. Любавскій. – 2-е изд. – М.: Московская художественная печатня, 1915. – 401 с.
3. Юхо, И.А. Обществено-политический строй и право Белоруссии в XVI веке: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. /И.А. Юхо. – Минск, 1979. – 399 л.
4. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права /Л. Эннекцерус. – М.: Иностранная литература, 1949. – Т. 1. – 436 с.
5. Срезневскій, И.И. Древніе памятники русскаго письма и языка (X – XIV вьковъ) /И.И. Срезневкій. – СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1882. – 390 с.
6. Щапов, Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. / Я.Н. Щапов. – М.: Наука, 1978. – 292 с.
7. Arhiv Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti v Zagrebe. – F. 3. – Op. 1. – С. 9. Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262 година. – 800 с.

8. Библиотека Литовской академии наук. – Ф. 19. – Оп. 1. – Ед. хр. № 243.
Белорусская «Кормчая книга». Жировицкий список 1609 г. – 735 с.

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В СТАТУТАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

П.П. Музыченко

Эпоха Возрождения захватила своим влиянием не только страны Западной, но и большинство стран Восточной Европы. Особенно благоприятными для этого явления были условия ВКЛ. Дети украинских, белорусских и литовских шляхтичей учились в Италии, Франции, Польше, в немецких университетах, где господствующими были правовые идеи римского права, приспособленные к новым экономическим условиям. Следует отметить, что некоторые магнатские семьи (Вишневецкие, Острожские, Замойские, Масальские) – были представлены достаточно большим количеством студентов. Одновременно, на литовских, белорусских и украинских землях селились иностранцы, представители различных течений Реформации, которые со временем становились полноправными гражданами Великого княжества Литовского.

В такой атмосфере здесь развивается идеология Возрождения, связанная с традициями классического прошлого, что в свою очередь, убыстряло развитие культуры и ее важнейшего элемента – права. В соответствии с этой идеологией все право разделялось в зависимости от источников на три основные части: 1. Право, данное Богом в Священном писании; 2. Право, данное Богом людям (естественное право); 3. Право созданное людьми (позитивное право). Позитивное право разделялось на публичное (*jus publicum*) и частное (*jus privatum*), а частное, в свою очередь, разделялось на отдельные институты – о лицах, вещи и обязательства. В отличие от систематизации права в большинстве стран Европы, где она проводилась на основе римского права и охватывала только частное право, в ВКЛ систематизации подлежало как частное так и публичное право. Фундаментом правовой идеологии эпохи Возрождения было римское право и естественно систематизация базировалась здесь на таких принципах; суверенитет государства, взаимная ответственность государства и граждан, приоритет писаного права. Эти принципы нашли свое отображение в правовой политике ВКЛ в XVI в. Ю. Юргинис рассматривал Статут 1529 г. как памятник культуры,

в котором "ярко выражены идеи правового государства" [1]. Ю. Бардах, указывая на влияние римского права на развитие литовского законодательства, связывает это явление с эпохой Возрождения [2]. Ренессансные направления развития европейского законодательства не могли не повлиять на общее развитие права ВКЛ, что проявилось, прежде всего, в рецепции римского права. Нужно подчеркнуть, что характерным признаком юридической жизни Европы XVI в. была общая заинтересованность в проведении кодификации права. Объяснение этому коренилось в усилении роли писаного права, понимании его как основы государственного строя. Укрепление позиций категории государственного суверенитета положило начало тенденции к унификации права, которая велась к замене системы местного обычного права единственным общегосударственным правом. Научным фундаментом идеи общего для государства права была система римского права и вполне естественным было то, что в XVI в. римское право охватывает своим влиянием почти все страны Европы.

Детальный анализ содержания Статутов ВКЛ показывает, что уже Статут 1529 г. содержал некоторые романистические элементы, что дало К. Коранию констатировать в нем "выразительную рецепцию римского права" [3]. Прежде всего, это заимствованные из *Institutiones* положения о лицах, способных составлять завещание (Статут 1529. Р. 5, арт. 15) и свидетелях завещания (Статут 1529. Р. 5, арт. 13) [4]. Норма права Статута 1529 г., лишавшая наследства непослушного сына была заимствована из 115-й новеллы Юстиниана. На римское право опираются также формулировки, выражающие тенденцию к ограничению коллективной ответственности, характерной для обычного права, особенно при рассмотрении судами уголовных дел.

Статут 1529 г. провозгласил правовую защиту простых людей, установил правила, в соответствии с которыми все люди, как богатые так и бедные, должны были судиться за нормами, изложенными в Статуте. Это правило относилось и к Великому князю, который обязывался не отбирать имущество и должности у своих подданных без суда.

Несмотря на все споры в этом сложном вопросе, наиболее достоверной является точка зрения тех ученых, которые считают, что римское право использовалось в Статуте 1529 г. как образец и как вспомогательный материал. Как правило, для периодов ускоренного развития культуры характерным является принятие моделей и образцов, созданных передовыми странами. Это позволяет определить рецепцию, как заимствование культурных ценностей в интересах страны, которая ее осуществляет.

Рецепция может быть принудительной и добровольной. Как пример принудительной рецепции права, можно назвать рецепцию права советской России при кодификации права УССР в 20-ые годы XX в. Добровольная рецепция происходит тогда, когда в обществе возникает потребность в неотложных изменениях, а опыт отечественного правотворчества не дает возможности осуществить эти изменения. Такая рецепция способствует ускорению таких изменений, делает возможным использование наиболее передовых юридических форм для удовлетворения новых потребностей общества. Активность при этом проявляет рецептирующая сторона: институты, нормы и правовые понятия, заимствуются избирательно и приспособляются к новым условиям. Как результат, новые элементы поддаются ассимиляции действующей правовой системы. Они обогащают ее, но не изменяют сущности. Состав кодификационных комиссий по созданию Статутов 1566 и 1588 годов, говорил о том, что знатоки римского права занимали в них достаточно значительное место (Домановский, Наркусский, Островецкий, Ротундус, Роизий). В частности, виленский войт Августин Ротундус, доктор Виттенбергского университета был не только юристом, но и историком. Сторонник римского права, он выдвигал предложения по унификации правовой терминологии и судопроизводства только на основе римских законов. Факт присутствия в составе комиссии знатоков римского права был достаточным для того, чтобы внести в законодательство ВКЛ понятия, заимствованные из римского права. В Статутах 1566 и 1588 годов мы встречаем ряд правовых норм, которые были взяты из институций Гая или Дигестов (М. Максимум, Р. Таубеншляг, Е. Харитонов).

Рассматривая процессы романистических влияний в Великом княжестве Литовском, нужно не забывать, что Радзивиллы, которые играли там в то время главную политическую роль, были меценатами Реформации, а с 1518 года – князьями Священной Римской империи. Назовем некоторые моменты, которые прямо указывают на рецепцию римского права в Статуте 1566 года. Прежде всего, это внешнеесходство. Е. Харитонов указывает что Статут 1566 года "своей структурой и рядом положений был достаточно похож на Дигесты и Кодекс Юстиниана [5].

Действительно, структура Статута 1566 года очень близка к построению Кодекса Юстиниана, разве только что в Статуте больше норм публично-правового характера: административных, уголовных и др., и в то же время, Статут не затрагивает, как Кодекс Юстиниана, вопросы церковного права. Сходство становится еще более заметным при ознакомлении с нормами о свободном распоряжении имениями, купле-продаже, займе, закладе, нормами сервитутного права и др. Похоже, что в этом случае мы имеем дело с рецепцией римского права в форме восприятия, главным образом, норм и правил последнего, адаптированных к местным условиям.

Кроме того, в Статуте 1566 года была предпринята попытка провозглашения политических прав простых людей. Так, в арт. 2 раздела 3 говорилось о том, что будут соблюдаться права "всех людей посполитых в Великом Князстве Литовском и во всех землях того панства..., в которых они, яко люде вольные, вольно обираючи... из вечних своих предков себе панов и Господарей Великих князей Литовских" [6].

По Статуту 1566 года к участию в ограничении власти Великого князя притягивался и сейм. Так, в арт. 2 раздела 2 и арт. 12 раздела 3 говорилось, что вопросы провозглашения войны, установления налогов, и принятия новых законов не могут решаться только господарем и Паны-Радами, а должны решаться только на общем сейме [6].

Заемствованными из римского права являются также положения Статута 1566 года о свободном распоряжении имуществом, нормы сервитутного права,

нормы договоров купли-продажи, займа, поклажи и другие. В Статуте 1566 года была предпринята попытка выразить презумпцию невиновности. В арт. 2 раздела 14 говорится о том, что суд "в вещах вонпливых (сомнительных - П.М.) сконнейший маеть быggi ку вызволенью нижли ку каранью"[6].

Еще более заметным является влияние римского права на Статут 1588 года, который, с точки зрения правовой теории и практики, имел значительные преимущества перед своими предшественниками. В нем более четко получили отображение государственно-правовые идеи того времени, основы общественного и государственного строя, а также некоторые прогрессивные идеи эпохи Возрождения. В нем мы встречаем ряд позитивных заимствований идеологов гуманизма и рационализма. В частности, он детально регламентировал частную собственность на землю, договорное право, и, особенн, наследственное право.

Владение в отличие от собственности понималось как "держание", которое при определенных обстоятельствах могло превратиться в собственность. Имение могло передаваться во владение пожизненно одному лицу или ему и детям его, или на более короткое время, или на неопределенное время – "до воли и ласки" господаря. Владелец имения мог им пользоваться и получать него прибыль, но без разрешения верховного собственника не мог им свободно распоряжаться. Лицо, которое получило имение во временное владение имело определенные права распоряжения данным имением.

Владение, как и собственность, подлежало судебной защите. Владелец земли, который не имел достаточных правовых оснований для владения, но в течение трех лет пользовался плодами данной земли, мог подать иск даже противсобственника, если тот, без судебного решения, самовольно собрал урожай на данной земле, или нанес какой-либо другой убыток владельцу земли. Усиление правовой защиты владения и возможность превращения этого владения в частную собственность свидетельствовали о постепенном превращении права феодальной собственности в буржуазную.

Гуманистические идеи Возрождения нашли также отображение и в некоторых нормах процессуального и уголовного права.

Так, в соответствии с нормами Статута 1588 года суд "в сомнительных делах должен быть более склонным к освобождению, чем к наказанию" (раздел XIV, арт. 13) [7].

Отметим также положение об ограничении уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, в случае рецидива кражи несовершеннолетнего могли быть телесному наказанию но не смерти, , как правило, наказывали воров. Предусматривалось представительство бедных в суде и не только в уголовных делах (раздел IV, арт. 57), а также штрафные льготы для бедных и сирот (раздел IV, арт. 101) [7].

Статут 1588 года вводил смертную казнь, независимо от имущественного положения и сословной принадлежности убитого и убийцы, санкционировал религиозную терпимость, применил ряд других гуманистических решений в уголовном праве.

В целом, можно сделать вывод, что Статуты ВКЛ были результатом использования и творческой переработки текущего законодательства и судебной практики, отдельных положений римского, немецкого, польского права, а также обычного права Украины, Белоруссии и Литвы.

Литература

1. Юргинис Ю. Литовский Статут – памятник истории права и культуры Великого княжества Литовского // Первый Литовский Статут. 1529 г. – Вильнюс, 1982. – С. 18.
2. Див.: Бардах Ю. Литовские Статути – памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976. – С. 71-93.
3. Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego Statutu Litewskiego. – Wilno, 1935. – S. 107-121.
4. Статут Великого князівства Литовського 1529 року. – Т.1 / Статути Великого князівства Литовського. – У 3-х т. // За ред. С.В. Ківалова, П.П. Музиченка, А.І. Панькова. – Одеса: Юридична література, 2002.

5. Харитонов Е.О. Рецепция римского частного права. – Одесса, 1996. – С. 188; Он же: Нариси теорії цивилістики (поняття та концепти). – Одеса, 2008. – С. 361.

6. Статут Великого князівства Литовського 1566 року. – Т.2 / Статути Великого князівства Литовського. – У 3-х т. // За ред. С.В. Ківалова, П.П. Музиченка, А.І. Панькова. – Одеса: Юридична література, 2003.

7. Статут Великого князівства Литовського 1588 року. – Т.3. – Кн. 2 / Статути Великого князівства Литовського. – У 3-х т. // За ред. С.В. Ківалова, П.П. Музиченка, А.І. Панькова. – Одеса: Юридична література, 2004.

ВЛИЯНИЕ РИМСКОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ЛИТОВСКИХ СТАТУТАХ

С. Д. Гринько

В юридической литературе по советскому и современному гражданскому праву институт деликтных обязательств получил достаточно широкое и полное освещение. Так имеются как комплексные работы, так и работы, освещающие отдельные проблемы. Например остается неразрешенным вопрос о влиянии римского права на формирование института деликтных обязательств в Статутах ВКЛ. При этом современная Европа возобновляет и развивает частно-правовые традиции, основанные на положениях римского права, учитывая современный мировой опыт. «Дух римского права» имеет большое значение и сегодня, так как римское право выделялось своими фундаментальными идеями и подходами, почти безупречной логической системой категорий, определений и норм. Примером этого есть новые гражданские кодексы стран бывших советских республик. Однако идеи римских юристов использовались разработчиками кодификаций не непосредственно, а через немецкое, французское, польское, а также законодательство ВКЛ. Именно поэтому представляет для нас интерес рассмотрение особенностей генезиса и содержания Статутов ВКЛ в сравнительном анализе с источниками Древнего Рима.

Деликтные обязательства возникают, в большинстве случаев, тогда, когда нарушаются имущественные права (блага) потерпевшего. Вследствие такого нарушения уменьшается его имущественная сфера, поскольку лицо лишается права собственности на имущество или умаляется его имущественная сфера. При этом, прекращение вещественных правоотношений влечет возникновение нового права, права потерпевшего требовать возмещения причиненного вреда. Римские юристы к основаниям возникновения обязательств, вследствие причинения вреда имуществу относили два деликта *furtum* и *damnum injuria datum*.

Наследуя их идеям, авторы Статутов различают также два деликта причинения вреда имуществу: *завладение имуществом* и *причинение вреда или ущерба имуществу*. Кроме этого, они выделяют третий деликт — *самовольное пользование чужим имуществом*, тогда как римляне относят его (*furtum usus*) к разновидности *furtum*.

Римские юристы определили *furtum* как «*est contrectatio rei fraudulosa lucri faciendi gratia vel ipsius rei vel etiam usus eius possessionisve*» (D.47.2.1.3) [1, Т. VII. Полутом 1, с. 378], то есть как присвоение самой вещи, так и пользование или владение ею ради наживы. Из этого следует, что *furtum* охватывал все случаи противоправного присвоения чужих вещей, был деликтом с широким содержанием. В отношении обязательств из *furtum* действовал принцип полного возмещения вреда. Павел в своей сентенции отмечал, что справедливо, чтобы по иску о *furtum* несли ответственность в том размере, в каком похитили (D.47.2.2.21) [2, Т. VII, Полутом 1, с. 393]. При этом, размер возмещения (учетверялась или удваивалась стоимость вещи) зависел от действительной стоимости вещи, а не от интереса истца (Ульпиан) (D.47.2.50) [3, Т. VII. Полутом 1, с. 415].

Римские юристы допускали возможность требовать возмещения, как реального вреда, так и упущенной выгоды. Ульпиан отмечал, что деликвент обязан возместить наивысшую стоимость вещи и неполученные плоды от вещи (D.13.1.8.1-2) [4, Т. III, с. 147]. В другой своей сентенции Ульпиан писал, что тот, кто похищает документы или расписки, отвечает за *furtum* в размере стоимости не только самих табличек, но и того, что составляло интерес, относящийся к оценке той суммы, которая в этих документах содержится (D.47.2.2.27) [5, Т. VII, Полутом 1, с. 399]. То есть римское деликтное право основывалось на принципе: «*Fur semper moram facere videtur*» (D.13.1.20) [6, Т. III, с. 153] — похититель всегда находится в прострочке.

Обязательства вследствие повреждения чужой вещи возникали с деликта *damnum iniuria datum*. За законом Аквилія возмещался как имущественный вред, так и сплачивался штраф — *poena*. Так, за повреждение вещи, причинен-

ное несколькими лицами, можно было взыскать возмещение с каждого полностью. Например, если несколько лиц упустият колоду, вследствие чего придавят человека, то все они подлежали наказанию по закону Аквилія (Д.9.2.11.3) [7, Т. II, с. 399].

Принцип полного возмещения вреда нашел свое место и в законодательстве ВКЛ, по которому на деликвента возлагалась обязанность возратить законному владельцу его имущество и вознаградить причиненные убытки вдвое (Статут 1529. Р. 4, арт. 92, 100) [3, с. 225, 230, 248, 284]. То есть потерпевший имел право требовать возмещения реального вреда, так и упущенной выгоды. Кроме того, ответственность деликвента, по аналогии с римским правом, также носила штрафной характер, поскольку потерпевший получал возмещение в большем размере сравнительно с причиненным вредом. Однако, если римская штрафная санкция равнялась размеру возмещения, который удваивался или учетверялся, в зависимости от вида явного или нет *furtum*, то литовский штраф только удваивался.

Особенность ответственности за *furtum* в том, что она могла быть как гражданской, так и уголовной. При этом, относительно *furtum*, как правило, предъявляли уголовный иск. Такое право принадлежало собственнику присвоенной вежи (Д.13.1.1) [8, Т. III, с. 145] за некоторыми исключениями[‡]. Литовские статуты, наряду с частными санкциями, к виновному деликвенту также применяли публичные. Так, за самовольное завладение чужого недвижимого имущества виновный подвергался личному шестинедельному задержанию (Статут 1529. Р. 4, арт. 92) [3, с. 225], а при грабеже или разбое виновные предавались суду по уголовным законам (Статут 1529. Р. 13, арт. 2) [3, с. 296-297].

Римские юристы к обязательным условиям возникновения деликтных обязательств относили наличие имущественного вреда, противоправного действия, причинную связь между причиненным вредом и противоправным действием, вину.

---

*Например, иск с *condictio furtiva* принадлежал швее (I.3.205; D.47.2.77) [9], хранителю в случае потери вещи, полученной ими по договору (I.3.207) [10].

«*Noxia autem est ipsum delictum*», то есть вред есть самим деликтом [11, Т. II, с. 387]. Павел в своей сентенции отмечал, что «*damnum et damnatio ab ademtionem et quasi deminutionem patrimonii dicta sunt*» (Д. 39. 2. 3) [12, Т. VI. Полутом 1, с. 379]. То есть вредом есть отобрание и как бы уменьшение имущества лица. По Статутам право на частное вознаграждение возникает у лица только тогда, когда ему причинено вред или убытки. Соответственно их отсутствие исключало возникновение деликтных обязательств.

Римскими юристами была разработана методика оценки стоимости вещи. Так, по общему правилу вещь оценивалась на момент совершения *furtum*. Если стоимость вещи стала больше, то удвоенная ее оценка совершалась, в зависимости от суммы на какую вещь стала дороже, так как они считали, что тогда ее присвоение имело место (Д.47.2.50) [13, Т. VII. Полутом 1, с. 415]. В отличие от римского законодательства, Статуты определили, в соответствии с существовавшими на тот моменте ценами, различные денежные взыскания за присвоение или повреждение, порчу некоторых вещей, в особенности домашних животных, хлеба, сена, огородных овощей, съедобных припасов, вещей домашнего потребления (Статут 1529. Р. 10, 13) [3, с. 263-267, 296-300]. Однако, статуты не содержали оценку всех вещей, которым мог быть причинен вред.

Противоправность римские юристы понимали как действие, совершенное не по праву, то есть против права (Ульпиан) (Д.9.2.5.1) [14, Т. II, с. 393]. Противоправное действие проявлялось в форме уничтожения, повреждения, порчи неживой вещи, что охватывалось понятием «*ruptum*». В Статутах также прямо содержится указание на причинение вреда незаконным завладением или самовольное пользование чужим имуществом. Нашли отражение в Статутах (Статут 1529. Р. 11, арт. 12, 18) [3, с. 271, 273] позиции римских юристов о запрете любого самоуправства со стороны потерпевшего, так как каждый имел право искать возмещения причиненного вреда в суде или полиции.

На причинную связь указывали римские юристы, определяя субъекта ответственности за вред, причинный *furtum* и *damnum iniuria datum*. В своей сентенции Павел отмечал, что вред следует за личностью (причинившего его)

(Д.47.2.18) [15, Т. VII. Полутом 1, с. 391]. Также законодатель рассматривал вред как результат незаконного поведения его причинителя, что указывает на необходимость установления в каждом случае связи между данными фактами.

Римские юристы субъективным условием возникновения деликтных обязательств, считали вину деликвента. По иску, согласно закона Аквилія, подлежали наказанию умысел и грубая неосторожность (Д.9.2.30.3) [16, Т. II, с. 421]. То есть не требовалось только умыслу (*dolus*), а достаточным было установить наличие неосторожной вины деликвента (*culpa*). Как отмечал Р. Зом, вина деликвента должна быть такой, чтобы ею был причинен вред конкретной вещи истца [4]. Статуты не разграничивали умысел и неосторожность, так как при частном вознаграждении форма вины не влияла на размер возмещения. Как и по закону Аквилія, по законам ВКЛ имел значение только факт вины.

Таким образом, основные положения деликтного права Древнего Рима были практически восприняты при разработке Статутов. Вследствие этого была создана в праве ВКЛ частнопредварительная концепция деликтной ответственности, которая намного пережила своих создателей и положена в основу «Прав, по которым судится малороссийский народ» (1743 г.), Собрания Малороссийских прав (1807 г.), проекта Свода местных законов Западных губерний (1837 г.), Свода законов гражданских Российской империи (1842 г.) и др.

Литература

1. Дигесты Юстиниана / [пер. с латинского Литвинов Д. А., Рудоквас А. Д., Щеголев А. В., Марей А. В. и др.]; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М.: Статут, 2002-2007. — Т. I-VII.
2. *Дыдынский Д.* Институции Гая, текст и перевод с введением и примечанием / Дыдынский Д. — Варшава, 1892. — С. 358-359.
3. Кодифікація цивільного законодавства на українських землях: Т. 1 / Уклад. Ю. Б. Білоусов, І. Р. Калаур, С. Д. Гринько та ін. / За ред. Р. О. Стефанчука та М. О. Стефанчука. — К.: Правова єдність, 2009. — С. 149-310.

4. *Зомъ Р.* Институции : Учебник истории и системы римскаго гражданского права. Выпуск 2 (Система) / Р. Зомъ ; Пер. с нем. Г. А. Барковскаго. — С.-Петербургъ, 1910. — С. 306.

СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г. И ОБЩЕЕ ПРАВО: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОТЛИЧИЯ

В.В.Сажина

Как известно, создание романо-германской правовой семьи относится примерно к XIII в. До этого времени, как отмечает Р. Давид, существовали элементы, с помощью которых создавалась система, но еще рано было говорить о собственно системе, а, может быть, и о праве. Между тем, со времени распада Римской империи, создавшей уникальную юридическую систему, европейские народы жили в соответствии с обычаями: если право еще существовало, то господство права ушло. Римские компиляции, даже в упрощенном варианте, были слишком сложны, и постепенно право ученых заменяется вульгарным правом, спонтанно применяемым населением. Идеал общества, основанного на праве, был отброшен [1, с. 50-53].

Европейское Возрождение, оживившее политическую и общественную жизнь, коснулось и права. Становление идеи права и самого права в континентальной Европе в этот период разительно отличалось от становления общего права в Англии. Если в Англии первоначальное развитие общего права было теснейшим образом связано с политическими процессами, идущими в обществе, и, в частности, с процессами централизации власти, то в Европе формирование романо-германской правовой системы шло вне связи с этими процессами. Сама система основывалась лишь на общности культуры, и главная роль в этом принадлежала не практикующим юристам и, в частности, судьям, а университетам и ученым.

В силу исторических закономерностей в континентальной Европе на территории ВКЛ примерно одновременно возникла потребность в кодификации законов, которая была предпослана как стремлением преодолеть пестроту права, источниками которого служили старинные обычаи и «новые» жалованные грамоты, иначе называемые «привилеями» Великих князей, так и стремлением усилившейся к тому времени шляхты высвободиться из-под гнета великокняжеской власти. Это, как известно, привело вначале к теоретической разработке,

а потом и к принятию в 1529 г. на Виленском сейме акта, известного под именем Статута ВКЛ. Статут 1529 г., состоявший из 13 разделов, регламентировал, посредством тогдашней кодификационной техники, вопросы гражданского, уголовного, процессуального и отчасти государственного права и демонстрировал своеобразное торжество идеи континентальной кодификации.

Пример создания Статута, его доктринальное обоснование демонстрирует фундаментальное различие в теоретических основах, заложенных при становлении континентального и английского права. Ведь со времен создания первых кодексов, подобных Статуту 1529 г., право на европейском континенте воспринималось как модель социальной организации, а его нормы – как писанный разум, воплощенная справедливость. В Англии же право изначально – это универсальный способ разрешения конфликтных ситуаций и подлинный инструмент восстановления справедливости.

Отметим, что несмотря на то, что приблизительно в одно и то же время и на континенте, и в Англии обретает популярность юридическое образование, сами способы и цели изучения права изначально противоположны. Профессиональную подготовку английские юристы получали не столько в стенах университетов, сколько в специфических адвокатских объединениях – иннах. Таким образом, по выражению современных германских ученых-правоведов, наука общего права по происхождению – судебная, а континентального – схоластическая. На континенте со времен Возрождения оперируют абстрактными понятиями, а в Англии и впоследствии в США предпочитают наглядное представление о предмете [2, с.110].

Указанное естественным образом демонстрирует исторически сложившуюся принципиальную разницу в подходах к современному праву. В семье общего права он все еще менее доктринальный и более прагматичный, чем в романо-германской правовой семье, что предопределяет различные виды и соподчиненность источников права в двух правовых семьях.

Литература

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. / Р.Давид, К.Жоффре-Спинози – М.: Междунар. отношения, 1998. – 400 с.
2. Цвайгерт К., Кетц Х., Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: / К.Цвайгерт, Х.Кетц. В 2-х тт. – Т. 1. Основы. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 480 с.

ГРАМОТЫ НА МАГДЕБУРСКОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК ОБЩЕЗЕМСКОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ XVI В.

Е.И.Орловская

В XI - XIII вв. европейские города, освободившись от средневековых повинностей, становятся политическими, экономическими и культурными центрами. Большинство экономически сильных городов сумело отвоевать для себя определенный круг вольностей в общих рамках средневековой государственности. Горожане, став экономически сильной социальной группой, обособились в структуре средневекового общества. Поскольку основой социальной организации средневекового государства был принцип сословных привилегий, то они видели для себя путь к свободе в юридическом закреплении своих прав и вольностей, превращаясь в особое сословие. Эти сословные привилегии предусматривали освобождение горожан от власти и суда центральной администрации, регламентацию повинностей, налоговую автономию, торговые привилегии, свободу выбора своих занятий и т.д.

В Западной Европе города уже в XII в. имели свое право, которое создавалось в виде статутов. Первоначально появились статуты итальянских городов, затем были закреплены права и вольности Валенсии (114 г.), Фрайбурга (1120 г.), Страсбурга (1189 г.). Позднее городское право стало принимать все более самостоятельный характер. Наибольшее развитие в Европе в период позднего средневековья получило право городов Германии, законы которых явились образцами для других городов. Такими городами были Кельн, Любек, Аусбург, Магдебург и др. Так, кельнское право было распространено в 30 южно-германских городах, гамбургское – в городах Лифляндии и Эстонии, однако наибольшее распространение получила система магдебургского права

В XIII – XIV вв. магдебургское право широко распространилось в Восточной Европе и действовало во всех восточно-немецких государствах, а также в Польше, ВКЛ, отдельных частях Чехии, Моравии, Венгрии. В XV-XVII вв. магдебургское право распространяется преимущественно в восточнославянских землях. На

управление по магдебургскому праву переводятся многие территории ВКЛ. Так, магдебургское право было пожаловано городам и местечкам Беларуси, Галиции, Киевщины, Подолии и Волыни. В XVII в. с расширением Речи Посполитой магдебургское право получили некоторые территории современной России (в Смоленском и Брянском краях), а также южной Латвии.

На территории Беларуси первой грамоту на магдебургское право получила столица государства Вильно (1387 г.), а затем - Брест (1390 г.), Гродно (1391 г.), Слуцк (1442 г.), Полоцк (1498 г.), Минск (1499 г.) и др. Причины столь широкого распространения магдебургского права в ВКЛ связаны с активным развитием товарных отношений, созданием национального рынка, политической и экономической централизацией государства. Кроме того, можно выделить определенные общие черты в германском и славянском праве, что позволило восточноевропейским городам достаточно позитивно воспринять эти правовые нормы.

Введение грамот на магдебургское право дало толчок к дальнейшему развитию законодательства ВКЛ, которые стали одними из источников общеземского права и, в частности, Статута 1529 г. Об этом свидетельствует и тот факт, что причины введения магдебургского права и Статута 1529 г. были во многом схожи. К ним можно отнести и необходимость систематизации разрозненных правовых норм, и консолидацию правящих элит, и стремление законодательно закрепить сословные привилегии, и развитие экономических и гражданско-правовых отношений [1].

Анализируя грамоты на магдебургское право, следует отметить, что они не были простым копированием западных образцов, а имели свои особенности, которые впоследствии нашли свое отражение в законодательстве ВКЛ и его Статутах. Так, если Германия представляла собой в этот период раздробленное децентрализованное государство, где горожане добивались своих прав самостоятельно, то в ВКЛ Великий князь охранял права городов, стараясь не допускать ограничения прав горожан,

Кроме того следует отметить, что когда магдебургское право пришло в белорусские города, когда там уже существовали элементы местного самоуправления.

Находясь в составе ВКЛ, Беларусь, конечно, впитывала в себя многие достижения западной цивилизации. Тем более, что в период средневековья население западных городов Беларуси было полиэтничным. Немецкие купцы, ремесленники, переселяясь и Брест, Гродно, Полоцк, создавали свои общины, в которых пользовались магдебургским правом, которое давало им значительные преимущества и привилегии по сравнению с другими горожанами [2]. Указанное позволяет говорить о взаимовлиянии двух традиций самоуправления, в результате чего в ВКЛ сформировалась своя самобытная система городского права.

Если говорить о соотношении грамот на магдебургское право и местных обычаев, то большинство исследователей соглашается с тем, что предписанная в грамотах отмена местных обычаев все же осуществлялась, и обычаи были во многом вытеснены новыми правовыми нормами. Что касается соотношения магдебургского права и законодательства ВКЛ, то хотя грамотами провозглашалась отмена ранее действовавшего «права Литовского и Русского»[3], на практике строгого разграничения общегосударственных законов и магдебургского права не существовало. Очень часто городские власти, особенно судебные, руководствовались нормами законов, прежде всего Статутами ВКЛ, поскольку в грамотах зачастую отсутствовали нормы брачно-семейного, наследственного, уголовного, процессуального и других отраслей права.

Таким образом, магдебургское право явилось толчком как для дальнейшего развития самоуправления в городах, так и для становления законодательства ВКЛ. Получение городами грамот на магдебургское право способствовало формированию единого законодательства ВКЛ и оказало прогрессивное влияние на развитие и централизацию всего государства.

Литература:

1. Довнар Т.И., Юрашевич Н.М. История государства и права Беларуси. – Минск, 2005. - с.116.

2. Стрэнкоўскі С.П. Вольнасці і прывілеі гарадоў заходняй часткі Вялікага княства Літоўскага. – Мінск, 1997. - с.4.
3. Вішнеўскі А.Ф., Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах. – Мінск, 2003. - с185-188.

ВЛИЯНИЕ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г. НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.Н. Хаткевич

Самым значительным событием в развитии права ВКЛ в XVI в. является разработка и принятие Статутов 1529, 1566, 1588 г.г., олицетворяющие статутный период развития белорусского права. При этом Статуты резко отличались от современных им правовых актов XIV - XV вв. как широтой охвата урегулированных общественных отношений, так и качеством юридической техники. Наличие в государстве таких крупных систематизированных актов свидетельствует о высоком развитии правовой мысли, культуры, образования.

Статут 1529 г. был разработан учеными и юристами-практиками на путем систематизации ранее действующих источников права и в совокупности представлял своеобразный свод законов, основанный на качественно новых принципах единства и приоритета писанного права. Доступность Статута обеспечивалась его написанием на старобелорусском языке. В итоге государственное право ВКЛ, пронизанное идеей верховенства закона, которая в дальнейшем будет признана основным признаком правового государства, отстаивает идею государственного суверенитета, утверждает территориальную целостность, описывает систему, структуру и компетенцию органов власти и управления, закрепляет положение о назначении (избрании) на должности только уроженцев ВКЛ, лишает Великого князя права решать любые вопросы, касающиеся государства, при нахождении за его пределами.

Указанные нормы свидетельствуют о переломе в мировоззрении феодального общества в XVI в. и изменении его правосознания. Так законодатель стремится создать более благоприятные, упорядоченные нормами права условия существования человека в обществе в условиях централизации государства, закрепляет такие прогрессивные в современном понимании принципы как выборность, коллегиальность, законность, виновную ответственность, отделение суда от администрации, участие в суде присяжных и др., что в результате по-

зволюло минимизировать социальные конфликты, в первую очередь в рядах шляхты.

Ряд положений Статута опередил, прогрессивные положения, а именно: равенство всех перед законом («иж все подданные наши, так убогие, яко и богатые, ровно а адностайным тым писаным правом мають сужаны быти»- (Статут 1529 г. Р. 1, арт. 9); ответственность только по закону (Статут 1529 г. Р. 5, арт. 1); виновная ответственность (Статут 1529 г. Р. 1, арт. 7); соразмерность наказания тяжести совершенного правонарушения (Статут 1529 г. Р. 1, арт. 1) и др. Так, классификация преступлений и детальная проработка состава преступления (совершение преступления единолично либо группой лиц; учет вины, мотивов, целей; выделение деяния, последствий, причинной связи между ними и т.д.) свидетельствует о продуманной и сравнительно гуманной для своего времени карательной системе.

Важным показателем культуры является отражение в Статутах христианских ценностей. Так Великий князь в Статуте 1529 г. выражает «обстоятельно продуманное доброе проявление одарить христианскими законами всех своих подданных», что приводит к реализации идеи единства права для всех подданных, которые «должны быть судимы по одному праву». Проблема отражения в тексте Статута христианских ценностей весьма сложна, так как данные ценности включают в себя стремление к единству в Боге и указание на различие людей в талантах, коллективизм и индивидуализм, универсализм и индивидуальность, достоинство и духовную свободу человека и т.д. При этом в каждой исторической эпохе христианские ценности могли делать диаметрально противоположные акценты, зависящие, в том числе, от конфессиональных особенностей.

Отметим, что ряд богословов и мыслителей XIX века признают за славянами такую отличительную черту как соборность, а именно духовное родство людей, чувство единения, общее ощущение Духа Святого. Важнейшей чертой христианства является духовная свобода личности и способность свободного предстояния и общения с Богом. На наш взгляд, Статуты закрепили

христианские идеи о свободе личности, равенстве всех людей перед Богом и законом, обязанности заботы о ближнем, что свидетельствует о стремлении соблюдать две главные христианские заповеди: любовь к Богу и любовь к ближнему.

Христианские ценности направляют активность личности на созидательный труд на благо своих соотечественников и Родины, то есть, связывая права как потенцию во внешнем развитии личности с его обязанностями, ориентируют человека на соблюдение вечных нравственных общезначимых норм. Такие нормы задают направление возвышению души человека, призывают его ограничивать себя ради блага и пользы самой личности или всего общества. Указанное находит свое отражение в Статуте, ибо нарушение нравственных норм влечет наиболее строгое наказание, причем независимо от социального статуса виновного. Христианская забота об уязвимых социальных группах и лицах отражается в обязанностях опекунов по воспитанию подопечных в соответствии с христианскими ценностями. Христианская идея о начальнике как «Божием слуге» отражается в нормах, посвященных воинской службе и обязанностям депутатов по работе на благо общества и государства.

В ряде случаев Статут преодолевает сословность общества, защищая личные (Р. 8, арт. 15 оскорбление крестьянина влечет штраф, равный штрафу за ранение крестьянина; избиевание крестьянина влечет ответственность независимо от социального положения виновного; удвоение ответственности за избиевание женщины) и экономические (Р. 2, арт. 14 запрещает военнотружущим разбирать дома, жечь заборы, травить урожай, мещанам запрещается грабить за долги крестьян на рынке) интересы уязвимых слоев.

Вышеизложенное позволяет утверждать о целенаправленном влиянии христианской догматики на текст Статута, что изменило сущность правовой культуры населения, в том числе путем осмысления и использования новых принципов права

АДЛЮСТРАВАННЕ ПРАВАСВЯДОМАСЦІ САЦЫЯЛЬНЫХ КОЛАЎ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў СТАТУЦЕ 1529 Г .

І. Л. Вяршок

Адной з існуючых і дасканалых форм адлюстравання ці аб'ектывізацыі прававой свядомасці (правасвядомасці) насельніцтва ў эпоху існавання ВКЛ трэба назваць яго Статут 1529 г. Справа ў тым, што ў агульным тэарэтычным значэнні правасвядомасць можа атрымліваць свае адлюстраванне ці выражэнне (аб'ектывізацыю) у рознай якасці. Яскравай формай аб'ектывізацыі правасвядомасці з'яўляюцца асобныя нормы ці нарматыўныя прававыя акты. Якасць і эфектыўнасць рэалізацыі прававой свядомасці насельніцтва ў нарматыўным прававым акце ў значнай частке залежыць ад умоў, юрыдычных і фактычных асноў яго падрыхтоўкі і прыняцця.

Сярод умоў падрыхтоўкі і прыняцця нарматыўных прававых актаў трэба назваць аб'ектыўныя і суб'ектыўныя фактары. Да першых можна аднесці міжнародныя і міждзяржаўныя адносіны ў вывучаемы перыяд, сацыяльна-эканамічнае становішча розных груп насельніцтва (класаў, сасловій), стан і якасць сістэмы іншых існуючых прававых норм таго часу, пануючую ў дзяржаве афіцыйную рэлігію (светапогляд) як адзін з бакоў дзяржаўна-ідэалагічнага парадку, этнічныя адносіны на тэрыторыі той ці іншай дзяржавы і за яе межамі і інш. Суб'екты ўнымі фактарамі падрыхтоўкі і прыняцця нарматыўных прававых актаў трэба прызнаць светапогляд і адукацыю, маральны стан суб'ектаў праватворчаскай дзейнасці і інш.

Юрыдычнымі асновамі падрыхтоўкі і прыняцця нарматыўнага прававога акта і на гэтай падставе рэалізацыі правасвядомасці ў гэтым акце трэба прызнаць прававыя нормы, якія вызначаюць і дапускаюць суб'ектаў да нарматворчай дзейнасці. Фактычнымі асновамі аб'ектывізацыі з'яўляюцца канкрэтныя гістарычныя факты, абставіны, явы, на якіх іх заснавана неабходнасць падрыхтоўкі нарматыўнага прававога акта.

Практычным увасабленнем гэтых агульнатэарэтычных тэзісаў з некаторымі асаблівасцямі можна назваць Статут 1529 г. Так, у кантэксце аналіза ўмоў рэалізацыі прававой свядомасці насельніцтва ВКЛ у Статуце 1529 г. трэба адзначыць некалькі асноўных аб'ектыўных фактараў.

Міжнароднае становішча таго часу складалася шляхам актыўнага палітычнага, эканамічнага і прававога ўзаемадзеяння ВКЛ з Маскоўскай і Польскай дзяржавамі. Таму нельга адмаўляцца ад факта пэўнага ўздзеяння адпаведных прававых сістэм на змест заканадаўчых актаў ВКЛ. Аднак пры вывучэнні зместа Статутаў многія прадстаўнікі гістарычнай і гісторыка-прававой думкі сцвярджаюць аб тым, што ў аснове Статута 1529 г. знаходзіцца мясцовае права. [1, стар. 103].

Зразумела, што нельга поўнасьцю адмаўляць і факт рэцэпцыі асобных нормаў з адпаведных крыніц замежнага права. Напрыклад, складана не прызнаваць уплыў ідэй рымскага права, у тым ліку і ў працэсе сістэматызацыі права ВКЛ. Тым больш, што прычын да актыўнага ўспрымання такіх норм было шмат. Аднак ВКЛ змагло так якасна перапрацаваць айчынныя і замежныя элементы, што яны не толькі адказвалі патрабаванням гэтай дзяржавы, але таксама былі прыкладам для такіх розных па рэлігійнай прыналежнасці і характару прававой свядомасці суседзяў ВКЛ, як Польскае Каралеўства і Маскоўская дзяржава. Рэцэпцыя польскіх норм у прававую сістэму ВКЛ прывяла нават да таго, што некаторыя нормы інстытутаў права Польскага Каралеўства на тэрыторыі ВКЛ дзейнічалі больш эфектыўна [2].

Паступовы працэс цэнтралізацыі зямель у межах ВКЛ таксама аказаў значны ўплыў на фарміраванне і змест агульнадзяржаўнага заканадаўства – у тым ліку ў Статуце 1529 г. [3, стар.125]

Акрамя гэтага, самі заканадаўчыя акты ВКЛ адлюстравалі тагачасныя дасягненні прававой думкі Беларусі, якія былі абгрунтаваны ў працах Ф. Скарыны, С. Буднага, М. Ліцвіна, А. Волана і інш. На падставе аналізу названых гістарычных фактаў значная частка аўтараў прыходзіць да высновы, што Статут 1529 г. з'явіўся практычным увасабленнем дамінуючых у той час

філасофска-прававых канцэпцый. Такім чынам, стан прававой свядомасці насельніцтва ВКЛ у той час меў дастаткова высокі ўзровень, праяўляўся ў выглядзе тэарэтычнага абгрунтавання і практычнай апрабаванні існуючых ў той час прагрэсіўных філасофска-прававых ідэй. Аб гэтым сведчыць не толькі высокая (асабліва для феадальнага права) якасць саміх прававых норм (як вынік аб'ектывізацыі правасвядомасці суб'ектаў праватворчства), але і іх эфектыўная рэалізацыя (як вынік аб'ектывізацыі правасвядомасці іншых слаёў насельніцтва ВКЛ).

Значнае ўздзеянне на змест і якасць рэалізацыі правасвядомасці ў Статуце 1529 г. на аб'ектыўным узроўні мелі канфесійныя і рэлігійныя ўзаемаадносіны. Сапраўды, прававыя акты канца XIV - пачатку XV стст. давалі прывілеі каталікам. Але падзеі 30-х гадоў XV ст. і паўстанне М. Глінскага ў пачатку XVI ст. паслужылі падставай для ліквідацыі дыскрымінацыйных мерапрыемстваў у адносінах да праваслаўных. Рэлігійная палітыка дзяржавы ў значнай меры змяніла напрамак, пачала спрыяць некатораму ўмацаванню пазіцый праваслаўнай царквы на тэрыторыі ВКЛ. Гэта палітыка знайшла адлюстраванне таксама і ў змесце Статута 1529 г. У гэтым Статуце Жыгімонт I зацвердзіў усе правы царкоўныя як лацінскага, так грэчаскага абрада [4, стар. 104].

Адзначым, што названы факт з'яўляецца яскравым адлюстраваннем практычнага ўзаемадзеяння рэлігійнай, дзяржаўнай і прававой свядомасці асоб, якія займаліся падрыхтоўкай Статута 1529 г. Больш за тое, названыя гістарычныя падзеі з'явіліся важнымі фактарамі, які аказаў уплыў на змест названага нарматыўнага прававога акта. Да канца XVI ст. розніца паміж напрамкамі хрысціянскага веравызнання не была падставай для абмежавання шляхты беларускіх зямель у карыстанні палітычнымі правамі. Праваслаўную царкву падтрымлівала большасць насельніцтва, якая жыла на тэрыторыі ўсходнеславянскіх земляў ВКЛ.

Важнае значэнне для далейшага развіцця дзяржаўнасці і прававой сістэмы мелі этнічныя працэсы у межах ВКЛ. У гэты час адбывалася адлюстраванне ў свядомасці насельніцтва ВКЛ этнічнай прыналежнасці. Насельніцтва прызна-

вала ўладу Вялікіх князеў літоўскіх і успрымала сябе не толькі «літвінамі», але ж і «русинамі», а потым і «белорусцамі». [5, стар. 105]

Некаторымі суб'ектыўнымі фактарамі, якія аказалі ўплыў на высокую якасць рэалізацыі прававой свядомасці, з'яўляюцца релігійныя каштоўнасці, узровень адукацыі, маральныя ўстаноўкі асоб, якія непасрэдна ці апасрэдавана прымалі ўдзел у падрыхтоўке і прыняцці Статута, асабістыя інтарэсы суб'ектаў ці іх груп. Стваральнікамі Статута былі высокаадукаваныя ў філасофскай, палітычнай і прававой галіне дзяржаўныя дзеячы ВКЛ.

Акрамя таго, палякі займаліся актыўным распаўсюджваннем каталіцызма паміж вялікалітоўскай шляхтай і самі накіроўваліся на тэрыторыю ВКЛ шляхам атрымання дзяржаўных пасадак, куплі маенткаў, шлюбу з праваслаўнымі нявестамі і атрымання маенткаў у складзе пасагу. Пры падрыхтоўцы Статута 1529 г. палякам забаранялася атрымліваць зямельныя надзелы і займаць дзяржаўныя вялікалітоўскія пасады, што ў практычным плане не адбывалася.

Вышэйназваныя фактары не з'яўляюцца адзінымі, якія паўплывалі на працэс адлюстравання правасвядомасці насельніцтва у Статуце 1529 г. Гэта дазваляе зрабіць вывад, што іх далейшы гістарычны аналіз можа даць аснову для агульнатэарэтычных вывадаў аб працэсах і асаблівасцях аб'ектывізацыі правасвядомасці ў працэсах беларускага дзяржавабудавання.

Літаратура

1. Дмитрачков П. От древней Руси до Речи Посполитой // Беларуская думка, август 2008 г. С. 102-105.
2. А. Закшевский. Великое княжество литовское в XIV-XVIII вв. Своеобразие права и государственного строя // <http://www.historia.ru/2005/01/zakrzewski.htm> по состоянию на 17.09.2009 г.
3. Дзербіна Г. Статуты ВКЛ як адлюстраванне палітычных ідэалаў эпохі Рэнэсансу // Грамадскія ідэалы: нацыянальныя традыцыі, сучасны стан,

погляд у будучыню: матэрыялы навуковай канферэнцыі / Мінск, 26-27
лістапада 1998 г. С.123-130.

УПЛЫЎ ІДЭЙ СТАТУТА 1529 Г. НА РАЗВІЦЦЁ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX СТ.

А.У.Шылінская

Першым сістэматызаваным зводам законаў XVI стагоддзя ў у ВКЛ стаў Статут 1529 г. Крыніцамі для першай агульна-дзяржаўнай калекцыі былі звычайнае права, заканадаўчыя акты Вялікага князя Літоўскага (граматы), судовая практыка, некаторыя нормы рымскага, польскага, чэшскага і нямецкага права. Шэраг сучасных вучоных адносяць да крыніц першага Статута хрысціянскія (рэлігійныя) нормы. Аднак, перш за ўсё, трэба адзначыць, што галоўнай крыніцай Статута было звычайнае права стражытных беларускіх дзяржаў-княстваў.

Першы звод законаў утрымліваў добра распрацаваныя нормы дзяржаўнага (канстытуцыйнага), грамадзянскага, шлюбна-сямейнага, адміністрацыйнага, крымінальнага і працэсуальнага права. Адпаведная колькасць нормаў розных галін права рэгламентавала парадак утварэння, склад і паўнамоцтвы дзяржаўных і судовых органаў, прававое становішча розных катэгорый насельніцтва. Нормы канстытуцыйнага права змяшчаліся ў асноўным у першых трох раздзелах Статута. Вялікі князь Літоўскі і кароль Польскі Жыгімонт I у Прэамбуле да першага звода законаў аб'яўляе аб тым, што жадае даць правы ўсім жыхарам дзяржавы – “подданым а тубылцом”, свецкім і духоўным, праваслаўным і католікам, усім тым, хто меў гэтыя правы ад папярэдніх Вялікіх князеў (Казіміра, Аляксандра і іншых) [1, с.114].

Статут 1529 г. юрыдычна замацаваў суверэнітэт дзяржавы, яе самастойнасць і незалежнасць, а таксама тэрытарыяльную цэласнасць і недатыкальнасць (Статут 1529. Р. 3, арт. 1, 3-6). Цікавымі таксама застаюцца нормы канстытуцыйнага характару суадносна ўсеагульнасці права і роўнасці ўсіх перад законам (Статут 1529. Р. 6, арт. 1-2) [2, с.21].

Гэта дазволіла шматлікім вучоным лічыць Статут 1529 г. сваеасаблівай феадальнай канстытуцыяй, у якой упершыню рэгламентаваліся структура і характар дзейнасці органаў улады, асноўныя правы і прывілеі пануючага класа і

саслоўя шляхты. На думку С.Ф. Сокала Статут з'яўляецца “вяршыней сістэматызатарскай і кадыфікацыйнай дзейнасці”[3, с.35]. Таксама адзначым, што першы звод законаў ВКЛ з'яўляецца не толькі выдатным творам юрыдычнай думкі, але і найважнейшым помнікам старабеларускай мовы.

Ідэі першага Статута адносна самастойнасці, незалежнасці і недатыкальнасці тэрыторыі дзяржавы непасрэдна паўплывалі на фарміраванне і развіццё палітыка-прававой думкі Беларусі ў першай палове XIX ст. Сярод асветнікаў гэтага часу, якія займаліся “справамі сваёй дзяржавы”, неабходна ўзгадаць Міхаіла Клеафаса Агінскага і Адама Чартарыйскага, якія напачатку XIX ст. распрацоўвалі асабістыя праекты адраджэння былой беларускай дзяржаўнасці.

М.К. Агінскі адносіўся да памешчыкаў Беларусі і Літвы, якія зыходзячы з рэальных суадносін сіл на еўрапейскай арэне, узялі курс на падтрымку Аляксандра I і Расіі. Ён неаднаразова сустракаўся з Аляксандрам I і ў маі 1811 года падаў Расійскаму імператару мемуарную запіску і праект указа аб заснаванні ВКЛ у складзе Гродзенскай, Віленскай, Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай, Кіеўскай, Падольскай, Валынскай губерняў, Беластоцкай вобласці і Тарнопальскай акругі на правах аўтаноміі, на чале з намеснікам імператара (мелася на увазе, што такім намеснікам будзе хто-небудзь з братаў Імператара). Сталіцай ВКЛ вызначалася Вільня [4, с.197]. Асноўнай мэтай групоўкі, узначаленай М.К. Агінскім, было адраджэнне былой дзяржаўнасці беларусаў, літоўцаў і ўкраінцаў ў форме аўтаноміі, уключаючы тэрыторыю Беларусі і Літвы з сталіцай Вільняй, у наступным меркавалася аб'яднанне з Вялікім княствам Варшаўскім у адноўленай Рэчы Паспалітай. Расійскі імператар адхіліў праект М.К. Агінскага, тлумачачы гэта тым, што “зараз няма часу займацца гэтымі справамі і неабходна клапаціцца аб арганізацыі абароны дзяржавы ад французцаў”. Аляксандр I толькі на словах асуджаў падзелы Рэчы Паспалітай, менавіта як палітычны акт, на самой справе ён не жадаў увогуле ствараць ВКЛ, няхай нават у складзе Расійскай імперыі.

Працягваў справу М.К. Агінскага знакаміты палітычны дзеяч, куратар Віленскай вучэбнай акругі, князь Адам Чартарыйскі. Вясной 1796 года адбылася адна вельмі цікавая размова паміж яшчэ тады Вялікім князем Аляксандрам і князем Адамам Чартарыйскім, якая дапамагае больш глыбока зразумець палітыку царскага ўрада ў адносінах да Беларусі. Адам Чартарыйскі гаварыў аб загінуўшай Польшчы і падзелах Рэчы Паспалітай. Князь выказаў перад будучым імператарам надзею аб аднаўленні Польшчы ў сваіх межах. Калі князь Адам Чартарыйскі быў назначаны куратарам Віленскай вучэбнай акругі, то ён узяў у памочнікі сабе Т. Чацкага, Ю. Нямцэвіча і Г. Калантая. Гэтыя людзі, якія займалі адказныя пасады ў Віленскай акрузе, лічылі Беларусь часткай будучай “уваскрэсшай” Польшчы. Яны меркавалі, што на тэрыторыі Беларусі трэба толькі канчаткова прыўнесці польскую культуру, якая насаджалася ў гэтым краі і да падзелаў Рэчы Паспалітай. Расійскі імператар Аляксандр I ні ў якім разе не хацеў аднавіць Рэч Паспалітую ў межах 1772 года як самастойную дзяржаву. Ён збіраўся далучыць да ўтворанага Каралеўства Польскага Літву, Беларусь і правабярэжную Украіну, аднак у складзе сваёй Расійскай імперыі.

Галоўным пытаннем палітыка-прававой думкі Беларусі першай паловы XIX ст. было адраджэнне дзяржаўнасці, пошук шляхоў да нацыянальнай незалежнасці. Праблематыкай гэтага пытання займаліся і студэнты Віленскага ўніверсітэта, якія ўваходзілі ў склад тайных таварыстваў. Першым з такіх таварыстваў у Беларусі былі філаматы (1817-1823г.г.), якія ў сваёй дзейнасці актыўна ўздымалі пытанне аб самастойнай прыродзе сваёй дзяржавы і аб неабходнасці яе адраджэння незалежна ад Польшчы і Расіі. Яны змагаліся за сацыяльнае аднаўленне грамадства, за нацыянальную самасвядомасць беларускага народа. Філаматы, як і мысліцелі эпохі Асветы, асноўныя прынцыпы пабудовы грамадства шукалі ў натуральным праве, лічачы гэту тэорыю сапраўднай і не патрабуючай ніякіх дапаўняльных доказаў. Натуральнае права выступала як навука аб адносінах паміж людзьмі, аб свабодзе і роўнасці ўсіх людзей у грамадстве.

Такім чынам, канстытуцыйная накіраванасць нормаў першага кадыфікаванага і сістэматызаванага зборніка законаў - Статута 1529 г. адносна суверэнیتэта, самастойнасці і незалежнасці дзяржавы непасрэдна паўплывалі на палітыка-прававую думку Беларусі ў першай палове XIX ст.

ЛІТАРАТУРА

1. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен): вучэб. дапаможнік /Пад агул. рэд. праф. А.Ф. Вішнеускага. - 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – 320 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года. - Мінск, 1960. – 254 с.
3. Гісторыя дзяржавы і права БССР (дакастрычніцкі перыяд) /С.Ф. Сокал Мінск, 1989. – 110 с.
4. Грыцкевіч, А.П. Памятныя запіскі Міхаіла Клеофаса Агінскага Аляксандру I у 1811 годзе. /Адраджэнне : Гістр. Альманах. – Мінск, 1995. – 280 с.

СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНЫЙ ДОКУМЕНТ

Е.А. Землянинова

Принятый на сейме в Вильно 29 сентября 1529 г. первый Статут ВКЛ по праву считается уникальным по своей структуре и содержанию сводом законов феодальной Беларуси, заметным явлением в истории отечественного конституционализма. С учетом закрепленных в нем принципов права и иных нормативных положений он может быть рассмотрен как социально интегративный юридический документ, обеспечивающий посредством особой правовой формы социальное согласие и единство.

ВКЛ в первой четверти XVI в. характеризовалось достаточно выраженной степенью сформированности основных сословий феодального общества. Однако доминировавшее на территории государства обычное право не могло обеспечить стабильного распределения субъективных прав и обязанностей и устойчивого правопорядка в силу партикуляризма его предписаний и отсутствия системности в регулировании общественных отношений. Существовавшее в виде великокняжеских привилеев и грамот законодательство достатутного периода не преследовало цели замены обычая писаным правом, принималось в связи с определенными частными случаями и нередко имело временный характер [1, с. 21]. В условиях отсутствия в ВКЛ единой правовой системы внутренняя межсословная и межконфессиональная напряженность существенно возрастала на фоне территориальных и религиозно-идеологических притязаний со стороны Польского и Московского государств. Аграрный характер экономики и возможность получения прибавочного продукта преимущественно на основе использования труда феодально зависимого населения обуславливали ведущую роль земельной аристократии (магнатов) в защите территории государства («обороне земской») и обеспечении его суверенитета. Подтверждением тому может служить положение ст. 1 разд. 2 Статута, согласно которому количество снаряжаемых от каждого землевладельца воинов зависело от соответствующего числа зависимых людей и ценности имения [3, с. 142]. Особая роль шляхты в

обороне государства и ее экономическое господство превращали данное сословие в реальную социальную силу, способную обеспечить принудительную реализацию единого нормативного порядка общественных отношений. Именно поэтому шляхетству удалось не только добиться у великого князя юридического закрепления своих прав и привилегий в тексте Статута 1529 г., но и присвоить себе особую прерогативу в качестве «творца» права. Из содержания упомянутого документа следует обязанность государя советоваться с панами радными при принятии законов с учетом общегосударственной пользы (ст. 6 разд. 3 [3, с. 149]) и охранять шляхетскую честь «от всякого поношения и унижения» (ст. 1 разд. 3 [3, с. 148]). Содержание социальной справедливости, послужившее идеологической основой норм Статута, становится понятным на основе высказывания канцлера ВкЛ Льва Сапеги. Он характеризовал положение феодалов в княжестве следующим образом: «...Владзу и волность в руках своих маем, а права сами себе творачы яко наибольшей можем вольности своею во всем постерегаем, бо не только сусед, а сполный наш обыватель в отчизне, але и сам господар пан наш звирхности над нами заживати не может, одно только кольки ему право допускаеть»[§]. Таким образом, общественное благо мыслилось как итог договора, результат согласования интересов представителей привилегированного сословия, служащего наибольшей «вольности» (правовой свободе) шляхты. Если отказаться от привычного марксистского определения права как инструмента насилия, то можно утверждать, что даже такая узкогрупповая трактовка принципа справедливости все же служила «для признания, утверждения и защиты свободы в той мере, в какой это вообще было возможно в те времена» [2, с. 236]. Кроме того, поскольку основным источником при формулировании норм первого Статута 1529 г. служил обычай [4, с. 76], то, даже законодательно закрепляя свои привилегии, шляхетское сословие опиралось на установившуюся социальную практику, освоенные правосознанием ценности и опыт народа, нашедшие отражение в нормах обычного права. Собственно же об объеме правовой свободы шляхты можно судить на основе юри-

---

[§] Цит. по: Юхо, І.А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І.А. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – С. 81-82.

дически гарантированных ей прав и привилегий, к числу которых Статутом отнесены: государственная охрана всех шляхетских вольностей (ст. 7 разд. 3 [3, с. 149]); наследственное право собственности (ст. 9 разд. 3[3, с. 150]); сохранение земельных наделов и должностей только за местными феодалами и запрет отбирать их по заочному обвинению (ст. 3 и ст. 5 разд. 3[3, с. 148-149]); право на участие в законодательном процессе (ст. 6 разд. 3[3, с. 149]); возможность свободного выезда за границу для обучения рыцарскому делу, «кроме земель неприятелей» (ст. 8 разд. 3[3, с. 149]); защита «всех шляхтичей в их достоинстве» и недопустимость возвышения над ними нешляхтичей (ст. 10 разд. 3[3, с. 150]), а также единая привилегия и обязанность участвовать в «обороне земской» (ст. 1 разд. 2) [3, с. 142] и другие.

Отметим, что многие нормы Статута, имевшие позитивное общесоциальное значение и явившиеся результатом добровольного самоограничения прав шляхты в интересах социального мира и согласия, не могли быть практически осуществлены вне опоры на авторитет и поддержку последней. К числу важнейших из упомянутых положений следует отнести: единство закона на территории государства, что создавало правовую основу консолидации земель княжества (ст. 1 разд. 6 [3, с. 165]); юридическую ответственность за неисполнение великокняжеских (ст. 12 и ст. 23 разд. 1 [3, с. 136, 140]) и судебных постановлений и грамот должностных лиц – воевод, старост и державцев (ст. 16 разд. 3 [3, с. 152]); принцип формального равенства всех поданных перед судом (ст. 9 разд. 1 [3, с. 135]); принцип индивидуализации ответственности и ее наступление только в случае виновного поведения субъекта права (ст. 7 разд. 1 [3, с. 134]) и в соответствии с тяжестью содеянного (ст. 1 разд. 1 [3, с. 131-132]); недопустимость наказания по заочному оговору и необходимость личного участия сторон в гласном («явном») судебном разбирательстве (ст. 1 разд. 1 [3, с. 131-132]); недопустимость обращения в рабство свободного человека, совершившего преступление (ст. 7 разд. 11 [3, с. 203]); возможность обжалования судебных постановлений (ст. 2 разд. 6 [3, с. 166]); недопустимость взимания судебных пошлин сверх установленных законом

(ст. 22 разд. 6 [3, с. 173]); освобождение населения государства от уплаты податей и выполнения повинностей кроме предписанных обычаем (ст. 22 разд.1 [3, с. 139-140]). Именно в названных юридических предписаниях нормативно конкретизированы с учетом исторических реалий рассматриваемой эпохи важнейшие общеправовые принципы справедливости, формального равенства и свободы.

В целом Статут 1529 г. интегрировал разрозненные правовые системы отдельных земель в единый для территории государства правовой порядок, гарантом политической устойчивости которого выступало сословие шляхты. Старобелорусский язык изложения данного документа, на котором велось всё делопроизводство в государстве, являлся важнейшей предпосылкой знания права, т.к. ознакомление с его текстом становилось доступным для всего населения Великого княжества.

Литература

Довнар Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV – XVI стагоддзях/ Т.І. Довнар. – Мінск: Пропілеі, 2000. – 224 с.

Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учеб. для юрид. вызов и факультетов / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2001. – 552 с.

Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. / под ред. К.И. Яблонскиса / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. – Минск: Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1960. – 254 с.

Юхо І.А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І.А. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 238 с.

ЗНАЧЕНИЕ СТАТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ПРЕЕМСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ПРАВА

Д.В.Щербук

Вместе с Ренессансом в XVI в. на территорию ВКЛ проникают правовые идеи гуманистов, начинаются процессы рационализации, гуманизации и концептуализации права. Обязательная систематизация права, проведение кодификационных работ логично вытекали из разработанной школой гуманистов концепции неограниченного суверенитета монарха, а следовательно, и преобладания издаваемого им писанного права. Таким образом, кодификация в ВКЛ проходила в русле общеевропейского кодификационного процесса [3, с. 25]. Также она была тесно связана и с распространением протестантизма, политико-правовое учение которого рассматривало кодексы как «инструмент Реформации» по совершенствованию общества [5, с. 131].

Вопрос об источниках рецепции иностранного или римского права при создании Статутов 1529, 1566, 1588 гг. является дискуссионным. Большинство ученых, по свидетельству Г.В.Дербиной, отмечают полное соответствие развития права ВКЛ общеевропейским тенденциям, считают, что рецепция осуществлялась не только через правовую науку, каноническое и магдебургское право, но и в узком смысле прямо из *Corpus Iuris Civilis* (И.Алдаковский, Й.Асалинский, Я.Бандке, Ф.Басовский, И.Данилович, К.Кораный, И.Лаппо). Противоположное мнение высказывали Т.Чацкий, И.Ракавецкий и др. [4, с. 62].

Объем заимствования в каждом Статуте также вызывает различные мнения. Большинство ученых, в том числе А.Ф.Вишневский, Т.И.Довнар, И.А.Юхо считают, что Статут 1529 г. строился в основном на обычном праве, однако в нем присутствуют и некоторые заимствования. В нем находят романистические элементы относительно распоряжения феодалами частью землевладений, порядка составления завещаний, опекунского права и др. [6, с. 25]. При этом сам уровень юридической техники, выделение в Статуте норм частного права в отдельные разделы позволяют исследователям говорить о доктринальном влиянии на его составление системы правовой школы гуманистов [4, с. 70].

В Статута 1566 г. и 1588 г. заимствований больше, что объяснялось привлечением к их созданию «дактаров прав чужаземных» и выдающихся отечественных правоведов [6, с. 27]. В них более заметно влияние науки права: разработаны научные принципы классификации правовых норм и институтов, значительное количество общих норм, расширена сфера правового регулирования и круг субъектов правоотношений, усовершенствована юридическая техника и терминология. Однако нормы отечественного происхождения во всех статутах намного превосходили заимствованные, которые, как отмечает Н.А.Максимейко, всегда приспособлялись к местным условиям [7, с. 174].

Представляется, что основанная на идеях Ренессанса и Реформации рецепция римского и иностранного права в XVI в. в ВКЛ не привела к качественному разрыву преемственных связей в развитии права на белорусских землях. Поздний приход феодальных отношений, неразвитость городов и буржуазных отношений не позволили гуманистическо-реформационным идеям произвести кардинальный переворот в социальной структуре общества. Они усваивались компромиссно, согласовывались с феодальными представлениями о государстве, обществе и праве [2, с. 37].

В таких условиях рецепция осуществлялась выборочно, использовались те более совершенные правовые формы, которые позволяли скорее разрешить наиболее актуальные проблемы общества, но не вносили кардинальных изменений в его жизнь. Многие заимствованные правовые идеи в результате оставались декларативными, не подкреплялись реальными механизмами реализации. Кроме того, поскольку рецепцию совершала заинтересованная сторона по своей инициативе, то, как считает Ю.Бардах, в таких случаях заимствуются только те институты, которые эта сторона выбирает. В результате новые элементы ассимилируются правовой системой, она обогащается, но не изменяет своей сути [1, с. 76-77].

Прежде всего правом ВКЛ был воспринят принцип приоритета писанного правопорядка. Уже в Статуте 1529 г. содержатся указания о единстве права и приоритете писанного права - «иж все подданные наши, так вбогие, яко и богатые,... ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны быти» (Ста-

тут 1529. Р. 1, арт. 9), единство и приоритет писанного права подтверждается и в Р.6, посвященном судебному строю: «Теж уставуем: иж кожды воевода наш и старосты... не мают подданных наших иначе судити и правовати, леч тыми писаными правы, которыя есмо всим подданным нашим Великого Князства дали...» (Статут 1529. Р. 6, арт. 1) [8]. Единство закона для всех подданных, приоритет писанного права, подсудность закону закрепляли и последующие Стату-ты (Статут 1566 г. Р. 1, арт. 1, 2, 16, 17) [9, с. 50, 51, 58]; (Статут 1588 г. Р. 1, арт. 1, 2; Р. 3, арт. 5) [10, с. 18, 44] и др. Обычай как источник права постепенно уступал свою главную роль закону, и если в соответствии со Статутом 1529 г. он использовался при отсутствии нормы права в законе (Статут 1529. Р. 6, арт. 5) [8], то в Статуте 1588 г. (Р. 4, арт. 54) субсидиарным источником в первую оче-редь выступало писанное право христианских государств [11].

Приоритет писанного права, провозглашение единства права для всего населения страны, однако, сочеталось с существованием нескольких сословных правовых систем и их источников. Таким образом, в Статутах лишь намечался процесс становления единой общегосударственной правовой системы.

Принцип равенства перед законом и судом также претерпел модифика-цию. Наряду с его провозглашением в Статутах, а также провозглашением ра-венства между верующими разных конфессий привилегиями 1563, 1564 гг., актом Варшавской конфедерации 1573 г., Статутом 1588 г. (Р.3, арт. 3) [10, с. 42-43], само право различных сословий оставалось разным, содержало различные при-вилегии и обязательства.

Провозглашаемые Ренессансом гуманизация права, свобода личности (Статут 1529 г. Р. 11, арт. 6 [8]; Статут 1566 г. Р. 12, арт. 7 [9, с. 194]; Статут 1588 г. Р. 14, арт. 3, 11 и др. [10, с. 197, 201]), защита личности и имущества независи-мо от сословной принадлежности (Статут 1588 г. Р. 12, арт. 1, 5, 7 [10, с. 182-183] и др.), сочетались с рабством, различием в размере наказания в зависимости от сословной принадлежности, возможностью внесудебной расправы над зависи-мыми людьми. Рабство все же постепенно сокращалось, и если первый Статут рассматривал четыре источника рабства, второй – три, то третий закрепил лишь

один – пленение, при чем дети пленника рабами уже не считались (Статут 1529 г. Р. 2, арт. 12 [8]; Статут 1566 г. Р. 12, арт. 13 [9, с. 196]; Статут 1588 г. Р. 12, арт. 21 [10, с. 188]). Название «челядь невольная» Статутом 1588 г. (Р. 14, арт. 36) также заменялось на понятие «челядь дворовая» [10, с. 207].

Статуты ВКЛ положили начало оформлению отрасли гражданского права. Право собственности и договорные отношения были развиты и ранее, но они, соединившись с новыми идеями, стали выходить на первый план в правовом регулировании. По этой причине в XVI в. в праве ВКЛ отмечается значительное развитие норм и институтов гражданского права, а также связанных непосредственно с ними договорных отношений в области ссуды, найма, подряда и т.д., в которых вместо лица, относящегося к определенному сословию, начинает выступать в качестве субъекта договора абстрактное лицо: покупатель, собственник, залогополучатель.

Таким образом, Статуты являлись результатом преемственного развития права ВКЛ. Заимствованные нормы, привнесенные из Европы ценности Ренессанса и Реформации не преобладали в Статутах, они приспособлялись к местным условиям, право ВКЛ продолжало сохранять свой феодальный характер.

Литература

1. Бардах, Ю. Литовские Статуты - памятники права периода Возрождения / Ю. Бардах // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: сб. ст. - Москва, 1976. - С. 71-93.
2. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі : дапамож. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў / І.У. Вішнеўская. – Мінск : Тэсей, 2004. – 272 с.
3. Голубева, Л.Л. Наследственное право феодальной Беларуси (по законодательству Великого княжества Литовского) : учеб. пособие / Л.Л. Голубева. – Минск: ФУСТ БГУ, 2002. – 84 с.

4. Дзёрбіна, Г.В. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г.В. Дзёрбіна. – Мінск : Тэхналогія, 1997. - 175 с.
5. Дзёрбіна, Г.В. Статуты Вялікага княства Літоўскага як праява прававой культуры Рэнесансу / Г. Дзёрбіна // Нацыянальныя пытанні : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21-25 мая, 4-7 снеж. 2000 г. / рэдкал. Э. Дубянецкі [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 127-137.
6. Доўнар, Т.І. Развіцце асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV-XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. – Мінск : Пропілеі, 2000. – 224 с.
7. Максимейко, Н.А. Источники уголовных законов Литовского Статута / Н.А. Максимейко. - К. : Типография Императорского Университета Св.Владимира, 1894. - 184 с.
8. Первый или Старый Литовский Статут // Временник Общества истории и древностей Российских [Электронный ресурс]. - Кн. 18. - 1854. - С. 2-106. – Режим доступа: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-40/Statut1529/text1.htm>. – Дата доступа: 11.07.2005.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар [і інш.] ; рэд. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года / пер. А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2005. – 207 с.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларуская Савецкая энцыклапедыя; Рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.] [Электронный ресурс]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 572 с.– Режим доступа : <http://starbel.narod.ru/statut.rar>. – Дата доступа : 11.02.2009.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЗЕМЛИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ В XVI В.

И.Г. Яцкевич

Земельные владения в ВКЛ были обременены разными видами службы в пользу государства и в этом смысле являлись условными владениями, распоряжение которыми зависело от воли великого князя. Не случайно для обозначения правомочий владельцев земли в нормативных и правоприменительных актах в ВКЛ использовался термин «держание». Тем самым, на наш взгляд, постулировалась неразрывная связь правомочий непосредственного владельца земли с волей князя как верховного собственника, и гарантировалось сохранение служебных отношений при смене владельцев земельного участка.

Земля в ВКЛ в основном использовалась для материального обеспечения военной (земской) службы землевладельцев, а также для выполнения сельскохозяйственных и иных работ, направленных на обеспечение хозяйственных и финансовых интересов великого князя. Данные интересы требовали сохранения целевого назначения земли при её передаче от одного владельца к другому. Поэтому согласно нормам земского права для приобретения или отчуждения земли требовалось получение «дозволения» – разрешения от великого князя или представителя княжеской администрации. Если земля была пожалована великим князем, то требовалось его личное разрешение на совершение сделки [1, с.37].

За разрешением на совершение сделки мог обратиться как отчуждатель, так и приобретатель. Тем не менее, в большинстве случаев просителем был именно приобретатель. Разрешение оформлялось отдельным документом – «листом дозволенным». Такой лист мог выдать как сам великий князь, так и наместник великого князя – воевода или староста. Подчеркнём, что разрешение необходимо было получать при приобретении (отчуждении) любого земельного владения, как феодального (боярского), так и крестьянского (тяглового). В этом

смысле положение шляхты и господарских тяглых людей, на наш взгляд, принципиально не отличалось.

Наиболее распространённой сделкой был договор купли-продажи земли. Анализ материалов Литовской Метрики позволяет проследить некоторые имевшие место в правоприменительной практике тенденции, связанные с получением разрешения на куплю-продажу земли. Во-первых, прослеживается сокращение количества сообщений о выдаче разрешений феодалам в годы правления Жигимонта Старого, по сравнению со временем великого княжения Казимира и Александра. Во-вторых, в большинстве случаев за разрешением великого князя покупатели обращались уже после заключения и исполнения договора. В-третьих, в ряде случаев продажи земли приобретатели вообще не обращались за «листом дозволенным», ограничиваясь получением после совершения сделки привилея Великого князя, подтверждающего их право на приобретённую землю. Наконец, нередко покупатели владели землёй только на основании купчего листа, не имея соответствующего разрешения на заключение сделки и княжеского подтверждения.

Почему же предписание об обязательном получении разрешения на куплю-продажу земли, далеко не всегда соблюдалось на практике? Мы полагаем, что в первую очередь это происходило в силу практической невозможности получить такое разрешение своевременно. Великий князь, будучи одновременно польским королём, основное время проводил за пределами ВКЛ, в Польше. Воеводы и старосты, занимая одновременно несколько должностей, также редко приезжали на подконтрольные им территории, предпочитая действовать через своих заместителей и служебников, которые не имели правомочий санкционировать куплю-продажу земли.

Следует учитывать также, что разрешение выдавалось на возмездной основе, т.е. проситель должен был внести определённую денежную сумму, а также оплатить работу писаря. Эти дополнительные расходы были обременительными для мелких землевладельцев.

Есть, на наш взгляд, и ещё одна причина нарушения на практике норм, предписывающих получение разрешения на куплю-продажу земли. Очевидно, что буквальное следование данной норме делало оборот земли громоздким, неудобным для субъектов земельных отношений. Значительно проще было купить землю, а затем со временем получить подтверждение своих прав у Великого князя, если сделка не противоречила его интересам. Именно по этому пути пошла практика, а Великий князь, судя по всему, не препятствовал такому ходу событий. На основании анализа актового материала, можно утверждать что он, как правило, подтверждал такие сделки «post factum» по просьбе приобретателя. Таким образом, великокняжеские листы и привилеи, подтверждающие право покупателя на приобретённую им землю стали выполнять ту роль, которая ранее выполняли «листы дозволенные».

При принятии решения о подтверждении права приобретателя на землю Великий князь руководствовался информацией о способности отчуждателя нести службу в прежнем объёме. Особенно это было важно при заключении сделок между представителями разных сословных групп, так как в результате такой сделки могло измениться служебное назначение земли (например, при приобретении земли боярином у тяглового человека). Поэтому, заключая договор без предварительного разрешения и рассчитывая на его последующее подтверждение великим князем, стороны оговаривали в купчем листе, что отчуждение земли не повлияет на интересы службы. Продавец указывал в договоре, что после продажи земли у него остаётся имущество в количестве, достаточном для исполнения возложенных на него служебных обязанностей. Если сделка заключалась между лицами, обязанными нести военную службу, то соглашением сторон могло быть установлено, кто продолжит нести службу с данного земельного участка – покупатель или продавец.

Литература

1. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Под ред. К.И. Яблонскиса – Минск: Изд-во АН БССР, 1960. – 254 с.

СПАДЧЫННАЕ ПРАВА БЕЛАРУСІ Ё XVI ст.

А.І.Пыско

Цывільнае феадальнае права на Беларусі ё XVI ст. склалася пад уздзеяннем таварна-грашовых адносін і гандлёвага капіталу, што спрыяла зараджэнню ё яго нетрах норм, характэрных для буржуазнага права, у тым ліку ёсесаслоўнасці. Маёмасныя адносіны па-ранейшаму ё асноўным рэгуляваліся ё залежнасці ад класавай і саслоўнай прыналежнасці людзей.

Спадчыннае права складала самастойны інстытут цывільнага права, асабліва гэта бачна ё Статутах 1529, 1566 і 1588 гг. Паводле закона, спадчыннікамі ё першую чаргу прызнаваліся дзеці спадчынадаўцаў і іхнія нашчадкі, але толькі народжаныя ё законным шлюбе, не аб'яўленыя бацькам незаконнымі і не пазбаўленыя права на спадчыну. Прызнаваліся незаконна-народжанымі дзеці ад шлюбу з нявенчанай жонкай, а таксама тыя дзеці, ад якіх адмовіўся бацька. Пазашлюбныя дзеці нават пасля таго, як іх бацька ажаніўся на маці, заставаліся ё стане незаконнанароджаных (“бенкартаў”) і не мелі права на наследаванне бацькоўскай маёмасці. Адносна мацярынскай маёмасці ёсе дзеці мелі права на роўную долю.

Спадчыннікамі другой чаргі прызнаваліся браты і сёстры спадчынадаўцы. Пры наяўнасці сыноў дочкі не наследавалі нерухомах маёнткаў бацькі, а атрымлівалі толькі чацвёртую частку кошту маёмасці, незалежна ад колькасці сыноў і дачок (Статут 1529 г.). Мацярынскі маёнтак яны наследавалі ё роўных долях з братамі. Дзяўчына, якая выйшла замуж без згоды бацькоў, не толькі губляла права на пасаг, але ёвогуле адхілялася ад наследавання бацькоўскай і мацярынскай маёмасці нават тады, калі яна была адна дачка ё бацькоў. Жонка пасля смерці мужа атрымлівала частку маёнтка мужа, але не больш як трэць, у пажыццёвае валоданне, а спадчыннікамі лічыліся дзеці або сваякі мужа па мужчынскай лініі (блізкія па мячы). Унесены ё дом мужа пасаг жонкі ё выпадку яе смерці, калі не было дзяцей, вяртаўся ё той дом, з якога выйшаў. У Статуце 1588 г. была прадугледжана магчымасць атрымання жонкай у спадчыну ма-

ёнтка, калі маёнтак быў набыты ў сумесным шлюбе, а дзяцей у яе з мужам не было. Абмежаванне правоў жанчын атрымліваць у спадчыну маёнткі мужа, а таксама абмежаваная магчымасць пазбаўлення дзяцей спадчыны, былі звязаны з феадальнай павіннасцю ўладальнікаў маёнткаў несці вайсковую службу і выстаўляць пэўную колькасць ратнікаў.

Паводле Статута 1588 г. бацькі адносіліся да трэцяй чаргі спадчыннікаў пасля дзяцей і братаў спадчынадаўцаў. Усе астатнія родзічы і сваякі адносіліся да чацвёртай чаргі. Пры адсутнасці законных нашчадкаў і тэстаменту на карысць іншых асоб, маёмасць прызнавалася вымарачнай і паступала ў казну. Не маглі набываць маёмасць па тэстаменце асобы, пазбаўленыя гонару і выгнаннікі-ываланцы. Палонныя і чэлядзь дворная маглі набываць маёмасць па тэстаменце пасля атрымання асабістай вольнасці.

Закон замацоўваў таксама прычыны, у сувязі з якімі бацькі мелі права адрачыся ад сваіх дзяцей, вынікам чаго было пазбаўленне іх спадчыны. Гэта адбывалася ў выпадках, калі дзеці: 1) паднялі руку на сваіх бацькоў (за што падвяргаліся смяротнаму пакаранню); 2) прычынілі шкоду бацькам шляхам захопу бацькоўскай маёмасці; 3) са злосці, а не дзеля дзяржаўнай карысці дамагаліся ў судзе смяротнага пакарання для бацькоў; 4) адмовіліся ў судзе паручыцца за сваіх бацькоў; 5) вялі распуснае жыццё; 6) пакінулі бацькоў у нямоглай старасці; 7) не пажадалі выкупіць бацькоў з палону, а маёмасцю іх пры гэтым карысталіся.

Законам прадугдэджвалася, што не мелі права завяшчаць непаўналетнія дзеці, асобы, якія страцілі вольнасць згодна з законам, манахі, палонныя, чэлядзь дворная, псіхічна хворыя (яны маглі завяшчаць сваю маёмасць толькі пасля выздараўлення), выгнаннікі і пазбаўленыя гонару. Феадальна-залежныя людзі маглі завяшчаць чужым асобам толькі трэцюю частку сваёй рухомай маёмасці, а дзве трэці павінны былі пакідаць дзецям, калі іх не было, то гэтымі дзвюма часткамі распараджаўся пан. Шляхціц меў права завяшчаць чужым асобам толькі адну трэцюю частку маёнтка, а дзве трэці павінен быў пакінуць

дзецям або сваім бліжкім. Выключэнне з гэтага правіла было зроблена толькі ў адносінах да завяшчання на карысць гасудара.

ГОЛОВЩИНА КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ПО ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ 1529 Г.

К.Б. Марисюк

Политическое влияние Литвы на украинские земли началось в 1340 г., когда Литовский князь занял княжеский стол в Галичине и на Волыни. Воспользовавшись поражением литовских князей на р. Страве, польский король Казимир в 1349 г. вторгся на территорию захваченной литвинами Галичины и овладел ею. Попытки поляков присоединить к Короне и Волынь окончились неудачей. В итоге, поляки и литвины разделили между собой территории, ранее принадлежавшие Галицко-Волынскому княжеству. В 50-х гг. XIV в. ВКЛ начало экспансию на Надднепрянскую Украину. Воспользовавшись ослаблением монголо-татарского ярма, Великий князь Литовский Ольгерд расширил свою власть на Черниговщину и Новгород-Северщину. Последней украинской территорией, присоединенной к ВКЛ в 1411 г. стала Подольская земля. [2, 47]

Вследствие всего вышесказанного, в начале XV в. возникло государство, в которое входили территории нынешней Литвы, Беларуси, большей части Украины и западные части России. Государство это получило официальное название “Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское и иных”. [2, 47]

В течении 60-и лет XVI в. правительство ВКЛ три раза осуществляло кодификацию права, результатом которой стали три Статута: 1529 г. (“Старый”), 1566 г. (“Волынский”) и 1588 г. (“Новый”).

I Литовский статут, принятый в сентябре 1529 г., как верно замечает Х. Майкут, был первым в тогдашней Европе систематизированным сводом различных отраслей права. [4, 36] Считается, что сначала в статуте было 244 (или 245) статей, а в 30-х годах XVI в. в него внесли дополнения и редакционные правки. В результате количество артикулов возросло до 283. [6, 51]. Среди прочего, в Статуте 1529 г. предусматривалась и очень четкая и структурированная система наказаний.

По этому поводу стоит отметить, что, как верно считал Г. Демченко, в первом Статуте наказание является еще средством удовлетворения потерпев-

шего и только отчасти имеет значение возмездия за совершенное зло и известного воздействия на волю преступника; цель устрашения почти совершенно отсутствует. [1, 172] В связи с этим, господствующей формой наказания были имущественные наказания, в первую очередь те, которые шли в пользу потерпевшего, и, лишь отчасти – в пользу общественной власти. Учитывая вышесказанное, обратим наше внимание на одно из наиболее тяжелых имущественных наказаний, предусмотренных в Литовском статуте 1529 г., а именно на головщину.

Головщина, по меткому выражению В. Кульчицкого, это денежный штраф “за голову убитого”, то есть за убийство, который выплачивался, кроме основного наказания, семье и родственникам убитого. [3, 86] Исходя из этого, с уверенностью можно утверждать, что головщина является исключительно дополнительным наказанием. Интересно, что законодатель связывает головщину исключительно лишь с одним видом основных наказаний, а именно с навязкой, чем резко отличается от разработчиков Статутов 1566 и 1588 гг., которые уже рассматривают исследуемый вид наказания фактически исключительно в связке со смертной казнью.

Статут 1529 г. упоминает о исследуемом нами виде наказания лишь в четырех артикулах (артикулы 1 – 4 раздела 11). Анализируя содержание указанных артикулов, особенно в сравнении с нормами, касающимися головщины, помещенными в Статутах 1566 и 1588 гг., стоит отметить, что Статут 1529 г. в этом плане находится еще на стадии раннего становления и закрепления лишь наиболее важных, основных, по мнению законодателя, положений.

Не смотря на довольно скудный объем артикулов 1 – 4 раздела 11, они все же дают нам возможность определить наиболее характерные черты головщины, как вида уголовного наказания. Отметим, что для преступника головщина была наказанием, для потерпевшего – удовлетворением за нанесенный вред. [1, 63] Имела целью головщина и возмещение за те материальные потери, которые связаны со смертью человека, как необходимые, но более отдаленные последствия. [1, 63]

В отличие от более поздних Статутов, Статут 1529 г. определял очень узкий круг преступлений, наказуемых головщиной. Это убийство человека путного (арт. 1 разд. 11), убийство бортника (арт. 1 разд. 11), убийство ремесленника (арт. 2 разд. 11), убийство тивуна, пристава и ключника при исполнении ими обязанностей (арт. 3 разд. 11), убийство тяглового крестьянина (арт. 4 разд. 11), убийство несвободного паробка (арт. 4 разд. 11) и убийство несвободной женщины (арт. 4 разд. 11).

Размер головщины зависел не только от тяжести преступления, но и от условия убитого. [1, 63] Так, например, за убийство “человека путного” предусматривалось наказание в размере 12 руб грошей (арт. 1 разд. 11), за убийство тяглового крестьянина – 10 коп грошей, а за убийство “несвободного паробка” – 5 коп грошей.

Влияло на размер головщины и социальное положение убитого. Особенно показательными в этом плане являлись артикулы 3 и 4 раздела 11, которые предусматривали за убийство челядинца 5 коп грошей (арт. 4 разд. 11), а за убийство челядинца, исполняющего обязанности тивуна или пристава – 10 коп грошей. Повышался уровень головщины и за убийство ремесленников, “даже, если кто-нибудь из этих ремесленников тяглый или несвободный” (арт. 2 разд. 11), причем сразу с 10 и 5 коп грошей соответственно до 12 руб грошей.

Соответственно, анализируя текст Статута 1529 г., можно прийти к заключению, что последний предусматривал четыре размера головщины, а именно 12 руб грошей, 8 руб грошей, 10 коп грошей и 5 коп грошей.

Подытоживая изложенное выше, стоит отметить, что головщина, будучи одним из наиболее тяжелых наказаний, предусмотренных Статутом 1529 г., не являлась в нем доминирующим, а лишь взаимодополняющим иные уголовные наказания элементом, который дает возможность более полно и четко урегулировать систему уголовных наказаний исследуемого периода.

1. Демченко Г. Наказаніє по Литовському Статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 гг.) / Г. Демченко. – Кієвъ: Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра, 1894. – 276 с.
2. Захарченко П. Історія держави і права України / П. Захарченко. – К.: Атіка, 2005. – 368 с.
3. Кульчицький В., Тищик Б. Історія держави і права України / В. Кульчицький, Б. Тищик. – Львів: ЛНУ, 2000. – 402 с.
4. Майкут Х. Литовські статuti та їх застосування в Україні / Х. Майкут. // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. – 2008. – № 2. – с. 34 – 42.
5. Первый или Старый Литовский Статут // Временник Общества истории и древностей Российских. – 1854. – Кн. 18. – с. 1 – 106.
6. Терлюк І. Історія українського права від найдавніших часів до XVIII століття / І. Терлюк. – Львів: Львівський інститут внутрішніх справ при НАВС України, 2003 – 156 с. – с. 51.

РАЗВІЦЦЁ КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВА БЕЛАРУСІ XVI СТ. (ПА СТАТУТАХ 1529, 1566, 1588 ГАДОЎ)

С.А.Гур'еў

Крымінальнае права Беларусі ў XVI ст. найбольшага свайго адлюстравання і развіцця дасягнула ў Статутах ВКЛ, якія сталі буйнымі і найбольш дасканалымі актамі сістэматызацыі і кадыфікацыі феадальнага крымінальнага права не толькі ў Беларусі, але і ў Еўропе. Крыніцамі Статута 1529 г. з'явіліся звычайнае права, а таксама Судзеднік Казіміра 1468 г., прывілеі, граматы, лісты, судовыя рашэнні, рымскае, польскае і нямецкае права. Статут 1529 г. быў першым у Еўропе зводам законаў, у якім змяшчаліся нормы дзяржаўнага, адміністрацыйнага, шлюбна-сямейнага, грамадзянскага, зямельнага, крымінальнага, судова-працэсуальнага і іншых галін права, ахапіўшы практычна ўсе бакі жыцця тагачаснага грамадства. Пры распрацоўцы Статута былі ўпершыню вырашаны такія складаныя тэарэтычныя і практычныя пытанні, як падзел нормаў права па галінах, размяшчэнне іх у вызначанай сістэме. Хоць у Статуце 1529 г. і прадугледжвалася захаванне прывілеяў і ільгот у галіне крымінальнага права для феадалаў, аднак яго нормы, якія абвяшчалі агульны правапарадак, былі значным крокам наперад. Так, у артыкуле 7 раздзела 1 абвяшчаўся прынцып адказнасці толькі за сваю віну, прынцып прызначэння пакарання толькі асобам, віна якіх устаноўлена судом. Гэтыя прагрэсіўныя прынцыпы змяшчаюцца і ў нормах наступных статутаў. Гэта азначае, што яны сталі базавымі прынцыпамі крымінальнага права XVI ст. [1, с. 58].

Статут 1529 г. стаў асновай для далейшага развіцця заканадаўства і новых Статутаў. У Статут 1566 г. былі унесены істотныя змены ў галіне крымінальнага права. Суб'ектам злачынства прызнаваўся толькі сталы чалавек, адказнасць непаўналетніх наступала з 14-гадовага ўзросту, абвяшчалася прэзумпцыя невінаватасці, далейшае развіццё атрымаў прынцып пакарання толькі па суду. Згодна Статуту 1566 г. асоба, якая абвінаваціла каго-небудзь у

злачынстве і не даказала яго віны, несла такое ж пакаранне, якім мог быць пакараны абвінавачаны ёю.

Статут 1588 г. увабраў у сябе ўвесь досвед папярэдніх статутаў, а таксама адлюстраванне пераход да новага ўзроўню ў развіцці прававой тэорыі, стаўшы сапраўдным помнікам беларускай прававой думкі, навукі і культуры. Статут змяшчаў новыя для крымінальнага права прынцыпы і развітаў папярэднія: роўнасці ўсіх свабодных людзей перад законам, адказнасці толькі ў судовым парадку, індывідуалізацыі пакарання (“ніхто іншы ні за чый выступ і вчынок не был каран, толькі кожны сам за свой выступ маець терпеты і каран быти” – р. 1, арт. 18) [2, с. 4]. Самым значным прававым прынцыпам, які знайшоў рэгламентацыю ў Статуце, была прэзумцыя невінаватасці. Падкрэслівалася, што суд “в речах вонтпливых склоннейший маець быти ку вызволенью нижли ку каранью” [3, с. 250]. Тэрмін турэмнага зняволення быў невялікі – да 1 года і 6 тыдняў, непаўналетнія падлягалі адказнасці з 16 гадоў (у адрозненне ад Статута 1566 г.), смяротнае пакаранне не прымянялася да цяжарных жанчын. Вызначаўся таксама тэрмін крымінальнай даўнасці ў 3 гады, па заканчэнні якога асоба не прыцягвалася да адказнасці [4].

Такім чынам, Статуты 1529, 1566, 1588 гг. сталі сапраўднымі помнікамі права Беларусі. Яны аказалі выключны ўплыў на грамадскае, культурнае і палітычнае жыццё не толькі Беларусі, але і навакольных краін, вызначылі асноўныя тэндэнцыі правасвядомасці і правапарадку тагачаснай дзяржавы на стагоддзі наперад, сталі адным з асноўных гістарычных дасягненняў беларускага народа і цэннай культурна-прававой спадчынай для нашчадкаў.

Літаратура:

1. Кузнецов И.Н., Шелкопляс В.А. История государства и права Беларуси: Пособие для студентов ВУЗ. – Минск, 2004. – с.
2. Довнар Т.И., Шелкопляс В.А. Уголовное право феодальной Беларуси (XV-XVI вв.) / Учебное пособие. – Минск, 1995. – С. 4.
3. Юхо Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Вучэб. дапам. у 2 ч., Ч. 1, Мінск, 2000. – С. 250.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Пер. на бел. мову А.С. Шагун – Мінск, 2005. – с.

КОРРУПЦИЯ И БОРЬБА С НЕЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI В.

П.В. Борботько

В настоящее время одной из главных задач правоохранительных органов является борьба с коррупцией. В связи с этим вызывает интерес вопрос об опыте и истории борьбы с этим явлением в древности, например, в ВКЛ в XVI в. Использование государственными должностными лицами ВКЛ своего служебного положения в корыстных целях и попытки власти бороться с ними нашли свое отражение как в законодательных актах рассматриваемого периода времени, так и в работах виднейших государственных и общественных деятелей XVI в.

На необходимость более пристального отбора лиц на замещение государственных должностей указывали М. Литвин, С. Будный, А. Волян, Е. Волович и т.д. Однако, практически все они также выдвигали на первый план личностный принцип. Государственный деятель должен быть моральным, добрым и набожным человеком. С. Будный, например, в своем «Катехизисе» вообще выдвинул идею троекратного предупреждения «зарвавшегося» чиновника. Однако после третьего предупреждения о том, что он нарушает закон, следовало остановиться и надеяться только на наказание со стороны Бога. Общественная мысль больше склонялась к моральной стороне проблемы, чем к отработке практики борьбы с ней путем принятия эффективных законов.

Вероятно, здесь сыграл свою роль тот факт, что по традиционным политико-правовым взглядам власть получал достойнейший представитель шляхетского сословия. В целом власть рассматривалась как награда за добродетельную и преданную службу монарху.

На уровне законодательства одним из способов борьбы со злоупотреблениями (по крайней мере, со стороны государственных руководителей городов – воевод и старост) было наделение городов Магдебургским правом. Полагаем, что это было не решение проблемы, а попытка найти выход при отсутствии в то время общепризнанной практики. Эффект был – первый опыт показывал сни-

жение количества злоупотреблений со стороны новых чиновников – городских войтов. Однако уже к концу XVI в. наблюдается увеличение жалоб городов, получивших Магдебургское право на рост злоупотреблений. Следовательно, данная мера только временно способствовала прогрессу и была малоэффективна в долгосрочном плане.

Статуты придавали большое внимание данной проблеме. Именно в Статуте 1588 г. (р. 4, арт. 1) закреплялась присяга членов земского суда, в которой судья и подсудок обязывались: 1) судить в соответствии со Статутом, 2) судить честно, не давая побряжки ни высоким, ни низким сословиям, 3) не смотреть на должности, звания и богатство, 4) не учитывать дружбу, ссору, посули, страх, взятки, наказание, месть, угрозы. Примерно такой же объем требований предъявлялся к должности писаря и подсудка.

Аналогичные же положения были определены Статутом в арт. 6, раздела 9 в отношении подкоморского суда. Судья этого суда должен был давать клятву: 1) быть верным государю, 2) быть верным жителям повета, 3) исполнять должность правильно и справедливо, 4) не использовать службное положение, 5) не брать взяток, 6) не обращать внимания на угрозы, 7) надлежащим образом вести делопроизводство в суде. Однако, опять же, данные законодательные акты фиксируют попытку решить проблему больше морально-этическими методами, чем путем внесения выработки и применения действенных уголовных норм.

Таким образом, законодательные акты и полемические труды XVI в. фиксируют, что общество и государство уже обратили свое внимание на такую проблему, как злоупотребление должностными лицами своим положением. Однако, была недостаточно эффективной попытка решить проблему морально-этическими, а не юридическими методами в силу отсутствия мировой практики и недостаточного развития права.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ МАРШАЛКА ВОЛНЫНСКОЙ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД ДЕЙСВИЯ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 Г.

Е.В. Сокальская

Судебные полномочия местных господарских урядников в разных регионах-землях ВКЛ существенно различались как в период их объединения под властью Литовского государства, так и в начале XVI в. Статут 1529 г., претендуя на роль общегосударственного закона, не смог окончательно преодолеть партикуляризм в вопросах права и местного устройства. После его издания земли продолжали руководствоваться уставными земскими грамотами.

В первой половине XVI в. на региональном уровне судебными функциями были наделены: воеводы, старосты, державцы, их наместники, копные, третейские, городские, вотчинные и церковные суды. Местные урядники осуществляли судебные полномочия от имени великого князя. Суд не был отделен от администрации и составлял часть привилея на «вряд» и имел персональный характер. Исходя из объема судебной компетенции господарских урядников украинских земель ВКЛ можно выделить две категории судов наместников: 1) суды урядников, которые были наделены полномочиями судить шляхту-бояр; 2) суды наместников-державцев и старост, лишенных этого права.

Воеводы пользовались всей полнотой судебной власти лишь в центральных поветах воеводств. В волостях, подчиненных в сфере управления воеводе, последний выполнял административные функции и был судьей для всех жителей. В иных административных единицах воеводства судопроизводство осуществляли старосты и наместники-державцы. Воевода мог рассматривать судебные дела жителей поветов, которые не были в его непосредственном управлении, лишь за особым «приказаньем» великого князя или в порядке апелляции на решение поветовых наместников. Киевскому воеводе были подсудны жители центрального повета воеводства (за исключением мещан, пользующихся магдебургским правом, частновладельческих подданных и лиц, которые судились

исключительно у великого князя) и бояре-шляхта всего воеводства, поскольку они не подчинялись суду наместников поветов.

Суд старосты Волынской земли по объему судебной компетенции приравнялся к воеводским судам. Волынский привилей 1509 г. предусматривал право старост судить «князей и панов», однако лишь после «науки господарської»: «а естли бы который провинил што князь або пан а любо землянин, ино старосте нас обослати: как мы его навчим листом або послом нашим, што бы имел с тым вчинити, ино ему подле науки наше то вчинити»^{**}.

Осуществление судебных функций урядниками в Волынской земле имело некоторые особенности. Староста делил судебные полномочия с маршалком земли. Уряды Луцкого старосты и маршалка Волынской земли часто предоставлялись одному человеку^{††}. Статус маршалка как апелляционной инстанции для волынской шляхты определен привилеем на уряд маршалка кн. Федору Сангушке от 30 января 1535 г.: «всякии земскии дела судити... А што ся дотычеть отзыватья в судех, подданымъ нашимъ ... тогда вольно будеть каждому князю и пану и земляном отозваться до него, маршалка земского»^{‡‡}. Упоминания о судебных полномочиях маршалка Волынской земли встречаем в работах М. Грушевского, М. Довнар-Запольского и В. Полищука^{§§}. М. Довнар-Запольский высказал предположение, что в компетенции маршалковского суда

---

^{**} Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. 1536 – 1598. Т. 1. – Спб. 1863. – С. 27- 28.

^{††} Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386-1795. – Kraków, 1885. – S. 21.

^{‡‡} Arhiwum knażąt Lubartowiczów–Sanguszków w Sławucie / Wyd. nakładem właściciela pod kier. Z.L. Radziwińskiego przy współudziale P. Skobelskiego i V.Gorczaка. – Lwów, 1890. – Т.4. – S. 1.

^{§§} Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т. – К.: Наукова думка, 1998. – Т. V: Соціально-політичний і церковний устрій і відносини в Українсько-Руських землях XIV–XVII віків. – С. 301; Довнар-Запольский М.В. Украинские староства в первой половине XVI в. – К.: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1908. – С. 28–29; Полищук В. Луцький замковий уряд в адміністративній системі Великого князівства Литовського до реформ 1564-1566 рр.//Український історичний журнал. – К., 2003. – № 2. – С. 3 – 13; 2005. – № 1. – С. 108 – 125.

были дела о грабежах и «гвалтах»^{***}. Это подтверждают актовые материалы из архива кн. Любартовичей-Сангушек. А именно, два письма Великого князя маршалку Волынской земли, где речь идет о полномочиях последнего относительно рассмотрения дел о «гвалтах»^{†††}. В пользу утверждения, что маршалок Волынской земли был наделен судебными полномочиями, свидетельствует и упоминание в привилеях на маршалковство о половине от каждого «пересуда», которая шла в его пользу^{†††}. В Бельском привилее 1564 г. маршалок Волынской земли упоминается среди других «врядов судовых», которых должны были заменить сословные суды: «...судов, панов, воевод, маршалков земскаго и дворнаго, и земли Волынского и их старост...»^{§§§}.

Однако, это лишь единичные указания на судебные полномочия маршалка. Рассмотрение маршалком Волынской земли и старостой Владимирским кн. Федором Сангушко в 1542 г. во Владимире жалобы архимандрита Жидичинского об отнятии церковной земли и неуплату десятины кн. Масальским происходило, согласно актовой записи, по указанию Великого князя: «ведлуг розказанья и листу господарского»^{****}. Данный акт может подтверждать как наличие постоянных судебных полномочий у маршалка, так и широкую практику передачи великим князем судебных функций относительно конкретного дела местным урядникам. Тот факт, что дело рассматривал кн. Федор Сангушко, которому адресован вышеупомянутый привилей, дает основания утверждать, что в приведенном примере, право суда входило во властные полномочия маршалка.

*** Довнар-Запольский М.В. Украинские староства ... – С. 28 – 29.

††† Arhiwum knażąt Lubartowiczów–Sanguszków w Sławucie... – Lwów, 1890. – Т.4. – S. 359, 338, 371.

††† Arhiwum knażąt Lubartowiczów–Sanguszków w Sławucie... – Lwów, 1890. – Т. 3. – S. 280.

§§§ Статути Великого князівства Литовського. У 3 т. - Т. II: Статут Великого князівства Литовського 1566 року / За редакцією С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. - Одеса: Юридична література, 2003. – С. 27.

**** Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – К., 1883. – Ч. 1, т. 6: Акты о церковно–религиозных отношениях в Юго–Западной Руси (1372-1648 гг.). / Под ред. О.И. Левицкого. – С. 33.

Опосредованно на судебные полномочия маршалков указывают артикулы Статута 1529 г. В частности, в арт. 1, 26 раздела 6 земский и дворный маршалки упоминаются среди урядников, которым подсудна шляхта. Артикул 3 раздела 6 говорит о поветовых маршалках, которые вершили правосудие в случае отсутствия местных наместников.^{††††} Однако судебные полномочия маршалка Волынской земли определялись не согласно последней нормы, а были продолжением практики, сложившейся на Волыни до издания Статута 1529 г., как указано в вышеупомянутом привилее – «яко перед тым за предков и за отца». Во время рассмотрения судебных дел на сеймике Волынской земли маршалок председательствовал в «сеймовом» суде. В 1531 р. Великий князь именно маршалку поручил провести следствие по делу, которое поступило на рассмотрение великокняжеского суда. Ему предписывалось вместе со старостою и князьями во время сеймика провести опрос свидетелей^{‡‡‡‡}.

Судебные функции маршалка Волынской земли, как первой, так и апелляционной инстанции, были одним из проявлений особенностей судебно-административного устройства Волынской земли в первой половине XVI в. Несмотря на санкционированную Статутом 1529 г. реформу судоустройства, в первой половине XVI в. в регионах, вопреки предписаниям закона, сохранился устоявшийся порядок осуществления правосудия. Судоустройство Волыни, Брацлавщины и Киевщины, эволюционируя в русле общегосударственных реформ судебных органов ВКЛ, большей частью, сохранило традиционную для этих земель организацию и компетенцию судебных органов. На Волыни до середины XVI в. действовали сеймовые суды и суд маршалка Волынской земли как апелляционные инстанции. Шляхта поветов Киевского воеводства находилась в юрисдикции воеводы, а не поветовых старост. На территории украинских воеводств и после издания Статута 1529 г. руководствовались уставными

^{††††} Статути Великого князівства Литовського: У 3 - х томах. – Т. I: Статут Великого князівства Литовського 1529 року / За редакцією С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. - Одеса: Юридична література, 2002. - 464 с.

^{‡‡‡‡} Архив Юго-Западной России... – К., 1907. – Ч.8, т. 4: Акты о землевладении в Юго-Западной России в XVI–XVIII ст. / Под ред. М.Владимирского-Буданова. – С. 196.

земскими грамотами, фиксировавшими региональную идентичность, в том числе и в вопросах судостройства и судопроизводства.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО В XVI В. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

И.В. Гринёв

Со времени своего возникновения древние белорусские государства (Полоцкое, Витебское, Турово-Пинское и другие княжества) активно участвовали в международных отношениях, о чем свидетельствуют дошедшие до нашего времени договоры*. Такая практика продолжалась и после вхождения их в состав ВКЛ. Международные соглашения ВКЛ с другими государствами в XIV–XV вв. свидетельствуют об активном участии Княжества в европейских международных делах, а также о стремлении ввести их в законодательное русло. Так, при вступлении на великокняжеский престол Александра был издан в 1492 г. новый закон, который включал важнейшие принципы международной политики ВКЛ: поддержание добрососедских отношений с другими государствами, соблюдение заключенных соглашений, союзов, обязательств и договоров о мире. В грамоте Александра даже перечислялись государства, куда на основании предыдущих обычаев и соглашений традиционно направлялись посольства (Московия, Заволжская Орда, Перекопская Орда, Валахия, Королевство Польское, княжество Мозовецкое, Пруссия, Ливония, Псков, Великий Новгород, Тверь и Рязань*). Следует сказать, что всеми государствами Европы периодически заключенные соглашения нарушались, возникали локальные и крупные войны, которые заканчивались кратким перемирием или сравнительно продолжительными периодами мира.

Для ВКЛ в середине XV в. была окончательно снята угроза завоевания белорусских и литовских земель немецкими рыцарями, а Тевтонский орден стал вассалом Польши. Однако новым серьезным противником ВКЛ и стало Великое княжество Московское. Оба государства, соперничая между собой за первенство в регионе, стремились укрепить свои позиции в Европе и увеличить собственную территорию.

Основными векторами внешней политики ВКЛ во второй половине XV в. - первой половине XVI в. были отношения с Польшей, Москвой, Крымским ханством, а также с государствами Западной Европы. Главными чертами международной политики ВКЛ в то время являлись: приостановление территориальной политической экспансии на восток и отказ от программы объединения всех восточнославянских земель под скипетром Великого князя Литовского*. В конце XV в. ВКЛ перешло к обороне своих позиций, потеряв в конфликтах с Москвой часть территорий на востоке. С другой стороны, произошел широкий выход его на европейскую политическую арену.

Руководство ВКЛ стремилось проводить гибкую международную политику. Так, в канце XV в. с целью не вызвать недовольства Римской курии и примириться с Москвой было решено закрепить мир между двумя государствами женитьбой Великого князя Александра на дочери московского князя Ивана III Елене. Против брака выступила вначале мать Александра, уступившая в дальнейшем воле Папы Римского, одобрившего брак. В связи с этим в 1494 г. был заключен «вечный мир», который продержался только шесть лет. В очередной войне с Москвой 1500–1503 гг. ВКЛ потеряла 19 городов, в том числе Чернигов, Брянск, Стародуб, Гомель.

Одновременно усиливается деятельность московского православного духовенства под лозунгом «Москва – третий Рим». Москва стремилась стать наследницей Византийской империи, что вело к новым войнам. В 1514 г. был занят Смоленск. В 1521 г. окончательно потеряла свою независимость Рязань. Были присоединены к Московскому государству и другие, союзные с ВКЛ княжества, которые не получили в свое время от него помощи, хотя имелись соответствующие договоры о взаимопомощи. Это сделало Московское государство, которое в первой половине XVI в. стало стремительно превращаться в Русское централизованное государство, самым опасным противником ВКЛ. Также агрессивную политику в отношении ВКЛ проводило Крымское ханство. В отношениях ВКЛ с Польшей постепенно усиливались государственно-политические связи и сближение дворянства, хотя внешнеполитические инте-

рессы двух государств часто не совпадали, что приводило к периодическим конфликтам.

Ученые отмечают, что в 30-80-е годы XVI в. в Восточной Европе в ходе борьбы за золотоордынское геополитическое «наследие» завершилось формирование новой системы межгосударственных отношений*. Геополитические изменения были следствием нового соотношения военно-политического и экономического потенциалов. Они привели к новой расстановке политических сил, к возникновению новых проблем в международных отношениях в Восточной Европе, отразились на целях и задачах и политических установках многих государств, оказали большое влияние на последующее развитие государственности всех славянских народов и их соседей.

В первой половине XVI в. идет процесс дальнейшего укрепления государственности ВКЛ, чему способствовала внутренняя централизационная политика ВКЛ. Государство активно консолидировало в единый политический организм включенные в его земли. Оно было достаточно широко представлено и на международной арене, свидетельством чему явилось, например, участие в Венском конгрессе 1515 г. Несомненно, укреплению государства служила и законодательная политика, стремление к унификации законодательства на всей его территории. Результатом этого стала разработка и принятие первого свода законов ВКЛ - Статута 1529 г., стал отправной точкой для дальнейших укреплений внутреннего единства государства, а также авторитета и позиций на международной арене.

Дипломатия ВКЛ в первой половине XVI в. сводилась в первую очередь к обеспечению покоя на южных границах, налаживанию хороших отношений с Турцией и Крымом, т.к. войска последних продолжали нападать на земли ВКЛ. Например, с 1474 г. по 1569 г. произошло 75 нападений крымских татар, в том числе 12 – на Беларусь*. В целом отношения Крыма с ВКЛ, Польским и Московским государствами были очень сложными и переменчивыми. В первой половине XVI в. в Крымское ханство часто выступало союзником ВКЛ и Польши против Московского княжества. В 1532 г. был заключен мирный до-

говор Польши и ВКЛ с Турцией и Крымским ханством. Связи между этими государствами еще больше укрепились во время правления Сигизмунда Старого, который старался перенаправить нападения татар на Московское княжество. Война ВКЛ с Московским государством в 1543-1537 гг. отразила сложившееся к этому времени относительное равновесие сил.

Однако в целом в результате пяти войн конца XV - первой половины XVI вв. Московское государство завоевала значительную часть восточных (в том числе и белорусских) территорий. Ослабленная этими войнами, а также систематическими набегами татар, ВКЛ к середине XVI в. уже не могло вести за них борьбу. К тому же ВКЛ столкнулось с претензиями Ивана IV на современные белорусские и украинские земли. Принятие Иваном IV в 1547 г. царского титула, который стал для молодого российского государства идеологической доктриной и внешнеполитической программой, привело к новому витку политического и военного противостояния. Московское государство стала реализовывать далеко идущую стратегическую программу, в ходе решения которой овладела Поволжьем (1552 г.), покорила Казанское ханство (1552 г.), присоединила Астрахань (1556 г.), установила вассалитет над Большой Нагайской Ордой (1557 г.) и др. Благодаря такой политике, она стала превращаться в мощное государство, способную вести борьбу и за выгодные геополитические позиции в Восточной Европе. Всё это подталкивало ВКЛ к более тесному взаимодействию с Польшей.

Ливонская война и дальнейшие международные акции ВКЛ были вызваны предыдущими отношениями с Московским государством. Следствием этого стала агрессивная международная политика Ивана IV, успехи России в начале Ливонской войны, и особенно взятие в 1563 г. Полоцка. ВКЛ удалось стабилизировать ситуацию. Однако в это время трудности в условиях династического кризиса были использованы Польшей. В результате политического давления поляков и занявшего их сторону Сигизмунда-Августа ВКЛ была вынуждено было заключить в 1569 г. Люблинскую унию.

Следует отметить, что приближающийся династический кризис не позволил ВКЛ в 1568-1572 гг. воспользоваться сложным международным положением России и глубоким ее внутривосточным кризисом. После прекращения династии Ягеллонов в 1572 г. ВКЛ проводило достаточно самостоятельную внешнюю политику. В отношениях с Россией активно использовалась тайная дипломатия, примером чему служит дезинформация Ивана IV относительно шансов московской кандидатуры на вакантный престол. Избрание королем Речи Посполитой Стефана Батория укрепило позиции представителей ВКЛ в вопросах внешней политики государства. Ливонская война завершилась 10-летним Ямпольским перемирием в 1582 г., которое подвело черту в борьбе не только за Ливонию, но и за доминирование в Восточной Европе. В 1587 г. в Каменце было подписано мирное соглашение между ВКЛ и Россией, с которой Речь Посполитая фактически находилась в состоянии войны. Этот сепаратный мир не был легитимным с точки зрения Люблинской унии и элекционный сейм РП не признал его законным, однако в политическом плане соглашение ясно продемонстрировало новый расклад сил и рост политических амбиций ВКЛ. Далее в течение 1586-1588 гг. происходит консолидация руководящей политической элиты ВКЛ по причине ослабления влияния католической партии, которая поддерживала кандидатуру Максимилиана, а также по причине уменьшения внешнего вмешательства во внутренние дела ВКЛ со стороны влиятельных политических группировок Польши*.

Тенденция укрепления позиций ВКЛ на международной арене и стремление к независимости государства нашли яркое отражение в третьем Статуте 1588 г., который как бы не заметил Люблинской унии и закрепил государственный суверенитет Княжества. Однако двойственное отношение политической элиты литвинов к Люблинской унии, ее неспособность консолидироваться по важнейшим вопросам дальнейшего государственного строительства привели в последующем к ухудшению внутреннего и международного положения ВКЛ.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

М.А.Юрочкин

Великое княжество Литовское сыграло большую роль в истории средневековой Восточной Европы. Это государство занимало особое место в регионе не только в силу своего геополитического расположения, но и по причине существования на своей территории различных этносов, конфессий, политических институтов, социальных групп.

В российской науке изучение истории Великого княжества Литовского не утратило своей актуальности, о чём свидетельствует появление в 1990-х – начале 2000-х гг. новых работ [1] и продолжение публикации источников по истории этого княжества [2]. Идёт процесс «возвращения имён» забытых историков XIX века – исследователей Великого княжества Литовского, свидетельством чему является переиздание их трудов [3].

Кроме этого, обращение к накопленному в тот период историографическому опыту актуально потому, что отечественная литература XIX – начала XX века по истории Великого княжества Литовского остаётся малоизученной. Это обусловлено тем, что в течение длительного времени в отечественной историографии единственным центром объединения русских земель считалось Московское княжество. Поэтому изучение предпосылок и причин этого объединения было приоритетным направлением в работах ученых, а Великое княжество Литовское в качестве альтернативного центра не рассматривалось.

Под влиянием научных контактов с польской гуманитарной средой, а также открытия новых источников, российская историография в 1820-е годы поступательно шла к включению Великого княжества Литовского в область научного изучения. В 1823 году в журнале «Соревнователь просвещения» вышла статья И.Даниловича о Литовском Статуте, в которой исследователь отмечал сходство многих правовых норм Статута с Русской Правдой. И. Данилович в 1827 году издал в латинской транскрипции Супрасльскую летопись, содержащую сведения по истории Великого княжества Литовского. В 1828 году в

Санкт-Петербурге возник план издания на русском языке учебника И. Лелевеля по истории Польши, в котором содержался раздел о Великом княжестве Литовском. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского», вышедшей в 1810–1820-е годы, частично затронул историю Великого княжества Литовского.

1910-е годы по своему историографическому содержанию примыкают к предшествующему периоду. В это время продолжали выходить работы, сохранявшие традиции отечественной литванистики последней четверти XIX – начала XX в. как в теоретическом, так и в конкретно-проблемном аспектах. В 1908–1910 годах А.Е. Пресняков читал в Петербургском университете курс лекций по истории Великого княжества Литовского, который был издан позднее, лишь в 1939 году. В 1915 г. вышло второе издание труда М.К. Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», основанного на курсе лекций, который ученый читал в Московском университете с 1898 года.

В 1920-е гг. изучение истории Великого княжества Литовского по некоторым аспектам продолжалось, но произошло заметное изменение тематики исследований. Вопросы социально-политической истории Великого княжества Литовского и его государственного устройства перестали изучаться. Некоторые крупные учёные в области истории Великого княжества Литовского в условиях гражданской войны оказались в эмиграции (М.С. Грушевский, И.И. Лаппо), другие постепенно сменили область научных интересов (М.К. Любавский). Целостность научно-исторического сообщества нарушилась. Всестороннее изучение истории Великого княжества Литовского стало невозможным.

Первый опыт по осмыслению литературы XIX – начала XX века по истории Великого княжества Литовского был предпринят в 1920-е годы В.И. Пичета[4]. Им была дана периодизация историографии Великого княжества Литовского. Основанием для выделения периодов (до 1890-х годов и конец XIX – начало XX века) был количественный прирост знаний. Обобщённые оценки развития отечественной историографии истории Великого княжества Литовского

размывали конкретную картину эволюции исторических представлений в этой области знаний. Основной вклад статьи В.И. Пичеты состоял в представлении подробной библиографии по конкретным проблемам истории Великого княжества Литовского.

Первым исследованием, в котором специально изучалась историография проблемы образования Литовского княжества, была работа В.Т. Пашуто[5]. Возникновение интереса к этой проблеме в отечественной историографии он связал с общественно-политическими процессами – ростом национально-освободительного движения, которое обратило на себя внимание так называемой «официальной историографии» в лице Н.Г. Устрялова. Влияние концепции Н.Г. Устрялова В.Т. Пашуто продлил на весь дореволюционный период: «... последующие исследователи в сущности лишь подправляли и подновляли её, и в модифицированном виде она сохранилась в русской историографии вплоть до Октябрьской революции»[6, с.165]. Вследствие такого подхода историком были проигнорированы определённые достижения русской историографии второй половины XIX – начала XX века в вопросе об образовании государства у литовцев.

1990-е – начало 2000-х гг. ознаменовались выходом в свет новых работ, которые изменили и расширили представления об историографии истории Великого княжества Литовского XIX – начала XX века. В 1993 году была издана монография А.Ю. Дворниченко «Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий, государственности»[7]. Во вступительной части работы историк дал подробный историографический обзор по проблемам эволюции сословного строя в Великом княжестве Литовском. Им были освещены некоторые позиции учёных и по ряду других вопросов из истории Великого княжества Литовского: возникновению литовской государственности, образованию самого княжества, политическому устройству, проблеме феодализма на литовско-русских землях. А.Ю. Дворниченко выделил два периода в развитии отечественной историографии истории Великого княжества Литовского. Первый период длится до конца XIX века. Историком не было

дано целостной характеристики этого этапа. Второй период охватил конец XIX – начало XX века. Он охарактеризован более подробно. Во-первых, отмечена содержательная сторона этапа: активная публикация источников, появление трудов по истории древнерусских земель в составе Великого княжества Литовского, выход в свет обобщающих накопленный фактический материал исследований. Во-вторых, А.Ю. Дворниченко выделил концептуальную специфику данного историографического отрезка. Речь идет об установлении историками взаимосвязи между древнерусским периодом в истории юго-западных и западных русских земель и периодом их пребывания в составе Великого княжества Литовского[8,с.12].

Необходимо отметить, что А.Ю. Дворниченко даёт уже сформировавшуюся точку зрения российских историков на ту или иную проблему истории Великого княжества Литовского. Представлен перечень точек зрения вне истории их генезиса и взаимосвязи. Хотя это, вероятно, не входило в задачи историка. Поэтому сравнительно недавно А.Ю. Дворниченко заявил о необходимости создания отдельного историографического труда[9,с.39].

В 1996–1997 годах вышли работы С.И. Михальченко «Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права)» и «Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики)». По своему содержанию они значительно превосходят существующие в российской историографии исследования[10]§§§§. Автором представлены обширные биографии исследователей, перипетии служебной карьеры и их отражение на творчестве историков, общественно-политические взгляды и деятельность учёных, научный вклад в разработку проблем истории России. Проанализирована методологическая основа их исследований, показано влияние западноевропейской исторической мысли на взгляды историков. По персоналиям освещена работа историков по сбору и публикации исторических источников. Для данного исследования наиболее ценны представленные С.И. Михаль-

---

ченко итоги дискуссии о государственном устройстве Великого княжества Литовского между Ф.И. Леонтовичем и М.К. Любавским.

Взгляды М.К. Любавского на историю Великого княжества Литовского были более подробно затронуты в статье Ю.Ф. Иванова «М.К. Любавский – выдающийся учёный и педагог»[11], вышедшей в 2001 году. Но они рассматриваются вне контекста развития русской историографии истории этого государства, а дискуссии, последовавшие за выходом в свет трудов историка, не освещены. Также не рассматривается эволюция взглядов учёного с конца XIX века, когда появились первые его труды, до 1910 года – момента выхода его «Очерка истории Литовско-Русского государства». Хотя рамки небольшой статьи не позволяли её автору подробно коснуться этих вопросов.

В 2004 году была переиздана указанная работа М.К. Любавского. В предисловии к основной части А.Ю. Дворниченко осветил развитие историографии истории Великого княжества Литовского в XIX–XX веках как в России, так и за рубежом[12]. Были затронуты взгляды историков, в основном, на общинные институты и сословный строй в княжестве. Анализу взглядов учёных на развитие политических структур в государстве и социально-политической истории уделено меньше места. Так как историограф рассматривал взгляды историков, в основном, отдельно друг от друга, эволюция их представлений о «сквозных» проблемах в политической истории Великого княжества Литовского дана фрагментарно.

Отмечая достижения российской историографии на рубеже XX–XXI вв., можно сказать, что в этот период произошла смена методологических подходов в изучении историографии, и главными ориентирами в историографических исследованиях стали внутринаучные факторы развития исторической мысли. Несмотря на эти положительные моменты, современными исследователями ещё не создана работа, в которой специально бы анализировался процесс изучения в российской историографии XIX – начала XX века проблем социально-политического развития Великого княжества Литовского.

Российская историография истории Великого княжества Литовского в XIX – начале XX века прошла плодотворный путь развития. За этот период был выявлен, систематизирован и изучен значительный источниковый материал, послуживший основой для создания фундаментальных трудов по истории Великого княжества Литовского. На исторические представления учёных оказывали влияние их общественно-политические взгляды на актуальные проблемы исторической ситуации, складывавшейся в западных губерниях Российской империи на протяжении XIX – начала XX века. Своё влияние оказывало и отношение русского общества к Польше. Поэтому исторические реалии того времени преломлялись в сознании историков и влияли на трактовку ими ряда проблем истории Великого княжества Литовского.

При изучении Великого княжества Литовского понимание учеными различных вопросов было обусловлено также их общетеоретическими взглядами на ход исторического развития и конкретно-историческими положениями относительно истории Древней Руси и отдельных ее земель до момента их вхождения в княжество.

В целом в историографии истории Великого княжества Литовского в период XIX – начала XX века можно выделить два этапа. На первом этапе в работах Н.Г. Устрялова была сформулирована первоначальная концепция истории Великого княжества Литовского. Её можно условно назвать «национальной». Возникновение этой концепции проходило под сильным влиянием напряжённой общественно-политической ситуации, сложившейся в отношениях между польским и русским обществами в 1830-е годы.

С начала существования «национальной» версии истории Великого княжества Литовского в ней возникли моменты, трудно совместимые с научными требованиями. Они проявились при рассмотрении сквозь призму её базовых идей событийной истории Великого княжества Литовского. В течение второй половины XIX века происходило устранение обнаруживаемых слабых мест, в результате чего первоначальные взгляды модифицировались. Но в концептуальных моментах большинство исследователей оставались на позициях, сфор-

мулированных в первой половине XIX века. Инерция их воздействия на взгляды учёных оказалась длительной.

1890–1910-е годы можно считать вторым этапом в развитии историографии истории Великого княжества Литовского. Произшедшие изменения были обусловлены введением в научный оборот в конце XIX – начале XX века нового комплекса источников по истории Великого княжества Литовского, прежде всего, Литовской метрики. После их изучения были отвергнуты многие базовые идеи сложившейся в первой половине XIX века исторической концепции.

В этот период в исторических представлениях утвердилось положение об определяющем влиянии на ход исторического развития княжества внутренних факторов. Данный подход позволил сформулировать новую концепцию истории Великого княжества Литовского. Историческое развитие княжества освободилось от всеобщей обусловленности субъективными, личностно-психологическими факторами и от национально-религиозного наполнения конкретной политической истории и уступило место новому концептуальному подходу. Он заключался в понимании развития общественно-политического строя Великого княжества Литовского как независимого от польского влияния в той степени, в какой оно представлялось предшественникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Д.Н. Южная, юго-западная и Центральная Русь в XIII-XIV вв. и образование Литовского государства. М.: Наука, 1994. – 168с.; Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI-первой половине XVII в. Ч.1-2. М.: Индрик, 1996; Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М.: Ин-т российской истории, 1996. – 234с.; Дворниченко, А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий,

государственности. М. 1993.: Изд-во СПбГУ, 1993. – 368с.; Дискуссия «Великое княжество Литовское» // Родина. 1993. №3. С.81-93; Думин, С.В. Другая Русь. Великое княжество Литовское и Русское // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М.: Политиздат, 1991. С.76-125; Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV-первой трети XVI в. М.: Археологический центр, 1997. – 135с.; Янин, В.Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII-XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 179с.

2. Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV-XVII вв. М.; Варшава: Древлехранилище, 1999. – 4Т; Петр Дусбургский. Хроника земли Прусской. М.: Ладомир, 1997. -198с.

3. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Наука, 2004. – 232с.

4. Пичета, В.И. Разработка истории белорусско-литовского права XV-XVI вв. в историографии // Белоруссия и Литва XV-XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1961.-248с.

5. Пашуто, В.Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 345с.

6. Там же. С. 165.

7. Дворниченко, А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – 246с.

8. Дворниченко, А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 12.

9. Дворниченко, А.Ю. Литовско-русское государство: историографические и источниковедческие заметки // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. №1. С.39.

10. Михальченко, С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М., Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 1996. – 168с.; Михальченко, С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М., Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 1997. – 240с.
11. Иванов, Ю.Ф. М.К. Любавский – выдающийся учёный и педагог // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 150-161.
12. Дворниченко, А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004. С. 14-30.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Арлоўская Алена Іванаўна - дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт.

Барбоцька Павел Валянцінавіч - дацэнт кафедры гісторыі і тэорыі права Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.Машэрава, кандыдат гістарычных навук.

Вяршок Ірына Леанідаўна - дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук.

Вішнеўская Ірына Уладзіміраўна - дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі права Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

Вайшвіла Альфонсас - загадчык кафедры філасофіі права ўніверсітэта імя М. Ромерыса, прафесар, доктар хабілітаваны.

Голубева Людміла Леанідаўна - дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук.

Гур'еў Сяргей Аляксандравіч - аспірант кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Грынёў Ігар Віктаравіч - выкладчык Ваенна-марской Акадэміі ім. М.Г.Кузняцова.

Грынёў Святлана Дзмітрыеўна - прафесар кафедры грамадзянскага права Хмяльніцкага ўніверсітэта кіравання і права, кандыдат юрыдычных навук.

Драбязка Сцяпан Рыгоравіч - прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар, Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь.

Доўнар Таісія Іванаўна - прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар.

Дзідыч Тарас Алегавіч - дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Кіеўскага ўніверсітэта права Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, кандыдат юрыдычных навук.

Ермаловіч Віктар Іванавіч - дацэнт кафедры міжнароднага эканамічнага права Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

Журбялюк Галіна Уладзіміраўна - дацэнт кафедры міжнароднага права і спецыяльных навук факультэта прававых навук Нацыянальнага інстытута “Кіева-Магілянская акадэмія”, кандыдат гістарычных навук.

Землянінава Алена Анатольеўна - старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Калінін Сяргей Артуравіч - загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт.

Ляшэнка Ганна Генадзьеўна – суіскальнік кафедры міжнароднага права і спецыяльных навук факультэта прававых навук Нацыянальнага інстытута “Кіева-Магілянская акадэмія”.

Матарас Валянцін Нікіфаравіч - дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук.

Марысюк Канстанцін Багданавіч - дацэнт кафедры крымінальнага права і крыміналогіі юрыдычнага факультэта Львоўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Івана Франка, кандыдат юрыдычных навук.

Музычэнка Пётр Пятровіч - прафесар кафедры гісторыі дзяржавы і права Адэскай нацыянальнай юрыдычнай акадэміі, кандыдат юрыдычных навук, прафесар.

Паўлаў Вадзім Іванавіч - намеснік начальніка кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь, кандыдат юрыдычных навук.

Пыско Алена Іванаўна - асістэнт кафедры дзяржаўна-прававых дысцыплін Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта.

Сакальская Алена Уладзіміраўна - дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Адэскага дзяржаўнага ўніверсітэта ўнутраных спраў, кандыдат юрыдычных навук.

Саракавік Іван Аляксандравіч - прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук.

Сажына Варвара Уладзіміраўна - дацэнт кафедры канстытуцыйнага і міжнароднага права Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт.

Хаткевіч Наталля Мікалаеўна - старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Чапляк Аксана Іванаўна – асістэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Кіеўскага ўніверсітэта права Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны.

Шылінская Аксана Уладзіміраўна - старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Шчэрбік Дзмітрый Васільевіч – выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Юрачкін Міхаіл Аляксеевіч – намеснік дырэктара па вучэбна – выхаваўчай рабоце Інстытута бесперапыннай адукацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук.

Яцкевіч Ігар Рыгоровіч - загадчык кафедры дзяржаўна-прававых дысцыплін Прыватнага інстытута кіравання і прадпрымальніцтва, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

